V 123
261

У 123
261

На правахъ рукописи.

Напечатано съ разрѣшенія Министерства
Народнаго Просвѣщенія

НАЧАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ
Казанскаго и Уфимскаго края.

Докладъ Окружного Инспектора Кавказскаго учебнаго округа
С. С. ЛАРІОНОВА.

Типографія П. П. Сойкина Петроградъ, Стремянная, 12
1916

V 123
261.

На правахъ рукописи.

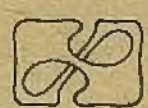
Напечатано съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ

Казанскаго и Уфимскаго края.

Докладъ Окружного Инспектора Кавказскаго учебнаго округа

С. С. ЛАРІОНОВА.



202 ф.
1931

Типографія П. И. Сойкина Петроградъ, Стремянная, 12

1916.

2007041696

Согласно распоряженію Вашего Сіятельства, я, съ цѣлью составленія доклада о постановкѣ образованія у инородцевъ Поволжскаго и Приуральскаго края, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ текущаго года посѣтилъ наиболѣе важные пункты Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ (Казань, Симбирскъ, Уфу, Бирскъ, Оренбургъ, Актюбинскъ), обслѣдовалъ на мѣстахъ переписку по инородческимъ дѣламъ, сосредоточенную въ Управленіяхъ учебныхъ округовъ и дирекціяхъ народныхъ училищъ, изучилъ соотвѣтственную русскую и татарскую литературу по инородческому вопросу, имѣлъ бесѣды съ цѣлымъ рядомъ представителей духовной и свѣтской администраціи и общественными дѣятелями и ознакомился непосредственно съ постановкой преподаванія какъ въ начальныхъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти инородцевъ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ учительскій персоналъ для этихъ школъ. Хотя полнотѣ осуществленія намѣченныхъ мнѣ задачъ и препятствовали въ весьма значительной мѣрѣ обстоятельства переживаемаго времени, вызвавшія позднее начало занятій въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ и наличность значительныхъ временныхъ особенностей въ постановкѣ дѣла (занятія въ двѣ смѣны и т. п.), а равно мѣшало и то обстоятельство, что интересы общественныхъ и административныхъ дѣятелей въ настоящее время далеки отъ школы и школьной политики и направлены почти исключительно къ тому, что связано съ войной,—тѣмъ не менѣе въ распоряженіи моемъ оказалось настолько достаточное количество матеріала, что я беру на себя смѣлость представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства составленный на его основаніи докладъ о постановкѣ инородческаго образованія въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ.

Тѣ данныя, которыя добыты мною путемъ непосредственнаго знакомства съ постановкой инородческаго образованія въ Казанскомъ и Уфимскомъ краѣ, заставляютъ меня раздѣлить вопросъ объ инородческомъ образованіи, вообще, на два отдѣльныхъ вопроса: вопросъ объ образованіи мусульманъ и вопросъ объ образованіи инородцевъ-христіанъ и язычниковъ. Къ этому побуждаетъ меня какъ различіе въ образовательныхъ средствахъ, которыми располагаетъ каждая изъ этихъ двухъ группъ въ отдѣльности—степень развитія родного языка, письменности и литературы,—такъ и различіе тѣхъ мѣропріятій, которыя принимаются и должны приниматься правительственной властью въ цѣляхъ пріобщенія инородцевъ къ русской культурѣ.

I. Вопросъ о постановкѣ образованія у мусульманъ.

Факторы, вліявшіе на отношеніе мусульманъ къ мѣропріятіямъ правительства.

Въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ XIII-го столѣтія нынѣшній Волжско-Камскій край, въ которомъ до того времени господствовали булгары, подвергся нашествію монголо-татаръ, завладѣвшихъ въ короткое время всѣмъ пространствомъ по Волгѣ и Камѣ и на востокъ за Уральскія горы. Новые завоеватели подчинили себѣ булгарскую землю, но находясь на низшей, сравнительно съ покоренными, ступени цивилизаціи, сами должны были воспринять элементы цивилизаціи завоеваннаго ими древняго, богатаго, благоустроеннаго царства, заимствовать у него осѣдлость, городской бытъ, торговую предпріимчивость и мусульманство.

Постепенно сливаясь съ побѣжденными, внося этимъ путемъ мягкость въ нравы и культурность въ обиходъ своей жизни, завоеватели съ теченіемъ времени образовали особую и сильную татарскую расу, значительно отличающуюся отъ татарскихъ группъ другихъ мѣстностей Россіи. Магометанская культура была усвоена татарами односторонне, своей чисто формальной стороной, выразившейся, между прочимъ, въ религіозной обрядности и привязанности къ формѣ; поэтому она не могла имѣть особо оживляющаго значенія. Однако, отъ временъ до-мусульманскихъ татары сохранили терпимое отношеніе къ представителямъ другихъ религій и почти полное отсутствіе фанатизма. Если впослѣдствіи фанатическое отношеніе къ вопросамъ вѣры и становится отличительной особенностью татаръ, вообще, и ка-

занскихъ татаръ въ особенности, если во многихъ мѣстахъ, по выраженію одного изъ изслѣдователей, „инородцы магометане живутъ съ русскими, какъ случайные соквартиранты, не входя ни въ какія близкія отношенія, какъ то слѣдовало бы гражданамъ общаго отечества“,—то объясненія этимъ явленіямъ слѣдуетъ искать въ исторіи дальнѣйшей совмѣстной жизни русскихъ и татаръ, въ характерѣ установившихся между ними взаимоотношеній и въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ насажденіе среди татаръ русской культуры.

Въ половинѣ XVI-го вѣка царь Іоаннъ IV завоевалъ Казанское царство, а затѣмъ подчинилъ и находившихся подъ властью казанцевъ черемисъ, чувашъ, мордвовъ, вотяковъ, башкиръ и т. п. Началась долгая борьба Церкви православной съ мусульманствомъ татаръ и язычествомъ другихъ инородцевъ. По взятіи города Казани царь приказалъ ломать въ немъ мечети и строить церкви, хотя, отправляя въ Казань перваго ея епископа святителя Гурія, царь и далъ ему наказъ „ласкою пріучать къ себѣ невѣрныхъ, приводить ихъ къ крещенію любовью, а не страхомъ или неволей, крестить только тѣхъ, которые изъявятъ добровольное желаніе креститься, лучшихъ изъ крестившихся держать и наставлять въ христіанствѣ, другихъ отсылать для обученія въ монастыри; обращенныхъ почасту призывать къ себѣ и угощать новообращенныхъ и поить и кормить и жаловать и беречи во всемъ, да и протчіи видя невѣрніи такое благочестіе и бреженіе и жалованіе новопросвѣщеннымъ, поревновали христіанскому праведному Закону и просвѣтились св. крещеніемъ“. Св. Гурій, а затѣмъ св. Варсонофій, бывшій нѣсколько лѣтъ до того въ плѣну у татаръ „извыкшій до конца бесерменскій языкъ и сарацинскую грамоту и навыкшій ихъ писанію и моамефова скверная преданія“, и Германъ обратили въ христіанство много тысячъ инородцевъ. Послѣ нихъ остались цѣлыя селенія такъ называемыхъ старокрещеныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ также и татаръ. Находясь еще въ періодѣ двоевѣрія, борьбы старыхъ языческихъ вѣрованій съ мусульманствомъ, татары не были особенно крѣпки въ исламѣ и потому не оказывали особаго противодѣйствія миссіонерской дѣятельности русскаго духовенства. Къ сожалѣнію, дѣло миссіи ограничивалось въ то время только обращеніемъ инородцевъ въ христіанство; массѣ обращенныхъ просвѣтители не успѣли сообщить твердыхъ основъ христіанскаго просвѣщенія. Уже въ концѣ XVI-го вѣка митрополитъ Гермогенъ въ донесеніи царю Ѳедору Іоанновичу писалъ, что новокрещеные живутъ вмѣстѣ

съ некрещеными, не исполняютъ христіанскихъ обрядовъ и хранятъ старые обычаи; въ Казани вновь были построены мечети; многіе русскіе, живя у инородцевъ въ услуженіи, измѣняли своей вѣрѣ. Правительство не имѣя въ своемъ распоряженіи другихъ средствъ, предписало отдѣлить новокрещеныхъ отъ некрещеныхъ въ особую слободу съ церковью, наблюдать за ними, чтобы они крѣпко держали православную вѣру, а „которые держатъ не крѣпко, тѣхъ сажать въ тюрьму; мечети въ городѣ въ конецъ извести". Эти мѣры вызвали недовольство среди татаръ, и миссіонерская дѣятельность на продолжительное время почти прекратилась. Вновь обращено было вниманіе на инородцевъ лишь въ началѣ XVIII-го вѣка, когда заговорили объ ихъ крещеніи и объ устройствѣ между ними школъ съ миссіонерскимъ характеромъ. Были отпущены средства на открытіе школъ въ Свіяжскѣ, Царевококшайскѣ, Елабугѣ и Казани. Въ 1740 г. въ Свіяжскѣ была открыта „новокрещенская контора", обратившая все вниманіе свое на крещеніе инородцевъ въ возможно большемъ количествѣ. Наши миссіонеры и администраторы, не вникая въ душевную сторону дѣла, въ бытовыя условія, не зная языка, крестили инородцевъ цѣлыми толпами. По записи въ реестрѣ, инородцевъ бросали, оставляя безъ дальнѣйшаго въ вѣрѣ наставленія. Цѣлыя деревни „Василь-Иванычей" затѣмъ оповѣщались къ обязательной явкѣ въ церковь въ большіе праздники и царскіе дни, или обязывались къ домашнему пребыванію въ виду предстоявшаго посѣщенія приходскаго причта съ крестомъ и пр.

Больше другихъ работалъ въ этомъ направленіи казанскій епископъ Лука Конашевичъ, считающійся просвѣтителемъ Казанскаго края. Въ теченіе 15 лѣтъ было обращено около 500.000 душъ разныхъ инородцевъ, получившихъ съ тѣхъ поръ названіе новокрещеныхъ. Татары крестились рѣдко: за все это время ихъ было крещено не болѣе 8000, да и тѣ всегда были готовы отпасть отъ новой вѣры и вернуться въ исламъ. Своимъ упорствомъ противъ всѣхъ усилій миссіонеровъ и властей татары навлекли на себя даже настоящее гоненіе, о бѣдствіяхъ котораго татары хранятъ озлобленныя преданія и до настоящаго времени. Свіяжская комиссія раздавала новокрещеныхъ въ крѣпостную зависимость разнымъ людямъ „якобы воспріемникамъ и для обученія христіанскаго закона". Гражданское начальство вредило дѣлу просвѣщенія своими поборами съ инородцевъ. Правительство для усиленія дѣятельности Свіяжской конторы объявило всѣмъ новокрещенымъ инородцамъ свободу отъ ихъ

некрещеныхъ помѣщиковъ, три года льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и прощеніе преступленій, совершенныхъ до крещенія. Всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, приказано было разложить на некрещеныхъ для побужденія и ихъ къ принятію православія. Въ отношеніи татаръ, все крѣпче и крѣпче державшихся своей вѣры, Лука Конашевичъ примѣнялъ суровыя мѣры: ломалъ мечети, особенно въ селеніяхъ, гдѣ съ некрещеными жили и крещеные, запрещалъ строить новыя, насильно отбиралъ дѣтей въ школы, построилъ двѣ церкви въ татарской слободѣ въ Казани и учредилъ въ этой церкви крестные ходы, разобралъ остатки уважаемыхъ татарами булгарскихъ сооруженій и изъ развалинъ ихъ устроилъ церковь, монастырскіе погреба и проч. Правительство съ своей стороны увеличивало налоги на некрещеныхъ, переселяло ихъ въ другія мѣста *).

Это мѣры едва не вызвали общаго возстанія и побудили правительство умѣрить ревность о вѣрѣ и перевести Луку Конашевича въ другую епархію. Однако, создавшееся озлобленіе нашло для себя нѣкоторый исходъ въ разразившейся вскорѣ затѣмъ „пугачевщинѣ“ и сохранилось и до сего времени, создавъ въ характерѣ татаръ крайнюю подозрительность, недовѣріе ко всякой мѣрѣ, исходящей отъ правительства. Этого недовѣрія не могли поколебать и гуманныя распоряженія Императрицы Екатерины II, приказавшей закрыть новокрещенскую контору, уничтожившей денежную отвѣтственность некрещеныхъ за крещеныхъ, разрѣшившей татарамъ строить мечети и запретившей духовенству вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла объ иновѣрцахъ и ихъ молитвенныхъ домахъ и посылать къ нимъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Независимо сего, Екатерина II дала русскимъ мусульманамъ особую религіозную организацію—не находящую, впрочемъ, себѣ основанія въ шаригатѣ—учредивъ два муфтіата—въ Уфѣ и Крыму; въ Петроградѣ въ количествѣ 3000 экземпляровъ былъ отпечатанъ Коранъ для разсылки по губерніямъ, населеннымъ татарами. Не заставили забыть гоненій XVIII-го вѣка и мѣры Императора Александра I, учредившаго первую татарскую типографію въ Казани и тѣмъ способствовавшаго распространенію книгъ среди татарскаго населенія.

---

*) Тяжелое положеніе инородцевъ, между прочимъ, наглядно выразилось въ не вымершемъ еще обычаѣ устроить обидчику „суху-бѣду“, т. е. обиженный давился на веревкѣ у обидчика на дворѣ, чтобы подвести его подъ протори и убытки отъ суда и слѣдствія.

Почти съ самаго начала XIX-го вѣка начались массовыя отпаденія новокрещеныхъ татаръ въ исламъ. Въ 1827 году жители 138 деревень подали на Высочайшее имя прошеніе о разрѣшеніи вернуться въ исламъ, говоря, „что христіанской вѣры они совсѣмъ не знаютъ. Самое большое отпаденіе татаръ произошло въ 1866 г. въ эпоху великихъ реформъ Императора Александра II. Повсюду отступники выкидывали образа, сбрасывали съ себя пояса, надѣвали тюбетейки и отправлялись вмѣсто церкви въ мечеть. Начальство принималось судить ихъ, вызывало въ консисторію для увѣщанія, сѣкло, переселяло въ русскія селенія, ссылало въ Сибирь. Духовенство оказывалось совершенно неподготовленнымъ къ просвѣщенію татарской паствы и къ удержанію ея въ христіанствѣ, потому что не знало ни ея языка, ни вѣрованій.

Каждый разъ, какъ въ консисторіи требовались люди для увѣщанія отпавшихъ, въ епархіи не находилось ни одного священника, который зналъ бы татарскій языкъ и магометанское вѣроученіе. Духовная школа, погрузившись въ изученіе латыни и опроверженіе ересей Арія, Несторія и Македонія, не сообщала своимъ питомцамъ никакого понятія о томъ, что у нихъ было передъ глазами, съ чѣмъ они неизбѣжно должны были столкнуться сейчасъ же по выходѣ изъ школы—понятія о мѣстныхъ инородческихъ языкахъ и вѣрованіяхъ.

Однимъ изъ результатовъ всей миссіонерской дѣятельности среди татарскаго населенія явилось образованіе небольшого количества старокрещеныхъ татаръ (нагайбаковъ), которыхъ нельзя назвать христіанами: „это, по выраженію проф. Знаменскаго, какое-то межеумочное, хотя и весьма интересное племя, представляющее въ своихъ убѣжденіяхъ и привычкахъ какую-то смѣсь христіанства съ магометанствомъ и язычествомъ". Вѣрованія этихъ татаръ составились изъ взаимодѣйствія трехъ религій: языческой, мусульманской и христіанской. Эту смѣсь трехъ вѣръ они и сохранили, какъ любопытный памятникъ старины, по нѣкоторымъ глухимъ мѣстамъ почти цѣликомъ дотянувшій свое существованіе до нашего времени, какъ печальное свидѣтельство слабости на нихъ русскаго вліянія. Они до сихъ поръ считаютъ Спасителя однимъ изъ пророковъ, отвергаютъ догматы о св. Троицѣ, иконопочитаніе, во всей силѣ исповѣдуютъ символъ ислама: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Магометъ—пророкъ его"!

Вѣрованія въ загробную жизнь тѣ же, что у мусульманъ. Въ церковь старокрещенцы не ходятъ, а если когда и явятся, то не молятся, молитвы читаютъ по-татарски („творятъ аминь"),

передъ началомъ дѣла говорятъ: „бисмилля“, постовъ не соблюдаютъ, исповѣдуются и причащаются только передъ свадьбой да передъ смертью; приносятъ жертвы Тэнгере-Бабаю („небо-дѣдъ“) и другимъ богамъ, вѣрятъ въ кереметей и т. п.

Не лучше и религіозное состояніе новокрещеныхъ татаръ, особенно тамъ, гдѣ они предоставлены самимъ себѣ и стоятъ внѣ всякаго благотворнаго вліянія церкви и школы *).

Другимъ существеннымъ результатомъ дѣятельности миссіонеровъ въ Волжско-Камскомъ краѣ было созданіе исключительно сильнаго недовѣрія къ русской власти, русскому человѣку и вообще всему русскому и развитіе среди мусульманъ крайняго фанатизма, національной исключительности и сплоченности. Проникнувшись духомъ ненависти и злобы по отношенію къ иновѣрцамъ, татары замкнулись въ своей фанатичной средѣ, упорно не допуская проникновенія въ нее не только христіанства, какъ религіи, но и христіанскихъ и общечеловѣческихъ идей; они всѣми силами старались сохранить не только свои религіозныя вѣрованія и обряды, но и унаслѣдованныя отъ предковъ особенности жизни и быта, не допуская сюда вліянія со стороны русскихъ. Русское населеніе само мало заботилось о томъ, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи татаръ и тѣмъ невольно способствовать успѣхамъ русскаго дѣла среди инородцевъ. Русскій простолюдинъ всегда смотрѣлъ на инородца съ нѣкоторымъ презрительнымъ сожалѣніемъ, соединеннымъ съ болѣе или менѣе значительной дозой чисто русскаго же добродушія. Ставя себя настолько же выше инородца, насколько взрослый человѣкъ выше ребенка, русскій человѣкъ не скупился на всевозможныя оскорбительныя для инородцевъ прозвища. Инородецъ, даже крещеный, для русскаго навсегда остается „крещеной лопаткой“, „поганой мышью“; русскій простолюдинъ считаетъ татаръ погаными существами и скорѣе дастъ въ своей посудѣ пищу собакѣ, чѣмъ татарину, которые въ свою очередь не остаются въ долгу, честя русскихъ такими эпитетами, какъ „собаки“, „чукыганы“ (свиньи) „кяпиры“ и т. п. Замѣчательно, что браки между русскими и крещеными татарами и теперь еще весьма рѣдки и считаются даже унизительными для русскихъ.

Эти обстоятельства способствовали развитію въ замкнутой татарской средѣ духа религіозной общины, каждый членъ которой

*) Русское населеніе и духовенство оказывало на нихъ чрезвычайно слабое вліяніе: лишь иногда какой-нибудь раскольничій начетчикъ заводилъ съ татарами бесѣду о двуперстіи да о 7 просфорахъ,—вопросахъ, совершенно не интересныхъ для татаръ, не понимавшихъ богослуженія.

считаетъ своею обязанностью блюсти интересы этой общины. Этой прочности религіознаго общиннаго духа не скрываютъ сами татары и по справедливости гордятся ею. Извѣстный мусульманскій публицистъ Измаилъ-бей Гаспринскій относительно этой особенности міровоззрѣнія и быта татаръ прямо заявляетъ: „Хотя магометане и лишены высокой европейской культуры, какъ силы для самосохраненія, но они въ своей религіи и проистекающемъ изъ нея своемъ общественномъ бытѣ создали весьма крѣпкую почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ во вредъ національной индивидуальности. Всякая мусульманская община представляетъ собою миніатюрное государство съ прочной связью частей съ цѣлымъ и имѣетъ свои законы, обычаи, общественные порядки, учрежденія и традиціи, поддерживаемые въ постоянной силѣ и свѣжести духомъ ислама. Каждая мусульманская община имѣетъ свою школу и свою мечеть. Мусульманское мектебе близко соприкасается съ общиной и служитъ дополненіемъ школы семейной, гдѣ чуть не съ пеленокъ дитя подвергается неотразимому вліянію отца и матери въ дѣлѣ воспитанія въ духѣ ислама, такъ что ребенокъ 7—8 лѣтъ уже имѣетъ столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивитъ всякаго новичка-наблюдателя и заставитъ задуматься всякаго рьянаго руссификатора“...

Если тщательно разсмотрѣть исторію мѣропріятій, направленныхъ къ христіанизаціи инородцевъ и въ особенности татаръ, то нельзя не прійти къ заключенію, что характеръ этихъ мѣропріятій и является главной, если не единственной, причиной развитія фанатической обособленности и недовѣрія ко всему русскому со стороны мусульманъ. Что такое утвержденіе не является особенно преувеличеннымъ, можно видѣть изъ цѣлаго ряда фактовъ, съ которыми приходится сталкиваться при знакомствѣ съ мусульманскимъ міромъ. Степень фанатизма татарскаго населенія убываетъ по направленію съ сѣвера на югъ: наибольшимъ фанатизмомъ и подозрительностью отличаются татары, живущіе въ предѣлахъ Казанской губерніи; эти татары какъ разъ больше другихъ были объектами миссіонерской дѣятельности и въ сознаніи и въ міросозерцаніи ихъ до сихъ поръ еще живутъ слѣды воспоминаній о гоненіяхъ за вѣру въ половинѣ XVIII-го столѣтія, хотя самые факты большинствомъ и забыты.

Хотя, по отзыву И. И. Ильминскаго, „Уфимскій край есть, можно сказать, магометанскій, и магометане въ немъ сильны не одной своей численностью, но и тѣмъ, что среди нихъ тамъ находятся помѣщики-дворяне, чиновники и люди, получившіе образованіе

въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ и даже университетахъ", однако и въ этомъ „воистину татарскомъ царствѣ, гдѣ и въ администраціи, и въ обществѣ, и земствѣ сильны магометане, сильны и хитры", религіозный фанатизмъ населенія мало даетъ себя чувствовать, мусульмане (главнымъ образомъ, башкиры) съ большей подозрительностью, на основаніи опыта, относятся къ дѣятельности русскихъ чиновниковъ особенно въ вопросѣ земельномъ, чѣмъ къ другимъ носителямъ русской культуры и просвѣщенія.

Далѣе на югъ—среди киргизъ наблюдается уже полное отсутствіе религіознаго фанатизма. Въ г. Актюбинскѣ (Тургайской области) въ миссіонерской церкви-школѣ, руководимой свящ. Егоровымъ, среди 70 учениковъ—учатся, живутъ 14 киргизъ-мусульманъ, при чемъ случаевъ обращенія въ христіанство кого-либо изъ учащихся киргизъ за все время существованія школы (съ 1898 г.) не было.

Что характеръ миссіонерской дѣятельности способствовалъ установленію ненормальныхъ отношеній между русской властью и мусульманствомъ, это до извѣстной степени признаютъ и сами представители Церкви. Проф. Казанской Духовной Академіи Машановъ въ докладѣ своемъ Миссіонерскому Съѣзду признаетъ, что бывали случаи, „когда миссіонеры прибѣгали къ средствамъ, которыхъ не можетъ примѣнить истинный христіанинъ", но такіе случаи были явленіемъ исключительнымъ. Почтенный профессоръ упускаетъ изъ виду, что эти именно, далеко не рѣдкіе, случаи и даютъ общую окраску всей политикѣ руссификаторства и особенно твердо запоминаются мусульманами, хотя и забываются нами. Ссылка проф. Машанова на слова митрополита Антонія: „я считаю постыднымъ дѣломъ и признакомъ безсилія прибѣгать къ принужденію и насилію въ дѣлѣ вѣры; мы должны опираться исключительно на свою нравственную силу"—отнюдь не можетъ снять съ миссіонеровъ предъявляемыхъ къ нимъ обвиненій и свидѣтельствуетъ лишь о высоко гуманномъ и истинно христіанскомъ взглядѣ покойнаго митрополита на задачи миссіи.—

Такимъ образомъ, страхъ за неприкосновенность своей вѣры, недовѣріе ко всякой правительственной мѣрѣ, подозрительное отношеніе ко всему, что исходитъ отъ русскаго человѣка—являются тѣмъ препятствіемъ, съ которымъ приходится бороться при распространеніи русской культуры и опредѣляютъ собой отношеніе къ послѣдней со стороны татарскаго населенія, не исключая, во многихъ случаяхъ, даже интеллигенціи. Въ массѣ простого народа этотъ суевѣрный страхъ, не сдерживаемый надлежащимъ умственнымъ развитіемъ, разжигаемый невѣжествомъ, тем-

нотою, доводитъ нерѣдко населеніе до поступковъ, поразительныхъ по отсутствію въ нихъ здраваго смысла и пониманія элементарныхъ явленій обыденной жизни. Въ сел. Н. Чершилахъ (Самарской губ.) одинъ татаринъ взялъ книжку въ сельскомъ русскомъ кредитномъ товариществѣ и къ ужасу своему увидѣлъ въ ней крестъ (знакъ сложенія *). Онъ сталъ безпокоиться и бояться, какъ бы его не окрестили. Пріѣхавшій въ селеніе инспекторъ народныхъ училищъ посѣтилъ школу, гдѣ обучался сынъ этого татарина, и случайно остановилъ свое вниманіе на сынѣ татарина. Отецъ, узнавъ объ этомъ, сталъ бояться, какъ бы не окрестили и сына. Чтобы этого не случилось, онъ принесъ сына въ жертву, зарѣзавъ его въ банѣ.. Конечно, этотъ случай свойства психопатологическаго, но онъ характеренъ для опредѣленія того направленія, въ какомъ работаетъ мысль простолюдина.

Нерѣдки случаи, когда наличность въ школѣ звонка заставляла татаръ брать дѣтей изъ училища, такъ какъ звонокъ (колоколъ) они считаютъ обязательной принадлежностью только христіанскаго богослуженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Самарское епархіальное начальство распорядилось произвести болѣе тщательную прописку крещеныхъ татаръ по приходамъ. Некрещеные приняли это распоряженіе на свой счетъ, рѣшили, что ихъ хотятъ насильно присоединить къ церкви, и заволновались. Въ то же время казанская администрація разослала по сельскимъ полицейскимъ властямъ циркуляры съ приказаніями о наблюденіи за чистотой около церквей, повѣшеніи на высокихъ зданіяхъ набатныхъ колоколовъ и т. п. Правила эти татары также истолковали въ смыслѣ своихъ упрямыхъ подозрѣній, заговорили, что велятъ вѣшать колокола на мечетяхъ и заботиться о церквахъ, иначе—насильно крестить. Самое слово: „циркуляръ“ переводили по своему: „церквиляръ“—церкви (ляръ—признакъ множ. числа по-турецки). Волненіе было прекращено обычными мѣрами, но оно сильно и надолго повредило русскому дѣлу во всѣхъ взволнованныхъ мѣстностяхъ. Такое же волненіе по всему татарскому міру возбудила въ 1897 году всеобщая перепись, встрѣтившая сильное противодѣйствіе среди татаръ и породившая разныя нелѣпыя подозрѣнія касательно религіозныхъ насилій со стороны правительства. Были волненія и изъ-за введенія въ татарскія школы русскаго языка. По мнѣнію нѣкоторыхъ, даже пріемы преподаванія въ школахъ являются замаскированными

*) При изученіи ариѳметики плюсъ у татаръ почти не употребляется и замѣняется условнымъ знакомъ.

обрядами христіанской вѣры: учитель, заставляя ученика показать лобъ, грудь, правое плечо, лѣвое плечо, просто заставляетъ его сдѣлать крестное знаменіе и тѣмъ приблизить его къ христіанству. Это иногда явное, иногда скрытое противодѣйствіе начинаніямъ правительства, вытекающее изъ страха за цѣлость и неприкосновенность вѣры, нерѣдко нарушало основное правило административной техники, по которому отъ каждаго инородческаго племени требуется, чтобы оно обособленностью своихъ интересовъ отъ интересовъ господствующаго народа не вносило въ механизмъ управленія розни и не задерживало естественнаго хода экономическаго и культурнаго роста государства. Своимъ примѣромъ татары еще разъ подтвердили тотъ неоспоримый законъ, что лишь народность со слабымъ религіознымъ культомъ скоро и безъ особой борьбы подчиняется вліянію болѣе сильной и болѣе высокой религіи, а затѣмъ теряетъ и прочія особенности своего племени и совершенно сливается съ господствующей; народность же, у которой религія уже сложилась на незыблемыхъ основахъ, имѣетъ свои авторитеты, свою исторію и литературу и представляетъ свою опредѣленную сферу идей—такая народность упорно отстаиваетъ свою религіозную и національную обособленность, и подчиненіе ея высшей культурѣ идетъ весьма медленно; крутыя мѣры для такой народности не достигаютъ цѣли, лишь порождая пассивное сопротивленіе этимъ мѣрамъ и скрытую вражду и тѣмъ самымъ побуждая народъ къ еще большему отчужденію и обособленію отъ ассимилирующей націи.

Факторы, вліявшіе на отношеніе правительственной власти къ мусульманству.

Если главнымъ моментомъ, опредѣляющимъ отношеніе русскихъ мусульманъ къ правительственной власти и ея мѣропріятіямъ является *страхъ*, опасеніе за цѣлость и неприкосновенность своей религіи и національной индивидуальности, то съ другой стороны въ отношеніяхъ правительственной власти, нѣкоторой части общества и общественныхъ организацій къ мусульманству далеко не безразличнымъ моментомъ является если не страхъ, то постоянное заподозрѣваніе мусульманъ въ томъ, что они проникнуты панисламическими, пантюркскими сепаратистскими тенденціями, которыя и стремятся осуществить, не стѣсняясь никакими средствами, и потому всякая на первый взглядъ невинная мѣра, всякое, повидимому, скромное желаніе съ ихъ стороны

является не чѣмъ инымъ, какъ шагомъ впередъ по пути осуществленія ихъ антигосударственныхъ стремленій. Такой взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми людьми, сравнительно близко стоящими къ мусульманамъ. Ихъ считающіеся компетентными отзывы часто оказывали вліяніе на характеръ мѣръ, принимаемыхъ въ цѣляхъ упорядоченія быта, вѣры и школы татарской.

Въ бесѣдахъ съ общественными дѣятелями Казанскаго и Уфимскаго края, въ существующей литературѣ по мусульманскому вопросу я старался собрать всѣ факты, которые извѣстной частью общества считаются проявленіями панисламистскихъ, пантюркскихъ, сепаратистскихъ и вообще антигосударственныхъ стремленій со стороны мусульманъ Россійской Имперіи. Факты эти таковы:

1) Въ XIX-мъ столѣтіи въ мусульманскомъ мірѣ обнаружилось движеніе, выразившееся въ пробужденіи мусульманъ и выродившееся, въ концѣ концовъ, въ такъ называемый „панисламизмъ", первымъ проповѣдникомъ и вдохновителемъ котораго былъ Джамаледдинъ Аль Гусейни Аль Афгани, родившійся въ Афганистанѣ. Аль Афгани путешествовалъ по Индіи, Персіи, Аравіи, Турціи, Египту, проповѣдуя всюду объединеніе мусульманъ. Панисламизмъ былъ мечтой его жизни. Въ роли апостола единенія и согласія Аль-Афгани обошелъ всѣ мусульманскія страны, проповѣдуя возвращеніе къ древнимъ традиціямъ, но безъ былого фанатизма. Онъ мечталъ о міровомъ исламѣ, какъ доброжелательномъ другѣ прогресса и цивилизаціи. Послѣ его смерти дѣло его продолжалъ Аль-Кавакаби—суровый теоретикъ панисламизма и независимый мыслитель. Для объединенія всѣхъ мусульманъ панисламисты мечтали о созывѣ конгресса. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ явилась возможность собрать конгрессъ въ Египтѣ; египтяне ухватились за эту возможность, разослали горячія воззванія по всему мусульманскому міру, но въ назначенный день... никто не явился.

2) Въ іюнѣ 1913 г. состоялось общее собраніе Лондонскаго мусульманскаго общества. Собраніе, обсудивъ вопросъ о положеніи мусульманъ всего земного шара, приняло слѣдующую резолюцію *): „постараться объединить всѣхъ мусульманъ земного шара путемъ культуры и просвѣщенія; постараться, чтобы европейцы, какъ культурные люди, дружно жили съ мусульманами и хорошо относились другъ къ другу; отстоять права мусуль-

*) Резолюцію эту считаетъ выраженіемъ панисламистскихъ идей одинъ изъ видныхъ дѣятелей по исламовѣдѣнію.

мамства, дощущенныя шарнгатомъ; привлечь мусульманъ къ просвѣщенію.., раздобыть необходимые матеріалы для просвѣщенія мусульманъ и всячески работать въ этомъ направленіи".

3) Въ Парижѣ образовалось „Мусульманское братство", членами котораго состоятъ египетскіе, тунисскіе, алжирскіе, сирійскіе, турецкіе, русскіе мусульмане *).

4) Среди татарскаго населенія доселѣ держится еще память о прежнемъ величіи татарскаго царства и вѣра въ его будущее возстановленіе. Возстановленія этого оно ждетъ отъ содѣйствія султана, который пользуется у нихъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ единый царь правовѣрныхъ во всемъ мірѣ. Мусульманскія симпатіи тянутъ татаръ не къ Петрограду или Москвѣ, а къ Меккѣ, Каиру, Стамбулу –этимъ священнымъ городамъ ислама. Со взятіемъ Стамбула кяфирами связываютъ кончину міра. Турки въ воображеніи татарскаго простонародья до личнаго его знакомства съ ними, когда ихъ въ качествѣ плѣнныхъ въ 1877 г. провозили по Казанской губерніи, представлялись въ видѣ ангеловъ исполинскихъ размѣровъ, какъ рисуетъ ангеловъ Коранъ. Плѣнниковъ встрѣчали съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, какъ подобаетъ встрѣчать старшихъ братьевъ по исламу.

5) Въ Крымскую войну татары проявили очень непріятную холодность къ своему отечеству. Рекруты ихъ, при содѣйствіи богачей, бѣгали отъ военной службы въ такомъ большомъ количествѣ, что по одному, напр., Мамадышскому уѣзду насчитано было до 200 бѣглыхъ.

6) То же самое повторилось и въ 1877 году. Русскимъ крестьянамъ и священникамъ по мѣстамъ приходилось слышать откровенныя похвальбы и предостереженія со стороны татаръ, что скоро-де „султанъ придетъ, русскихъ кунчать станетъ". Людей, пришедшихся имъ по душѣ, они успокаивали: „ты хорошъ человѣкъ, мы тебя тихонько рѣзать будемъ". Въ татарскихъ домахъ нерѣдко можно было встрѣтить портреты султана и его генераловъ. Въ періодъ затянувшихся переговоровъ о мирѣ, между

---

*) Замѣчательно, что въ рѣчи организатора при открытіи этого общества прямо сказано: „Единеніе наше въ будущемъ несомнѣнно. Подъ именемъ единенія я не подразумѣваю что-нибудь похожее на панисламизмъ, да и вообще я не вѣрю въ эту идею. Панисламизмъ—это химера, совершенно безпочвенная фантазія праздпаго человѣка... Помимо того, что панисламизмъ неосуществимъ, благодаря различнымъ независящимъ отъ насъ причинамъ; онъ излишенъ, я бы сказалъ—даже вреденъ"...

Санъ-Стефанскимъ и Берлинскимъ трактатомъ по татарскимъ деревнямъ распространились слухи, что султанъ требовалъ отъ царя отдать ему всѣхъ мусульманъ, а царь, чтобы уклониться отъ этого требованія, распорядился поскорѣе крестить всѣхъ татаръ: „потомъ, молъ, скажу султану, что это не ваши, а наши люди“ *).

7) Какъ видно изъ татарскихъ газетъ, татары съ большимъ интересомъ слѣдятъ за событіями, совершающимися въ Турціи и Персіи. Въ татарскихъ селеніяхъ и теперь ходятъ слухи, что турки скоро побѣдятъ русскихъ, завоюютъ Россію, послѣ чего заставятъ всѣхъ принять мусульманство.

8) Подобныя проявленія взаимной симпатіи родственными и единовѣрными племенами, носившія чисто натуральный, инстинктивный и неосмысленный характеръ, съ половины XIX ст. стали осмысливаться, обобщаться, получили особую національстическую подкладку, общественный и политическій смыслъ. Создался панисламизмъ. Знамя панисламизма поднялъ въ Россіи извѣстный издатель старѣйшей въ Крыму газеты „Терджиманъ“ Измаилъ Гаспринскій, благодаря которому идеи панисламизма охватили все татарское населеніе. Епископъ Алексій въ трудѣ своемъ: „Современное движеніе въ средѣ русскихъ мусульманъ“ (Казань 1910 г.) приходитъ къ заключенію, что „главный принципъ, около котораго сосредоточивается соціально-политическое движеніе среди мусульманъ за послѣдніе 3 года, который составляетъ душу его—это объединеніе всего мусульманства подъ эгидой Турціи т. е. панисламизмъ; другіе принципы, какъ напр. поднятіе религіозно-нравственнаго уровня мусульманской народной массы, распространеніе образованія, достиженіе вѣроисповѣдной и политической свободы и проч. суть принципы второстепенные и имѣютъ цѣну настолько, насколько они служатъ цѣлямъ панисламизма“.

9) Тѣми же панисламистскими тенденціями объясняется развитіе среди татаръ усиленнаго строительства по инородческимъ селеніямъ мечетей, открытіе многочисленныхъ мусульманскихъ школъ и привлеченіе въ нихъ даже дѣтей „крещеновъ“, усиленіе магометанской прессы, распространеніе разныхъ листковъ и брошюръ, направленныхъ къ пропагандѣ ислама и его идей и, наконецъ, развитіе мусульманской благотворительности ad maiorem gloriam ислама.

---

*) Эти слухи какъ разъ совпали съ появленіемъ указаннаго выше „церви-ляра“ казанскаго губернатора Скарятина.

10) Тѣ же панисламистскія тенденціи проникаютъ и всѣ постановленія мусульманскихъ русскихъ съѣздовъ, особенно III-го съѣзда 1906 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, занимавшагося, главнымъ образомъ, выработкой основныхъ положеній автономной организаціи мусульманской церкви и школы. По плану, выработанному съѣздомъ, во главѣ организаціи должны быть поставлены 5 выборныхъ муфтіевъ, съ титуломъ шейхъ-уль-исламовъ, съ духовными собраніями при каждомъ. Во главѣ шейхъ-уль-исламовъ должны стоять Рейсуль-улейма (патріархъ), избираемый мусульманами всей Имперіи и имѣющій право личнаго доклада Государю Императору. Словомъ, мусульмане въ Россіи должны получить ту же организацію, какую имѣютъ христіане въ Турціи. Таковы же вожделѣнія татарской прессы и членовъ Государственной Думы (казанскій депутатъ Максудовъ).

11) По словамъ епископа Алексія, вся татарская пресса безусловно проникнута одной идеей: „сближеніе татарскаго языка съ турецкимъ и развитіе въ народной массѣ русскихъ татаръ сознанія расоваго единства ихъ съ турками. Поэтому, изъ газетъ тщательно удаляется все то, что носитъ хоть малѣйшій намекъ на сближеніе съ русскимъ народомъ; русскіе термины, которые уже успѣли получить у русскихъ татаръ общее употребленіе, безусловно устраняются изъ печати и замѣняются турецкими.

12) Татары отказались въ 1907 г. отъ приглашенія казанскаго отдѣла союза русскаго народа войти въ составъ послѣдняго, заявивъ, что у мусульманъ не можетъ быть общаго съ партіей, программа которой заключается въ словахъ: „православная вѣра и русскій народъ“. По этой причинѣ они при выборахъ въ Думу стояли за кандидатовъ не правѣе конституціонно-демократической партіи, хотя въ 1905 году въ Казани все солидное татарское населеніе города стало на сторону государственнаго порядка. Казанскіе жители хорошо помнятъ ту многолюдную и величественную процессію изъ серіозныхъ, солидныхъ муллъ, шакирдовъ и простыхъ татаръ, которая чинно проходила въ октябрѣ 1905 г. по улицамъ Казани, манифестируя противъ революціонеровъ и заявляя свою преданность Царю и государству.

13) Антигосударственный характеръ мусульманъ находитъ себѣ основаніе въ ихъ вѣроученіи. Въ шаригатѣ есть особый отдѣлъ, который трактуетъ о „джигадѣ“, или войнѣ противъ невѣрныхъ. „Когда кончатся“, говорится въ Коранѣ: „запретные мѣсяцы, тогда убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете; старайтесь захватить ихъ, осаждайте ихъ, дѣлайте вокругъ нихъ

засады на всякомъ мѣстѣ, гдѣ можете подстеречь ихъ, но, если они съ раскаяніемъ обратятся, будутъ совершать молитву, будутъ давать очистительную милостыню, то дайте имъ свободный путь: Богъ добръ и милосердъ". Хотя изслѣдователи Корана и увѣряютъ, что въ данномъ случаѣ говорится не о принципѣ, а лишь о руководствѣ на время войны, однако находятся среди лицъ, приписывающихъ исламу антигосударственный характеръ, и такія, которыя утверждаютъ, что этотъ такъ называемый „стихъ меча" (Кор. IX. 5.) отмѣняетъ собою 114 другихъ кораническихъ стиховъ, въ которыхъ заповѣдуется болѣе доброжелательное отношеніе къ иновѣрцамъ.

Инспекторъ нар. училищъ Ферганской области, г. Е. придавалъ такое серіозное значеніе этой части шаригата, которая, какъ оказывается, въ русскихъ школахъ никогда не изучается, что счелъ возможнымъ въ числѣ другихъ мѣръ для правильнаго рѣшенія инородческаго вопроса въ Туркестанѣ „потребовать отъ муллъ и мударрисовъ *ослабить* пункты Корана, въ которыхъ проповѣдуется священная война, ненависть и избіеніе кяфировъ, т. е. русскихъ"; другими словами—исправить Коранъ!!

14) Мусульмане пытаются въ цѣляхъ объединенія создать пантюркскій языкъ или въ тѣхъ же видахъ воспользоваться древнимъ джагатайскимъ нарѣчіемъ *).

15) Татары съ нѣкотораго времени стали давать своимъ дѣтямъ національныя имена вмѣсто распространенныхъ доселѣ Сартскихъ именъ (вліяніе Бухары): Мидхатъ, Энверъ, Чингизъ, Сююмбика, Узбекъ, Айсылу и др.

16) Въ произведеніяхъ своей литературы татары любятъ переносить мысли читателей къ славному прошлому, хозяйничая въ исторіи по собственному усмотрѣнію; любятъ изображать и заманчивое будущее, съ полной серіозностью обсуждая вопросъ,

---

*) Въ № 786 газ. „Юлдузъ" помѣщена статья Джамаледдина Валидова, въ которой онъ опровергаетъ мысль о необходимости выработки единаго общетюркскаго языка. „Такой языкъ непримѣнимъ въ школахъ, такъ какъ, не будучи понятенъ для дѣтей, противорѣчитъ и основнымъ правиламъ педагогики. Кто же согласится губить тюркскихъ дѣтей? Въ литературѣ онъ также неумѣстенъ: во-первыхъ, онъ стѣснятъ творческую дѣятельность литераторовъ, такъ какъ изъ физіологіи и психологіи извѣстно, что мысль отливается непосредственно въ формы родного языка; во-вторыхъ, сочиненія на этомъ чужомъ языкѣ не найдутъ для себя читателей и не произведутъ на нихъ должнаго впечатлѣнія; въ-третьихъ, какое изъ нарѣчій тюркскаго языка нужно будетъ признать основнымъ. „Тарджуманъ" предлагаетъ въ качествѣ такового свое нарѣчіе, но по какому праву и почему не нарѣчіе поволжскихъ татаръ?

какое положеніе предстоитъ имъ занять среди культурныхъ народовъ Запада и на какой изъ нихъ они должны будутъ походить: на дѣловыхъ ли нѣмцевъ, или веселыхъ французовъ, на артистическихъ итальянцевъ или гордыхъ англосаксовъ.

17) У татаръ сильно развилось издательское дѣло. Книги выходятъ въ милліонахъ экземпляровъ, весьма низко расцѣниваются и быстро распространяются даже въ глухихъ углахъ края.

18) Хотя шаригатъ *) запрещаетъ мусульманамъ имѣть портреты, однако они стали въ послѣднее время помѣщать портреты своихъ національныхъ дѣятелей (Гаспринскаго, Тукаева, Ибрагимова, Исханова, Акчурина, Максудова и др.) на похвальныхъ листахъ, выдаваемыхъ шакирдамъ.

19) Нѣкоторые учебники, употребляемые татарами въ школахъ, пропикнуты узко-національностическими, а иногда и антирусскими тенденціями. Одинъ изъ видныхъ педагогическихъ дѣятелей, между прочимъ, вмѣнилъ въ вину учебнику: „Руссія Таарихи" слѣдующія утвержденія послѣдняго: говоря о татарахъ, авторъ повѣствуетъ о гуманномъ обращеніи татаръ съ покоренными народами; своимъ возвышеніемъ Владимирскіе и Московскіе князья обязаны были татарскимъ ханамъ, которые, предпочитая ихъ передъ другими князьями, давали имъ великокняжескій титулъ; власть царя Михаила Ѳедоровича была ограничена земскимъ соборомъ—напримѣръ, когда онъ не прочь былъ бы воевать съ турками послѣ взятія Донскими казаками Азова, не могъ этого сдѣлать, ибо земскій соборъ былъ противъ войны; въ статьѣ: „крѣпостное право" говорится, что у крестьянъ земли было мало, а всей землей владѣли князья и бояре,—въ виду этого крестьяне постепенно закрѣпощались и пр.

Въ другомъ учебникѣ „Руссія Таарихи" (Русская исторія) Надіева тотъ же педагогъ находитъ слѣдующія тенденціозныя утвержденія и искаженія фактовъ: татары гуманно обращались съ врагами, отличались вѣротерпимостью, почитали чуждое имъ духовенство; сынъ Петра Великаго изъ-за несочувствія реформамъ отца умеръ въ тюрьмѣ; Елизавета Петровна привлекла на свою сторону гвардію, съ помощью которой и овладѣла престоломъ; Екатерина II свергла Петра III съ престола и сама стала царствовать и др.

---

*) Шаригатъ (шаріатъ) состоитъ изъ 4 элементовъ: стиховъ Корана, преданій (хадисы), общихъ мнѣній юристовъ и аналогій.

Эти примѣры свидѣтельствуютъ лишь до нѣкоторой степени о неумѣньѣ автора выбрать доступный и значительный въ воспитательномъ отношеніи матеріалъ, но едва ли могутъ служить образцомъ преднамѣреннаго, тенденціознаго искаженія фактовъ.

20) Андижанское возстаніе, вспыхнувшее на почвѣ апокрифическаго воззванія халифа правовѣрныхъ мусульманъ, воззванія, составленіе котораго одинъ изъ моихъ почтенныхъ собесѣдниковъ упорно и настойчиво приписывалъ англичанамъ на основаніи правила cui prodest?

Таковы тѣ факты, которые даютъ нѣкоторой части общества право видѣть въ поведеніи татаръ проявленія антигосударственныхъ, панисламистскихъ и, вообще, сепаратистскихъ стремленій. Другихъ фактовъ этого рода не могли мнѣ привести даже самые ярые татарофобы, и я не могъ найти ихъ и въ существующей литературѣ.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ многіе не заслуживаютъ даже опроверженія въ виду своей явной предвзятости и очевидной неосновательности; факты „холодности“ во время войнъ съ мусульманами и уклоненія отъ войны, если таковые и были, въ избыткѣ покрываются тѣмъ, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, единодушнымъ патріотическимъ порывомъ, который проявили мусульмане въ настоящую войну, и ихъ безупречной лойяльностью; относительно другихъ я постараюсь дать посильное объясненіе.

Вопросъ о существованіи панисламизма, по моему мнѣнію, весьма опредѣленно разрѣшенъ однимъ изъ выдающихся турецкихъ ученыхъ, юристомъ и государственнымъ дѣятелемъ Махмудомъ Эс'адъ эфенди, посѣтившимъ осенью 1913 г. Бахчисарай, Оренбургъ, Уфу и Казань и вдумчиво обозрѣвшимъ мусульманскія просвѣтительныя учрежденія. Этотъ выдающійся представитель образованнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ слоевъ современнаго мусульманскаго міра слѣдующимъ образомъ въ откровенной бесѣдѣ съ сотрудникомъ журнала „Міръ Ислама“ формулировалъ свои взгляды на панисламизмъ и пантюркизмъ: „Вы хотите знать мое мнѣніе о панисламизмѣ, но сначала скажите, какъ Вы сами понимаете панисламизмъ. Если подъ этимъ словомъ подразумѣвать *политическое* объединеніе всѣхъ мусульманъ, то это неосуществимая утопія и, какъ таковая, она безусловно вредна. Пропаганда идеи политическаго панисламизма не приводитъ и не можетъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, ибо въ этой идеѣ нѣтъ реальной силы. Зато шумъ, который производятъ неосторожные и легкомысленные сторонники ея, са-

мымъ серіознымъ образомъ возстановляетъ христіанскіе народы противъ мусульманъ. Не только въ Турціи, но и во всемъ мусульманствѣ панисламистическая агитація ведется, но эта пропаганда падаетъ на отвѣтственность или небольшой группы exaltés или преслѣдующихъ корыстныя цѣли аферистовъ, а такіе люди всегда и вездѣ найдутся. Всегда будутъ существовать люди, увлекающіеся утопіями Джемаль-аль-Афгани. Настоящіе интересы мусульманства лежатъ далеко не въ такомъ видѣ панисламизма. Другое дѣло, если Вы понимаете панисламизмъ въ смыслѣ стремленія къ установленію *духовной* связи между всѣми мусульманскими народностями. Создавать эту связь нѣтъ никакой надобности, потому что она уже существуетъ и уничтожить ее нельзя никакими средствами. Халифатъ объединяетъ въ одну духовную семью мусульманъ всего міра, подобно тому какъ папскій престолъ объединяетъ католиковъ. Привязанность мусульманъ къ халифату не носитъ въ себѣ никакого политическаго характера, какъ не носитъ его и связь, существующая между папой и католиками *).

То же и о пантюркизмѣ. Если Вы подъ нимъ разумѣете объединеніе въ одно государство всѣхъ 50 или 70 милліоновъ тюркскаго населенія, живущаго въ Турціи, Россіи, Персіи и Китаѣ, то это—смѣшная утопія, которая могла зародиться только въ незрѣлыхъ и горячихъ головахъ слишкомъ молодыхъ, слишкомъ увлекающихся людей. Объединеніе тюркскихъ племенъ въ одно государство невозможно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ между тюркскими племенами клиномъ вошли: съ одной стороны иранцы, съ другой—славяне; оба эти племени по расовымъ и религіознымъ причинамъ—непримиримые враги такого объединенія. Во-вторыхъ, тюркскія племена отдѣлены другъ отъ друга слишкомъ большими географическими препятствіями и разбросаны на слишкомъ большомъ пространствѣ. Въ Поволжьѣ четыре милліона тюрковъ смѣшаны съ 20 милліонами русскихъ. При такихъ условіяхъ мечтать о политическомъ объединеніи тюркскихъ народовъ совершенно немыслимо, даже если игнорировать существованіе такихъ могущественныхъ политическихъ организ-

*) Одинъ изъ русскихъ изслѣдователей вопроса говоритъ слѣдующее: „Въ представленіи татарина нѣтъ ни татаръ, ни киргизъ, ни башкиръ, а есть только мусульмане; даже нарѣчій этихъ племенъ онъ не различаетъ. Слѣдовательно, такъ называемый панисламизмъ издревле проникаетъ сознаніе татаръ, и потому пропаганда панисламизма не требуетъ никакихъ усилій со стороны распространителей: они развиваютъ только содержаніе идеи, вошедшей въ плоть и кровь мусульманина".

мовъ, какъ Россія и Китай, препятствующихъ однимъ своимъ существованіемъ такому сліянію тюрковъ. Но есть другой видъ пантюркизма—это культурное объединеніе тюркскихъ племенъ всего міра съ цѣлью созданія общей культуры, общей литературы, развитія общихъ экономическихъ интересовъ, однимъ словомъ, созданія или вѣрнѣе возрожденія тюркской цивилизаціи.

Стремленіе къ такому объединенію представляетъ собой движеніе въ высшей степени плодотворное, противъ котораго бороться невозможно. Да и незачѣмъ бороться. Отъ такого объединенія не только никто не пострадаетъ, но даже много, очень много выиграютъ и міровая культура, и государства, въ которыхъ живетъ тюркское населеніе. У каждой расы имѣются свои культурныя задачи, каждая изъ нихъ вноситъ что-либо свое въ общее дѣло міровой цивилизаціи. Отъ созданія тюркской литературы, тюркскаго искусства не могутъ не выиграть міровая литература, міровое искусство. Кромѣ того, государства съ тюркскимъ населеніемъ, какъ Россія, Китай и Персія, несомнѣнно заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ подданные были культурно развиты и экономически сильны".

Тотъ, кто знакомъ съ рознью, существующей между шіитами и суннитами, вполнѣ согласится съ мнѣніемъ Махмуда Эс'ада Эфенди, что политическій панисламизмъ и пантюркизмъ является несбыточной утопіей. Панисламизмъ трактуетъ духовное, а не кровное родство приверженцевъ ислама. Онъ занятъ идейнымъ, а не политическимъ сближеніемъ мусульманъ, какъ таковыхъ, внѣ ихъ расовой или національной принадлежности. Его активность становится боевой только въ одномъ, теоретически крайнемъ, практически невѣроятномъ случаѣ—если бы міръ объявилъ войну исламу, какъ религіи, съ цѣлью ея уничтоженія.

Такою же утопіей представляется и созданіе общетюркскаго языка. Языки искусственно не создаются, а если и создаются, то не отличаются ни долговѣчностью, ни продуктивностью. Языка крымскихъ татаръ никто понимать не можетъ, кромѣ татаръ адебейрджанскихъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ языкъ „Терджимана" становится все менѣе и менѣе понятнымъ. Для тюрокъ русскаго Туркестана чистый персидскій языкъ доступнѣе, чѣмъ чистый татарскій.

Такимъ образомъ, панисламистское и пантюркское движеніе среди русскихъ мусульманъ существуетъ, но по указаннымъ выше причинамъ оно не имѣетъ серіознаго значенія и, во всякомъ случаѣ, не наличностью этихъ движеній должно бы было опредѣляться направленіе политики по отношенію къ татарамъ.

Въ 1890 году Комитетъ Министровъ очертилъ лойяльность и добропорядочность мусульманъ слѣдующими словами: „Проживая въ составѣ Россіи уже въ теченіе многихъ столѣтій, мусульманское населеніе внутреннихъ губерній исполняло всегда долгъ свой передъ государствомъ, наравнѣ съ коренными подданными и не доставляло правительству какихъ-либо особыхъ заботъ въ отношеніи политическомъ. Будучи затѣмъ весьма твердымъ въ правилахъ своего вѣроученія, населеніе это никогда однако не проявляло стремленія къ прозелитизму среди русскаго народа. Кромѣ того, несмотря на сохранившіяся еще нѣкоторыя отличія внутренняго и внѣшняго быта, населеніе это сроднилось съ Россіей и вполнѣ ей дружественно". Проф. Машановъ не согласенъ съ такой характеристикой мусульманства *) и считаетъ патріотическія заявленія ихъ не чѣмъ инымъ, какъ маневромъ, довольно искуснымъ, для того чтобы закрыть глаза правительству и обществу на дѣйствительныя стремленія, которыя одушевляютъ мусульманъ. Событія послѣдующаго (послѣ 1910 г.) времени показали, что проф. Машановъ былъ не правъ, и мусульмане показали себя вполнѣ лойяльными и патріотически настроенными гражданами русскаго государства. „Къ вамъ, дорогіе мои единовѣрцы", пишетъ Саидъ-Гирей Алкинъ: „обращенъ этотъ призывъ: давайте убѣдимъ сомнѣвающихся, что въ минуту опасности для Россіи она намъ такая же родина, какъ и другимъ вѣрнымъ ея защитникамъ, что передъ лицомъ врага, кто бы онъ ни былъ, мы прежде всего русскіе подданные, и съ этимъ дорогимъ для насъ именемъ мы положимъ жизнь свою, когда того потребуетъ наше общее отечество—наша единая великая Русская земля"!

„Зачѣмъ мусульманамъ быть врагами отечества?—пишетъ газета „Юлдузъ" (№ 875). Развѣ это отечество не принадлежитъ также и имъ? Какъ любятъ общее для нихъ отечество русскіе, такъ же любятъ его и татары. Татары любили отечество даже раньше русскихъ: любовь къ отечеству у нихъ одно изъ основныхъ положеній ихъ религіи. Какъ не любить Россіи мусульманамъ, которые составляютъ $^1/_7$ часть ея населенія? Вообразимъ себѣ селеніе, состоящее изъ 70 дворовъ. Пусть въ этомъ селеніи будетъ 40 русскихъ и 10 мусульманскихъ дворовъ и 20 дворовъ, принадлежащихъ лицамъ другого происхожденія. Кто же изъ домохозяевъ захочетъ, чтобы въ этомъ селеніи возникъ большой пожаръ? Кто изъ однодеревенцевъ пожелаетъ, чтобы де-

*) „Современное состояніе татаръ-мухаммеданъ", стр. 120.

ревня была ограблена? Кто изъ нихъ не сочтетъ нужнымъ охранять селеніе отъ покушенія грабителей".

Правда, всегда найдутся люди, которые признаютъ возможнымъ заподозрить искренность этихъ заявленій, какъ заподозрилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ дѣятелей искренность чувствъ татаръ при празднованіи ими юбилея Дома Романовыхъ *), но... съ этимъ предубѣжденіемъ бороться нѣтъ средствъ и способовъ.

Заподазриваніе татаръ и волжскихъ инородцевъ въ сепаратизмѣ можетъ быть объяснено или самымъ извинительнымъ незнаніемъ, либо трусливымъ искаженіемъ умышленно-воображаемыхъ опасностей **), либо, наконецъ, самымъ безцеремоннымъ упражненіемъ въ писаньѣ якобы остроумныхъ бумагъ.

Только ошибающееся правительство можетъ считать любовь къ родинѣ и храненіе своей вѣры—сепаратизмомъ, подлежащимъ искорененію. Не сепаратизмъ, когда русской власти татары заявляютъ, прося разрѣшенія издавать газету на татарскомъ языкѣ: „татарская печать, давая первоначальное развитіе, будетъ служить толчкомъ къ исканію дальнѣйшаго образованія, которое можетъ быть доступно татарамъ на русскомъ языкѣ, такъ какъ на татарскомъ нѣтъ произведеній, которыя могли бы выдерживать какое-либо сравненіе съ сочиненіями не только великихъ русскихъ писателей, но и со статьями повременныхъ изданій. Печать на татарскомъ языкѣ подвинетъ народъ къ изученію русскаго языка и литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ разовьетъ сближеніе татаръ съ русской культурой ***).

Что касается антигосударственнаго вліянія ислама, то по поводу знаменитаго „стиха меча" и „джихада" извѣстный кавказовѣдъ бар. Усларъ ****) говоритъ: „Въ Коранѣ встрѣчаются восторженные призывы въ непримиримой войнѣ противъ невѣрныхъ. Магометъ самъ велъ войны; могъ ли онъ иначе говорить съ своими сподвижниками. Не мы, христіане, служимъ мусульманамъ образцами миролюбія... За много вѣковъ тому назадъ,

*) Инородческое обозрѣніе, кн. 2-ая, 154.

**) Смоленскій. Въ защиту просвѣщенія восточно-русскихъ инородцевъ. Петроградъ. 1905.

***) Изъ петиціи 1905 г. мусульманъ Крымскаго полуострова. (Записка по дѣламъ вѣры мусульманъ-суннитовъ. Вл. Черевансκаго).

****) Бар. Усларъ много поработалъ надъ созданіемъ транскрипціи для кавказскихъ племенъ, не имѣющихъ письменности. На продолженіе его трудовъ Управленію Кавказск. уч. округа разрѣшено брать 2% суммы сбора за ученіе въ среднихъ уч. зав. округа. Къ сожалѣнію, „усларовская" транскрипція въ самое послѣднее время стала замѣняться арабской (!).

въ то время, когда въ христіанской Европѣ жгли еретиковъ, евреевъ, язычниковъ, калифы устроили въ самомъ дворцѣ своемъ странноприимное помѣщеніе, открытое для всѣхъ пришельцевъ, *безъ различія вѣроисповѣданій*; калифы съ торжествомъ, почетомъ и сочувствіемъ принимали у себя ученаго еврея, главу багдадской еврейской общины, *князя изгнанія*... Мусульманское духовенство рядомъ съ католическимъ освящаетъ молитвами своими открытіе Суэзскаго канала. И это происходитъ вблизи гроба Пророка. Вотъ на что сводится мусульманскій фанатизмъ, непримиримая война съ невѣрными... Съ чего же смотрѣть на мусульманъ, какъ на дикихъ звѣрей, потому только, что 12 вѣковъ тому назадъ Магометъ призывалъ ихъ на войну противъ невѣрныхъ... Горе не въ Коранѣ, горе въ невѣжествѣ".

Такимъ образомъ два страха, весьма мало по существу своему основательныхъ, одинъ—за цѣлость и неприкосновенность государственности отъ возможныхъ посягательствъ на нее со стороны панисламистскихъ и, вообще, сепаратистскихъ тенденцій, другой—за цѣлость вѣры и національной индивидуальности и явились главными факторами, опредѣлявшими какъ характеръ разнаго рода административныхъ мѣропріятій и культурныхъ воздѣйствій, такъ и быстроту, легкость и основательность воспріятія этихъ воздѣйствій со стороны тѣхъ, на кого таковыя направлялись.

Эти же факты дали почувствовать свое вліяніе и въ исторіи развитія и направленія школьнаго дѣла у русскихъ мусульманъ Поволжскаго и Приуральскаго края.

Мусульманскія конфессіональныя школы.

Татары проявляютъ необыкновенную любовь и привязанность къ школѣ. Если приглядѣться къ тѣмъ положительно невозможнымъ условіямъ внѣшней обстановки, въ которыхъ находится большинство ихъ мектебовъ, то приходится прійти въ удивленіе, что такія плохо обставленныя школы привлекаютъ къ себѣ сотни учащихся дѣтей... Надо обладать исключительно сильной жаждой знанія, чтобы обучаться и жить въ сырыхъ темныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ едва хватаетъ мѣста, чтобы каждый учащійся нашелъ себѣ мѣсто на полу, усваивать трудныя схоластическія дисциплины, преподаваемыя притомъ первобытными методами...

Заниматься изученіемъ науки съ точки зрѣнія магометанства доброе, святое дѣло. По словамъ Али: „чернила ученаго равнозначащи крови мученика", „сонъ ученаго важнѣе намаза неуча" и „побои учителя полезнѣе нѣжныхъ ласкъ отца и ма-

тери". Во всякомъ безъ исключенія селеніи обязательно существуетъ мечеть *) и школа. Безграмотнаго татарина можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко.

До недавняго времени татары признавали только религіозное образованіе и лишь въ послѣдніе 10—20 лѣтъ у нихъ появилось направленіе, свидѣтельствующее о томъ, что и для нихъ, какъ въ свое время и для насъ, русскихъ, начался періодъ секуляризаціи науки. До сего времени татары особое сочувствіе питаютъ къ религіозному образованію, что является результатомъ ихъ вѣроученія. По мнѣнію правовѣрнаго мусульманина, въ Коранѣ заключается все, что нужно знать человѣку **). По ученію Корана, „знаніе" („гильмъ—искаше науки") обязательно для каждаго мусульманина, но подъ словомъ „гильмъ" Коранъ разумѣетъ знаніе религіозное, не *общее*.

Первоначально обученіе происходило въ мечетяхъ и являлось одной изъ функцій муллы; впослѣдствіи въ виду многочисленности слушателей стали устраиваться особыя школы при мечетяхъ. Съ теченіемъ времени образовались два вида школъ: мектебе („мѣсто писанія") и медрессе („мѣсто чтенія") съ особыми учителями-мударрисами. Конечная цѣль мектебовъ, по взглядамъ мусульманъ, — „научить мусульманскихъ дѣтей чтенію и письму, познакомить ихъ съ установленіями ислама, воспитать ихъ въ доброй нравственности и указать имъ пути къ достиженію благополучія земного и небеснаго и тѣмъ содѣйствовать миру и покою государства***). Конечная цѣль медрессъ— „подготовить муэззиновъ, имамовъ, хатыбовъ, мударрисовъ, мугаллимовъ, казіевъ и муфтіевъ, вполнѣ знакомыхъ какъ съ требованіями времени, такъ и съ науками вѣры и жизни, чтобы имѣть возможность указывать къ оными пути и другимъ" ****).

Возникновеніе этихъ школъ въ Россіи относится къ XV вѣку. Организація ихъ въ Поволжскомъ и Приуральскомъ краѣ, какъ въ отношеніи предметовъ обученія и порядка преподаванія, такъ

---

*) „Кто построитъ для Бога мечеть, для того Богъ построитъ домъ въ раю"—обѣщалъ Магометъ.

**) „Мы ниспослали тебѣ (Магомету) Коранъ для объясненія всего" (XVI, ст. 91). „Не существуетъ ни зернышка во мракахъ земли, ни свѣжаго, ни сухого, о которомъ не было бы говорено въ святой книгѣ" (VI. 59).

***) См. отвѣты, выработанные ахундами, имамами и мударрисами на запросъ, обращенный въ 1913 г. Департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій къ Оренбургскому муфтію („Инородческое обозрѣніе" кн. 6, стр. 412 сл.).

****) Ibidem.

и содержанія и управленія заимствована изъ Туркестанскаго края или вѣрнѣе изъ Бухары, конфессіональныя школы которой послужили образцомъ для школъ Туркестана. Въ зависимости отъ условій быта русскихъ мусульманъ, ихъ матеріальнаго положенія, перенесенный изъ Бухары типъ конфессіональной школы подвергся измѣненію въ отношеніи своего внѣшняго устройства и порядка завѣдыванія, управленія и устройства учебной частью, но религіозный характеръ ихъ сохранился надолго въ полной неприкосновенности.

Общей руководящей программы для мектебовъ не существовало; нерѣдко не было разницы между мектебе и медрессе *), все зависѣло отъ мударриса: чѣмъ выше было его образованіе, тѣмъ шире программа школы. Мектебе представляли собой низшую школу для первоначальнаго обученія дѣтей обоего пола чтенію и письму по-арабски, заучиваніе стиховъ Корана и толкованій на него. Къ письму переходили послѣ обученія чтенію. Татарскій языкъ въ конфессіональныхъ школахъ не составлялъ предмета особаго изученія, никто не учился ни читать, ни писать на немъ, а всякій, въ случаѣ надобности, примѣнялъ къ нему выученныя въ школѣ арабскія письмена. Изученію арабскаго языка придавалось особое значеніе: на этомъ языкѣ, по вѣрованію русскихъ мусульманъ, будетъ происходить допросъ на загробномъ судѣ и на немъ же будутъ говорить въ раю. Кромѣ того, вѣроученіе написано на арабскомъ языкѣ, и переводъ его на всякій другой языкъ мусульмане считаютъ дѣломъ грѣховнымъ и потому недопустимымъ: „христіане“ говорятъ они: „разрѣшили переводить Евангеліе на разные языки и въ результатѣ утратили подлинное Евангеліе“.

Раздѣленія учениковъ по классамъ не существовало: дѣлились они или по тѣмъ книгамъ, которыя изучали или по преподавателямъ. Ученики, изучавшіе алфавитъ, назывались тахтаханы; успѣвшіе перейти къ чтенію—китабханы.

Арабскій языкъ изучался весьма детально съ его грамматической стороны и потому сноснымъ знаніемъ арабскаго языка обладали весьма немногіе.

Обученіемъ мальчиковъ своего прихода занимался мулла, дѣвочекъ—жена муллы („устабика“). Муллъ чрезвычайно много, какъ и мечетей, хотя по закону одинъ мулла полагается не менѣе, чѣмъ на 200 душъ (православный священникъ на 1 400 душъ), но на дѣлѣ ихъ гораздо больше. Добыть указъ на званіе муллы

*) Киргизы и до сихъ поръ всѣ свои мектебе именуютъ медрессе.

довольно легко—нужно только сдать въ Уфѣ при Духовномъ Собраніи незначительный экзаменъ, получить свидѣтельство отъ комиссіи и затѣмъ *указъ* на званіе отъ губернскаго правленія. Кромѣ указныхъ, существуетъ еще очень много безуказныхъ муллъ, имѣющихъ на дѣлѣ такое же значеніе, какъ и указные. Наше законодательство считаетъ муллъ духовнымъ сословіемъ, тогда какъ они такіе же простецы, какъ и всякій татаринъ, потому что въ магометанствѣ идея іерархіи совершенно отсутствуетъ,—все, что совершаетъ мулла, можетъ совершать безъ него азанча (муэззинъ), а безъ азанчи и всякій правовѣрный, кто бы онъ ни былъ, лишь бы умѣлъ читать или зналъ, что слѣдуетъ для богослуженія, наизусть. Мулла даже не можетъ называться профессіоналомъ, потому что его профессія нисколько не исключаетъ для него допустимости другихъ занятій. Большая часть муллъ занимается по деревнямъ мелочной торговлей, держитъ лавочки и снискиваетъ средства къ существованію разными промыслами. Образованіе ихъ въ большинствѣ случаевъ стоитъ невысоко. Исключеніе составляютъ нѣкоторые муллы, ѣздившіе для продолженія своего образованія въ Бухару, Константинополь и Египетъ. Большинство деревенскихъ муллъ едва только умѣло читать; умѣющій получше писать пріобрѣталъ уже особое уваженіе, какъ „хатыбъ“. Учителя въ мектебахъ пользуются большимъ уваженіемъ. „Тотъ, кто показалъ мнѣ хотя бы одну букву“, говорятъ татары: „тѣмъ самымъ пріобрѣлъ надо мной права хозяина; кто передалъ мнѣ хотя бы одинъ стихъ Корана, тотъ мой хозяинъ“. Обращеніе съ учениками было весьма суровое: удары плетью, палкой, линейкой составляютъ обычные педагогическіе пріемы *). Занимались въ мектебахъ или сами муллы или ихъ помощники (хальфы) За обученіе въ мектебахъ полагалась очень небольшая плата (хаиръ) или деньгами, по 2—5—10 коп. въ недѣлю или натурой —мясомъ, молокомъ, мукой, овсомъ и др. продуктами. Послѣ изученія ученикомъ каждой книги родители дѣлали муллѣ подарки. Мулла училъ дѣтей бѣдняковъ и безъ всякаго хаира, даромъ, потому что это считается чрезвычайно душеспасительнымъ трудомъ. Были случаи, когда нѣкоторые муллы отказывались отъ полученія земскаго жалованія за преподаваніе вѣроученія въ русскихъ классахъ и русско-татарскихъ училищахъ по той причинѣ, что земскіе налоги взимаются безъ раз-

*) Характеренъ въ этомъ отношеніи распространенный среди мусульманскихъ шакирдовъ анекдотъ: „Одинъ шакирдъ (ученикъ) увидѣлъ, какъ теленокъ, котораго гнали на бойню, упирался и не хотѣлъ итти. „Что ты упираешься,—сказалъ ему шакирдъ—„вѣдь тебя не въ мектебъ ведутъ“.

личія съ бѣдныхъ и богатыхъ, а „съ бѣдныхъ брать вознагражденіе грѣшно".

Ученіе въ мектебе продолжается отъ 3 до 7 лѣтъ; этимъ и заканчивается обученіе дѣвочекъ. Для дальнѣйшаго образованія мальчики поступаютъ въ медрессы.

Медресса строилась обыкновенно при мечети на пожертвованія богатыхъ татаръ и содержалась на спеціально собираемыя для того суммы. По внѣшнему устройству медресса представляла собой болѣе или менѣе обширную избу съ нѣсколько возвышеннымъ поломъ; между поломъ и порогомъ оставлялась яма, незастланная досками, въ которой снимались калоши, совершались омовенія, ссыпался съ полу весь соръ, сосредоточивались весь школьный хламъ и грязь. По стѣнамъ на полу стояли перегородки или ширмы, образуя кругомъ нѣчто въ родѣ шкафовъ, въ которыхъ помѣщаются ученики со всѣмъ своимъ имуществомъ; на стѣнѣ каждаго такого отдѣленія висѣли одежда и полки съ книгами, а на полу располагались постели, сундуки, посуда, съѣстные припасы и т. п. Шакирды постоянно должны находиться въ медрессѣ. Поэтому они здѣсь и учились и вели свое хозяйство. Такъ какъ женщины въ медрессы не допускались, то ученики по очереди должны были для себя и стряпать, и стирать бѣлье, и заниматься починкой бѣлья, платья и обуви. Шакирды должны служить образцомъ аккуратнаго исполненія всѣхъ намазовъ, омовеній и постовъ. Ученье продолжается съ 6 часовъ утра до 11. Продолжительность курса медрессы отъ 5 до 15 лѣтъ. Возрастъ учениковъ—отъ 15 до 50 лѣтъ. Лѣтомъ шакирды распускаются по домамъ; многіе изъ нихъ занимаются въ это время мелочной торговлей, а нѣкоторые расходятся по киргизскимъ ауламъ читать Коранъ, чѣмъ добываютъ себѣ деньги. Главные учителя въ медрессахъ старшіе ученики-хальфы. Они живутъ въ школѣ, учатъ шакирдовъ и смотрятъ за ихъ поведеніемъ, а сами учатся часа два въ день у ученаго муллы („мулла-хазрятъ"), который съ другими шакирдами уже не занимается. Въ продолженіе курса главное мѣсто занимаетъ изученіе Корана. Коранъ прочитывается по нѣскольку разъ. Нѣкоторые доходятъ до того, что выучиваютъ наизусть весь Коранъ („хафизы"). Хальфамъ хазрятъ-мулла читаетъ арабскій синтаксисъ, логику (мантыкъ), четыре дѣйствія ариѳметики, математику, заключающую въ себѣ, кромѣ первоначальныхъ математическихъ свѣдѣній, правила о раздѣлѣ наслѣдства, книгу Мухтасаръ—объ омовеніяхъ, намазахъ, уразѣ, бракѣ, продажѣ, закладѣ. Ни исторія, ни географія въ медрессахъ, какъ обязательные предметы, не

преподавались, а изучались только болѣе любознательными хальфами добровольно, такъ что и высшее образованіе цѣликомъ держалось на религіозныхъ началахъ, лишь облеченныхъ въ логическо-схоластическія и риторическія формы. Верхомъ образованности считалось умѣнье выражаться высокимъ слогомъ, т. е. примѣшивать къ татарскому языку множество турецкихъ, персидскихъ и особенно арабскихъ словъ. Для довершенія образованія у хальфовъ, имѣющихъ желаніе сдѣлаться учеными муллами, есть обыкновеніе ѣздить въ Бухару, Константинополь и Египетъ, хотя однимъ изъ самыхъ важныхъ образовательныхъ центровъ мусульманскаго міра считается и Казань.

Таковы были всѣ и таковыми остались и донынѣ нѣкоторыя конфессіональныя школы мусульманъ Поволжья и Приуралья. Какъ ни плохи, какъ ни антигигіэничны и антипедагогичны онѣ съ точки зрѣнія современныхъ требованій науки воспитанія, тѣмъ не менѣе въ каждомъ селеніи онѣ являются своего рода культурнымъ центромъ, куда сходятся всѣ интересы мусульманъ: въ мектебе собираются взрослые татары поговорить о волнующихъ ихъ вопросахъ, побесѣдовать, посовѣтоваться другъ съ другомъ и съ муллой, пользующимся среди нихъ большимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Эти плохія татарскія школы существуютъ давно, имѣютъ свои традиціи, вполнѣ своеобразныя, чисто-народныя, направленныя въ исключительно религіозно-нравственномъ духѣ; ученые муллы, шакирды составляютъ гордость населенія, мударрисы, муллы и мугаллимы проникнуты идеей святости своихъ педагогическихъ трудовъ, ибо учатъ они во имя Бога, во имя распространенія и укрѣпленія ислама, по предписанію шаригата, безвозмездно. Въ этой близости школы къ народу, къ его нравственному и религіозному міросозерцанію и кроется вся сила этихъ школъ, требующая со стороны органовъ правительственной власти весьма осторожнаго и бережнаго къ нимъ отношенія.

До семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія конфессіональными мусульманскими школами, постановкой въ нихъ образованія никто не интересовался, за исключеніемъ оріенталистовъ и заѣзжихъ путешественниковъ. Школы эти числились въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и были предоставлены самимъ себѣ. Этотъ періодъ полной автономіи конфессіональныхъ школъ, продолжавшійся весьма значительное количество времени, когда мусульмане, предоставленные самимъ себѣ, могли безпрепятственно воспользоваться школой для проведенія чрезъ нее своихъ антигосударственныхъ и сепаратистскихъ стремленій, какъ нельзя лучше доказываетъ всю неосновательность тѣхъ опасеній,

которыя заставляютъ извѣстную часть общества подозрительно и недовѣрчиво относиться ко всякой льготѣ, предоставляемой мусульманамъ въ области удовлетворенія ихъ образовательныхъ потребностей. Если правительство въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не вмѣшивалось въ школьно-конфессіональное дѣло у мусульманъ, то происходило это, само собою разумѣется, потому, что ни въ поведеніи мусульманъ, ни въ отношеніи ихъ къ общегосударственной политикѣ оно не усматривало никакихъ побудительныхъ къ тому причинъ, проистекающихъ изъ автономной организаціи конфессіональнаго образованія.

Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ эпоху начала просвѣтительной среди инородцевъ дѣятельности Н. И. Ильминскаго, вызванной массовыми отпаденіями въ исламъ крещеныхъ татаръ и инородцевъ, правительство сочло нужнымъ, безъ другихъ явныхъ побудительныхъ къ тому основаній, обратить вниманіе на конфессіональныя школы мусульманъ.

I. Высочайше утвержденнымъ 26 марта 1870 г. Журналомъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія постановлено было, между прочимъ, принять слѣдующія мѣры (ст. Б):

„П. 3. Располагать мѣстныя магометанскія общества къ учрежденію, на собственныя средства, классовъ русскаго языка при мектебэ и медресэ, съ тѣмъ, чтобы въ эти классы, впредь до приготовленія учителей изъ татаръ-магометанъ, были назначаемы учителя изъ русскихъ, хорошо знающихъ татарское нарѣчіе, съ возложеніемъ на нихъ обязанностей обучать дѣтей русскому языку, т. е. разговору чтенію и письму, и началамъ ариѳметики, т. е. счисленію и первымъ четыремъ дѣйствіямъ надъ простыми числами, путемъ практическимъ; въ медресэ курсъ русскаго языка могъ бы быть расширенъ посредствомъ сообщенія главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, а курсъ ариѳметики черезъ присоединеніе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ числами именованными и дробными. Обученіе въ русскихъ классахъ, какъ при мектебэ, такъ и при медресэ, подлежитъ вести сначала на мѣстномъ татарскомъ нарѣчіи или при помощи его, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ дальнѣйшее преподаваніе, по мѣрѣ того какъ дѣти будутъ усваивать себѣ устную русскую рѣчь, продолжать преимущественно и, наконецъ, исключительно на одномъ русскомъ языкѣ. Посѣщеніе особыхъ классовъ, учрежденныхъ при мектебэ, должно быть обязательно для всѣхъ учащихся въ сихъ послѣднихъ, а при медресэ—для юношей до 16-лѣтняго возраста. При этомъ, въ видахъ устраненія со стороны татаръ всякаго подозрѣнія относительно духа этого преподаванія, не препятство-

вать лицамъ, завѣдующимъ мектебэ и медресэ или обучающимъ въ нихъ, присутствовать, буде пожелаютъ, на урокахъ въ русскихъ классахъ. Наконецъ, не дозволять открытія новыхъ мектебэ и медресэ иначе, какъ съ обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка на счетъ магометанскихъ обществъ.

„П. 6. Главный надзоръ какъ за отдѣльными училищами для татаръ-магометанъ, такъ и за русскими классами при мектебэ и медрессэ возложить на инспекторовъ народныхъ училищъ".

„П. 8. Въ видахъ побужденія татаръ-магометанъ къ усвоенію русскаго языка и русскаго образованія ходатайствовать: чтобы чрезъ опредѣленное число лѣтъ по изданіи постановленій о мѣрахъ къ образованію татаръ-магометанъ, лица, желающія занять духовныя должности, не иначе были избираемы въ оныя и утверждаемы въ нихъ, какъ по предъявленіи свидѣтельствъ объ удовлетворительномъ знаніи ими русскаго языка, русской грамотности (чтенія и письма) и первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, и вообще общаго начальнаго курса магометанскихъ народныхъ училищъ... Срокъ приведенія въ исполненіе помянутыхъ выше требованій было предположено опредѣлить по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а выдачу свидѣтельствъ предоставить мѣстнымъ уѣзднымъ училищамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.

Относительно срока приведенія въ исполненіе вышеупомянутаго постановленія Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26 марта 1870 года въ части, касающейся проектированнаго порядка избранія и утвержденія лицъ въ духовныхъ должностяхъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія въ свое время входило въ сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, которое, въ отношеніи отъ 26 іюля 1875 года за № 2314, сообщило Министерству Народнаго Просвѣщенія свой отзывъ по этому вопросу, въ которомъ высказано:

„По обсужденіи данныхъ (полученныхъ отъ подлежащихъ Губернаторовъ) оказалось, что удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ опредѣленіи общаго для всей Имперіи срока, по истеченіи котораго магометане допускались бы къ занятію духовныхъ должностей не иначе, какъ по предъявленіи установленнаго свидѣтельства объ усвоеніи ими русскаго языка и русской грамматики, представляется нынѣ едва ли возможнымъ. Имѣя въ виду, что знаніе русскаго языка распространено между мусульманскимъ населеніемъ разныхъ мѣстностей Имперіи неравномѣрно, что продолжительность опредѣляемаго срока находится въ значительной степени въ зависимости отъ числа школъ въ

данной мѣстности и успѣшности преподаванія въ оныхъ—было бы цѣлесообразнѣе не установлять *общаго для всей Имперіи срока*, но опредѣлять оный, по соглашенію Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, *для каждой мѣстности отдѣльно*, по соображеніи какъ со степенью распространенія знанія русскаго языка въ татарскомъ населеніи той мѣстности, такъ и въ *особенности съ тѣми средствами*, кои существуютъ для изученія русскаго языка, и предположеніями Министерства Народнаго Просвѣщенія относительно *усиленія этихъ средствъ*. Въ настоящее время можетъ быть было бы полезно, въ видахъ побужденія татаръ къ изученію русскаго языка, издать постановленіе о томъ, что татары-магометане не *будутъ допускаемы къ духовнымъ должностямъ* безъ требуемаго знанія русской грамоты, по истеченіи срока, какой для сего будетъ назначенъ по особому соглашенію для каждой мѣстности Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но въ качествѣ подготовительной переходящей мѣры къ обязательному для муллъ знанію русскаго языка, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ полагало полезнымъ распространить на округъ Оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія дѣйствіе 1207 ст. 1 ч. XI т., относительно предоставленія, при замѣщеніи приходскихъ духовныхъ должностей, преимущество лицамъ, знающимъ русскую грамоту, и входило по сему предмету съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ.

Комитетъ Высочайше утвержденнымъ 13 іюня 1875 года положеніемъ постановилъ, что предположеніе это подлежитъ законодательному разсмотрѣнію.

Независимо отъ сего, изыскивая средства къ точному исполненію со стороны магометанскихъ обществъ постановленія, чтобы не были вновь открываемы мектебэ и медресэ безъ учрежденія при оныхъ классовъ русскаго языка, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ. Такъ какъ мектебэ и медресэ составляютъ обыкновенно неминуемую принадлежность каждой мечети и такъ какъ постройка новой мечети разрѣшается Губернскими Правленіями на основаніи общественныхъ приговоровъ, то слѣдовало бы постановить правиломъ, чтобы разрѣшеніе на открытіе мечетей давалось Губернскимъ Правленіемъ не иначе, какъ съ *условіемъ включенія въ приговоръ общества обязательства имѣть при училищѣ учителя русскаго языка*.

III. 20 ноября 1874 года состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія башкирскихъ, киргизскихъ и татарскихъ школъ.

Согласно примѣч. 5-му къ ст. 48, т. XI, ч. I Св. Зак., изд. 1893 г. „Въ областяхъ Уральской и Тургайской, во Внутренней киргизской ордѣ и въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Пензенской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской существующія, но не состоящія въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равно имѣющія быть открытыми впослѣдствіи инородческія школы и училища башкирскія, киргизскія и татарскія, подъ разными наименованіями (въ томъ числѣ мектебэ и медресэ), содержимыя на счетъ казны или мѣстныхъ средствъ, а равно занимающіяся домашнимъ и частнымъ обученіемъ лица изъ числа инородцевъ нехристіанъ, подчиняются учебному начальству вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вѣдаются симъ Министерствомъ подчиненныя ему до 20 ноября 1874 года инородческія и русскія училища и школы въ поименованныхъ мѣстностяхъ".

IV. Одновременно съ этимъ законоположеніемъ Государственный Совѣтъ положеніемъ, удостоеннымъ тогда же Высочайшаго утвержденія, предоставилъ Министерству Народнаго Просвѣщенія разъяснить подлежащимъ учебнымъ начальствамъ и должностнымъ лицамъ въ особой инструкціи необходимость соблюденія крайней осторожности въ дѣйствіяхъ ихъ по отношенію къ наблюденію за преподаваніемъ въ киргизскихъ, башкирскихъ и татарскихъ школахъ.

V. По вопросу объ изданіи означенной инструкціи Министерство Народнаго Просвѣщенія, согласно Высочайше утвержденному 5 февраля 1882 года, въ предложеніи отъ 8 марта 1882 года, за № 2865, указало: было бы непослѣдовательно сразу примѣнять къ инородческо-магометанскимъ школамъ требованія, почти одинаковыя съ тѣми, которыя обращаются къ школамъ русскимъ, привыкшимъ уже къ извѣстному порядку управленія. Чѣмъ постепеннѣе и мягче будутъ дѣйствовать правительственные органы при наблюденіяхъ за означенными школами, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе будетъ достигнута желанная цѣль. Поэтому признается болѣе полезнымъ не издавать проектируемую инструкцію, а пока предложить попечителямъ округовъ, чтобы они: а) поручили подлежащимъ органамъ учебнаго вѣдомства приступить къ фактическому наблюденію за означенными школами, и для того съ должною осторожностью посѣщать эти школы, вникать въ ихъ обстановку и устройство, собирать о нихъ статистическія данныя, давать, гдѣ можно, словесные совѣты, не предъявляя никакихъ обязательныхъ требованій, и объ осмотрѣ

школъ, по мѣрѣ осмотра, составлять отчеты, представляя оные Попечителю для сообщенія копіи съ нихъ Министру Народнаго Просвѣщенія, и б) чтобы означенныя посѣщенія инородческихъ магометанскихъ школъ и дальнѣйшее съ ними ознакомленіе началось съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ магометанское населеніе живетъ смѣшанно съ населеніемъ русскимъ или съ крещеными инородцами, и затѣмъ по мѣрѣ ознакомленія съ магометанскими школами въ названныхъ мѣстностяхъ, переходить постепенно къ посѣщенію таковыхъ школъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ магометанское населеніе болѣе сплошное и гдѣ магометанскій фанатизмъ болѣе развитъ. Можно надѣяться, что такая мѣра принесетъ двоякій результатъ: во-первыхъ, тѣмъ, что, устраняя опасеніе возбудить ропотъ со стороны магометанъ, она мало-по-малу, путемъ болѣе или менѣе частныхъ посѣщеній школъ органами учебнаго вѣдомства, пріучитъ и магометанское населеніе, и муллъ къ мысли о безконтрольности сихъ школъ и о подчиненности ихъ учебному вѣдомству, а водвореніе этой мысли составляло бы уже значительный успѣхъ въ настоящемъ дѣлѣ; во-вторыхъ, мѣра эта даетъ учебному вѣдомству нужный матеріалъ для основательнаго ознакомленія съ условіями существованія этихъ школъ и ихъ внутреннимъ бытомъ, и для составленія затѣмъ уже соотвѣтственной инструкціи по завѣдыванію ими (Сб. постановл. Министерства Народнаго Просвѣщенія 1882 года стр. 464).

VI. Въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ осуществлялось мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ наблюденіе надъ татарскими медресэ, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго:

При предложеніи отъ 31 января 1887 года, за № 2231, Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Деляновъ препроводилъ Попечителю Оренбургскаго учебнаго округа извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета Уфимскаго Губернатора за 1885 годъ, въ которомъ, по объясненію губернатора объ отсутствіи правильно организованнаго надзора со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія за татарскими медресэ, послѣдовалъ Высочайшій Его Императорскаго Величества вопросъ: „Почему“.

Въ означенномъ отчетѣ Уфимскій Губернаторъ объяснилъ:

„По отношенію къ народному образованію со стороны магометанскаго населенія весьма замѣтно, что всѣ вообще муллы болѣе или менѣе открыто не сочувствуютъ образованію башкиръ и особенно обученію ихъ русскому языку, внушая, чтобы татарское

населеніе училось, главнымъ образомъ, при мечетяхъ, въ такъ называемыхъ медресэ. Въ виду исключительнаго характера этого рода учебныхъ заведеній, я позволю себѣ остановиться на описаніи ихъ внутренняго устройства. Всѣхъ медресэ въ предѣлахъ Уфимской губерніи до 16 съ общимъ числомъ учащихся до 2438 человѣкъ; изъ нихъ выдающимся значеніемъ пользуются находящіеся въ г. Стерлитамакѣ и дер. Стерлибашѣ, Стерлитамакскаго уѣзда; число учащихся въ этихъ двухъ медресэ простирается свыше 1000 человѣкъ.

За немногими исключеніями, это молодые люди изъ башкиръ Стерлитамакскаго и другихъ уѣздовъ Уфимской губерніи, а также губерній: Оренбургской, Тобольской и Уральской области и изъ киргизъ Букеевской орды, Астраханской губерніи. Главными предметами обученія въ объясненныхъ медресэ служатъ татарскій и арабскій языки и алкоранъ, преподавателями которыхъ состоятъ мѣстные ахуны и муллы, несущіе въ то же время обязанности ближайшихъ начальниковъ медресэ. Срокъ обученія въ медресэ не ограниченъ и простирается отъ 6 до 15 лѣтъ и болѣе, смотря по степени успѣховъ учащихся, отъ которыхъ поэтому и не требуется, при поступленіи въ заведеніе, какого-либо опредѣленнаго возраста; послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается то явленіе, что въ медресэ, на ряду съ молодыми людьми, учатся и старики. Въ общемъ такое учебное заведеніе, какъ медресэ, поражаетъ прежде всего отсутствіемъ въ немъ какой бы то ни было дисциплины. Здѣсь нѣтъ регистраціи народности, возраста и сословій учащихся, и послѣдніе самовольно во всякое время года переходятъ изъ одного медресэ въ другое, отлучаются на продолжительное время по домамъ для занятій всякимъ хозяйствомъ и, наконецъ, вступаютъ въ браки, не оставляя заведенія. Почти при всѣхъ медресэ, въ томъ числѣ при Стерлитамакскомъ и Стерлибашевскомъ, по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, учреждены русскіе классы, въ которыхъ изученіе русскаго языка не считается, однако, для всѣхъ обязательнымъ и потому не идетъ далѣе посредственнаго чтенія и письма.

Окончившіе курсъ ученія въ медресэ пользуются въ глазахъ народа особеннаго рода авторитетомъ, считаясь спеціальными проповѣдниками и учителями корана. Нѣкоторые изъ нихъ нерѣдко отправляются для продолженія своего духовнаго образованія въ Бухару, гдѣ существуетъ родъ высшаго медресэ, выпускающаго своихъ питомцевъ уже прямыми кандидатами на должность муллъ.

Въ 1874 году всѣ медресэ были переданы въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, но почти вслѣдъ затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы къ фактическому завѣдыванію этими училищами было приступлено не ранѣе полученія особой для того инструкціи, каковой, однако же, до сихъ поръ не издано, вслѣдствіе чего медресэ состоятъ внѣ правильно организованнаго надзора со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, а между тѣмъ установленіе за этими учебными заведеніями самой бдительной правительственной инспекціи представлялось бы дѣломъ неотложной необходимости, какъ вообще въ виду того вліянія, какимъ пользуются медресэ среди мусульманскаго населенія Уфимской и сосѣднихъ съ нею губерній и областей, такъ и съ цѣлью противодѣйствія обнаружившемуся въ Уфимской губерніи съ 1882 года особенному религіозному движенію среди старокрещеныхъ татаръ, послѣдствіемъ котораго было продолжающееся донынѣ уклоненіе въ магометанство нѣсколькихъ селеній".

Препровождая приведенное извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета Уфимскаго Губернатора, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія проситъ Попечителя учебнаго округа сообщить по изложенному въ немъ объясненію Губернатора надлежащія свѣдѣнія и заключеніе, а также увѣдомить о томъ, какія распоряженія сдѣланы Управленіемъ округа во исполненіе предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 8 марта 1882 года, за № 2865, по наблюденію за инородческими училищами и школами въ губерніяхъ и областяхъ округа, въ томъ числѣ и по Уфимской губерніи, и какія послѣдствія дали эти распоряженія.

Представленіемъ отъ 17 марта 1887 года за № 768, Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа донесъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, что по означенному распоряженію за № 2865, Управленіемъ округа предложено инспектору инородческимъ школъ округа Катаринскому и директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ приступить къ фактическому наблюденію за сими школами, и для того, съ должною осторожностью посѣщать эти школы, вникать въ ихъ обстановку и устройство, собирать о нихъ статистическія данныя, давать, гдѣ можно, словесные совѣты, не предъявляя никакихъ обязательныхъ требованій, и объ осмотрѣ составлять отчеты, предъявляя оные Попечителю округа, для сообщенія копій съ нихъ Министру Народнаго Просвѣщенія; при чемъ указано, чтобы посѣщеніе магометанскихъ школъ начиналось съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ магометанское населеніе живетъ смѣшанно съ населеніемъ русскимъ

или съ крещеными инородцами, и затѣмъ, по мѣрѣ ознакомленія съ магометанскими школами въ названныхъ мѣстностяхъ, переходить постепенно къ посѣщенію таковыхъ школъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ магометанское населеніе болѣе сплошное и гдѣ магометанскій фанатизмъ болѣе развитъ.

При этомъ г. Попечитель добавилъ, что всѣ эти распоряженія, какъ Министерству извѣстно изъ представляемыхъ ему отчетовъ, исполняются точно. Касательно же правильно организованнаго надзора въ приведенномъ предложеніи ничего не говорится; напротивъ того, рекомендуется крайняя осторожность и въ посѣщеніи этихъ училищъ. Наблюденіе со стороны директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ надъ преподаваніемъ магометанскаго вѣроученія не можетъ принести ожидаемой пользы, потому что ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ни татарскаго языка, ни арабскаго, ни персидскаго; все дѣло ихъ заключается въ собираніи статистическихъ данныхъ. Лицъ же, знающихъ татарскій языкъ или сходный съ нимъ киргизскій, которыя могли бы быть назначены на эти должности, не имѣется. Такъ, при открытіи въ 1886 году вакансіи должности инспектора народныхъ училищъ въ Букеевской киргизской ордѣ, Управленіе округа обращалось за рекомендаціей къ директору Казанской татарской учительской школы, но тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ въ виду такого лица.

Наконецъ, по донесеніямъ инспектора инородческихъ школъ г. Катаринскаго, всѣхъ мектебэ и медресэ въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ до 4000; отсюда возникаетъ вопросъ: сколько лицъ нужно для наблюденія, не говоря уже о правильно организованномъ надзорѣ за преподаваніемъ въ этихъ школахъ.

Къ изложенному Попечитель учебнаго округа дополнилъ, что изъ бесѣдъ съ директорами и инспекторами народныхъ училищъ округа онъ вынесъ убѣжденіе о дурныхъ успѣхахъ магометанъ по русскому языку въ русскихъ классахъ при мектебэ и при медресэ. Причинами тому онъ признавалъ, во-первыхъ, фанатизмъ и вліяніе муллъ, считающихъ изученіе русскаго языка грѣхомъ и потому мѣшающихъ поступать дѣтямъ въ русскіе классы при магометанскихъ училищахъ, что доказывается тѣмъ, что въ большинствѣ такихъ классовъ учатся въ дѣйствительности не болѣе двухъ, трехъ мальчиковъ сиротъ или дѣтей самыхъ бѣдныхъ родителей, хотя иногда по спискамъ и числится въ классѣ болѣе 20 учащихся, тогда какъ въ казачьихъ магометанскихъ школахъ, гдѣ изученіе русскаго языка обязательно, русскіе классы полны обучающимися этому языку.

Вторую причину неуспѣшности г. Попечитель учебнаго

округа усматривалъ въ учителяхъ магометанахъ, окончившихъ курсъ въ Оренбургской татарской учительской школѣ. Выходя изъ этой школы съ посредственнымъ знаніемъ русскаго языка и переселившись въ татарскую деревню, гдѣ они не слышатъ русской рѣчи и скоро забываютъ и тѣ познанія по русскому языку, которыя пріобрѣтены ими во время четырехлѣтняго пребыванія въ учительской школѣ, тѣмъ болѣе легко забываютъ, что въ школѣ слышатъ русскій языкъ только въ учебное время, цѣлый день говорятъ между собою по-татарски. Будучи магометанами, они легко подпадаютъ подъ вліяніе муллъ и перестаютъ съ усердіемъ заниматься въ классѣ, такъ какъ ничѣмъ не заинтересованы, чтобы ихъ ученики успѣвали въ русскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно башкиры по своей природѣ, не любятъ ни физическаго, ни умственнаго труда и стараются устроить себѣ какъ можно болѣе покоя; иные, состоя учителями, занимаются торговлей и ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда кончатся 6 лѣтъ ихъ обязательнаго служенія.

Наконецъ, неуспѣшность преподаванія русскаго языка при мектебэ и медресэ объяснялось и недостаткомъ правительственнаго надзора. Такъ, напримѣръ, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ всѣхъ училищъ (русскихъ и инородческихъ) существовало 57, въ Белебеевскомъ 59, всего 116, а инспекторъ народныхъ училищъ на оба уѣзда былъ одинъ, такъ что онъ не въ состояніи былъ осмотрѣть эти училища даже по одному разу въ годъ.

VII. Высочайшимъ повелѣніемъ 16 іюля 1880 года о мѣрахъ къ образованію магометанскаго духовенства, между прочимъ, установлено: „п. 3, отъ кандидатовъ на должности сельскихъ муллъ, при опредѣленіи ихъ на оныя, требовать представленія свидѣтельствъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ о знаніи ими русской разговорной рѣчи и чтенія“, каковое правило и вошло въ т. XI ч. I. Св. Зак. уст. духовн. дѣлъ иностран. испов. въ *б* примѣч. къ ст. 1249, по прод. 1890 года.

VIII. II. 4-мъ Высочайше утвержденныхъ 11 октября 1890 года правилъ объ установленіи образовательнаго ценза для духовныхъ лицъ магометанскаго исповѣданія по округу Оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія, распубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе въ № 109 Собранія Узаконеній и распоряженій правительства отъ 9 ноября 1890 года, постановлено, что испытанія и выдача свидѣтельствъ о знаніи русской разговорной рѣчи и умѣньи писать кандидатамъ на должности сельскихъ муллъ производятся особыми комиссіями, учреждаемыми по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

IX. Предложеніемъ отъ 10 іюля 1892 года за № 12329, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, указало, что нужно принять за правило, чтобы въ подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія магометанскихъ школахъ а) были употребляемы лишь печатныя книги, одобренныя русской цензурой, и б) къ преподаванію были допускаемы русскіе подданные, получившіе образованіе въ Россіи.

X. Предложеніемъ отъ 30 ноября 1896 года за № 29705, Министерство Народнаго Просвѣщенія увѣдомило, что имъ были сдѣланы сношенія 1) съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, чтобы Оренбургское магометанское духовное собраніе всѣ поступающія къ нему дѣла о пожертвованіяхъ на мусульманскія школы немедленно направляло къ подлежащему учебно-окружному начальству и 2) съ Министерствомъ Юстиціи о томъ, чтобы окружные суды сообщали учебному вѣдомству выписки изъ тѣхъ духовныхъ завѣщаній, въ коихъ значатся какія-либо пожертвованія на названныя школы. Та и другая просьба означенными Министерствами была исполнена.

XI. Въ виду возникшаго вопроса о томъ, отъ кого зависитъ разрѣшеніе ходатайствъ объ открытіи новыхъ мектебэ и медресэ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по сношенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предложеніями отъ 30 іюня 1892 года за №№ 11872 и 11874, разъяснилъ Попечителямъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ: „такъ какъ ст. 6 правилъ 26 марта 1870 года главный надзоръ за училищами для татаръ-магометанъ возложенъ на инспекторовъ (нынѣ директоровъ) народныхъ училищъ, то мектебэ и медресэ должны быть впредь открываемы съ разрѣшенія директоровъ народныхъ училищъ“.

XII. Въ 14-й день января 1906 года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на утвержденіе выработанныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія „Правилъ о начальныхъ училищахъ для инородцевъ восточной и юго-восточной Россіи“, въ *отмѣну* дѣйствующихъ дотолѣ правилъ 1870 года.

Въ послѣднихъ правилахъ, утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 31 марта 1906 года и препровожденныхъ Попечителю Оренбургскаго учебнаго округа предложеніемъ отъ 24—30 апрѣля того же года, за № 8411, указано:

п. 32 Общій надзоръ за частными инородческими вѣроисповѣдными училищами (магометанскими *) и проч.) возла-

*) Разумѣй „мектебэ и медресэ“.

гается на инспекторовъ инородческихъ училищъ по принадлежности.

п. 36. Частныя инородческія вѣроисповѣдныя училища открываются съ разрѣшенія инспекторовъ инородческихъ училищъ по представленіи надлежащихъ удостовѣреній въ томъ, что содержаніе училища обезпечено необходимыми для него средствами, что при немъ будетъ состоять классъ русскаго языка и завѣдывающій училищемъ имѣетъ образованіе показанное въ п. 25.

XIII. Въ виду возникшихъ среди мусульманскаго населенія недоразумѣній при примѣненіи правилъ 31 марта 1906 года, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, предложеніемъ отъ 14 февраля 1907 года за № 3092 разъяснило: „1, что включеніе въ сіи правила постановленія о конфессіональныхъ училищахъ—медресэ и мектебэ (§ 32 и 36) *не примѣняется*, ибо разработка общаго положенія о мусульманскомъ духовенствѣ, *въ связи съ вопросомъ о порядкѣ открытія медресэ и мектебэ*, производится нынѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и еще не окончена; и 2, что § 9 правилъ 31 марта 1906 года о порядкѣ надзора за инородческими училищами къ конфессіональнымъ училищамъ (мектебэ и медресэ) не относится".

XIV. При предложеніи отъ 5 ноября 1907 года за № 25475 были препровождены Попечителю учебнаго округа для руководства и исполненія новыя „Правила о начальныхъ училищахъ для инородцевъ", утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 1-го ноября 1907 года на основаніи Высочайшаго повелѣнія 27 октября того же года и изданныя, какъ сказано въ предложеніи за № 25175, взамѣнъ правилъ 31 марта 1906 года, очевидно по мотивамъ, вызвавшимъ вышеупомянутое разъясненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 14 февраля того же года за № 3092, уже не вошли постановленія, касающіяся порядка завѣдыванія и открытія мектебэ и медресэ, а § 5 сихъ правилъ лишь разрѣшаетъ открывать классы русскаго языка для дѣтей и для взрослыхъ.

XV. По поводу поступившихъ послѣ изданія правилъ 1 ноября 1907 года ходатайствъ о разрѣшеніи открытія медресэ Управленіе учебнаго округа, принявъ во вниманіе, что,

1) правилами 31 марта 1906 года отмѣнены правила 26 марта 1870 года, а слѣдовательно отмѣнены и послѣдовавшія въ разъясненіе ихъ вышеупомянутыя предложенія отъ 30 іюня 1892 года за №№ 11872 и 11874 о томъ, что мектебэ и медресэ должны

быть впредь открываемы съ разрѣшенія директоровъ народныхъ училищъ;

2) правила 31 марта 1906 года, заключавшія въ себѣ постановленія (§§ 32 и 36), возлагавшія на инспекторовъ инородческихъ школъ завѣдываніе конфессіональными школами и предоставлявшія имъ право открывать эти школы, замѣнены правилами 1 ноября 1907 года, въ коихъ нѣтъ указаній ни на обязанность инспекціи школъ завѣдывать мектебами и медресами, ни на право разрѣшать ихъ открытіе;

и 3) болѣе того: изданію правилъ 1 ноября 1907 года предшествовало вышеупомянутое разъясненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія за № 3092, въ коемъ было указано, что включенныя въ правила 31 марта 1906 года постановленія о конфессіональныхъ училищахъ (медресэ и мектебэ—§§ 32—36) не примѣняются, ибо разработка общаго положенія о мусульманскомъ духовенствѣ, въ *связи съ вопросомъ о порядкѣ открытія медресэ и мектебэ, производится нынѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и еще не окончена*, отношеніемъ отъ 29 января 1910 года за № 1214, просило Департаментъ Народнаго Посвѣщенія указать, кому въ настоящее время принадлежитъ право открытія мектебэ и медресэ.

Въ отвѣтъ на это отношеніе Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отношеніемъ отъ 20 декабря 1912 года за № 51088, сообщилъ, что хотя правила 1 ноября 1907 года объ инородческихъ училищахъ, въ коихъ совершенно не упоминается о конфессіональныхъ мусульманскихъ школахъ, были изданы взамѣнъ правилъ 31 марта 1906 года, въ коихъ опредѣленно указывалось на подчиненность конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ учебному начальству, тѣмъ не менѣе никакими правилами не отмѣнялся законъ 20 ноября 1874 года, (примѣч. 5 къ ст. 48 уст. учебн. завед. Св. Зак. т. XI ч. 1, изд. 1893 года), каковымъ закономъ мектебэ и медресэ вмѣстѣ съ инородческими школами въ мѣстностяхъ, входящихъ нынѣ, между прочимъ, въ составъ Оренбургскаго учебнаго округа, подчинены были учебному начальству вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ вѣдаются симъ Министерствомъ подчиненныя ему до 20 ноября 1884 года инородческія и русскія училища и школы въ указанныхъ мѣстностяхъ. Посему право давать разрѣшенія на открытіе мектебэ и медресэ должно принадлежать органамъ учебнаго начальства.

Уже самый характеръ этихъ послѣдовательно издававшихся, непримѣнявшихся и отмѣнявшихся распоряженій указываетъ на

обостреніе отношеній мусульманъ къ русской власти. Иначе и быть не могло. Масса татарскаго населенія находилась еще въ той стадіи развитія, когда весь бытъ народа проникаютъ и направляютъ религіозные интересы, когда вопросы вѣры преобладаютъ надъ всѣми другими. Преданность вѣрѣ, боязнь за ея неприкосновенность и чистоту достигаетъ у мусульманъ весьма высокаго напряженія; „учиться“ и „изучать религію“ сливаются у татаръ въ одно понятіе и обозначаются даже однимъ словомъ. Естественно, что въ учрежденіи при мектебахъ и медресэ русскихъ классовъ татары увидѣли новыя посягательства на вѣру. Татары не могутъ себѣ представить школы, не преслѣдующей религіозной цѣли, такъ какъ мусульманскія учебныя заведенія главной своей цѣлью имѣютъ изученіе религіи. Отсюда по аналогіи татары выводили заключеніе, что такія же цѣли должна преслѣдовать и русская школа, даже въ такомъ видѣ, какъ русскіе классы. Они полагали, что, борясь противъ русской школы, они тѣмъ самымъ борются противъ русской вѣры, которую правительство хочетъ имъ дать вмѣсто мусульманской.

На обостреніе отношеній между мусульманствомъ и правительственной властью несомнѣнно повліяла и дѣятельность Ильминскаго. Хотя дѣятельность его непосредственнымъ образомъ некрещеныхъ татаръ и не касалась, однако взгляды его на мусульманство не оставались для мусульманъ тайной и, зная то вліяніе, которое могъ оказать Ильминскій благодаря своимъ высокимъ друзьямъ на направленіе общей инородческой политики, мусульмане со страхомъ ожидали примѣненія системы Ильминскаго и къ себѣ. Кромѣ того, имъ были хорошо извѣстны взгляды Ильминскаго, ставшіе для его послѣдователей руководящимъ началомъ школьной просвѣтительной работы. Имъ было извѣстно, что Ильминскій считалъ татаръ „настолько изворотливыми и находчивыми, что они способны воспользоваться всякимъ положеніемъ и обойти какія угодно правила“ *); они знали мнѣніе Ильминскаго: „народное образованіе на окраинахъ русской державы есть своего рода миссіонерство и воспитанники миссіонерскаго отдѣленія Казанской Духовной Академіи лучше понимаютъ задачи инородческаго образованія. Студенты восточныхъ языковъ непригодны для нашихъ азіатскихъ окраинъ, потому что они изучаютъ литературу, исторію, этнографію азіатскихъ народовъ *объективно* и переносятъ на нихъ свое сочувствіе. Для нихъ ме-

*) Лично мнѣ въ бесѣдахъ съ интеллигентными татарами пришлось убѣдиться, насколько основательно они знакомы съ дѣятельностью взглядами и перепиской Ильминскаго.

четь и дацанъ—святилища, муфтій и хамболама—дѣйствительно архіереи, а крещеные инородцы на ихъ взглядъ аномалія". Извѣстно имъ было, какъ относился Ильминскій къ татарскимъ учительскимъ школамъ. „Закрытіе татарской учительской школы мѣра весьма полезная, ибо эти школы долгимъ опытомъ доказали свою безполезность въ дѣлѣ обрусѣнія татаръ-магометанъ, и фанатизма татарскаго они не ослабляютъ, а лишь татарскую интеллигенцію воспитываютъ и могутъ подготовлять хитрыхъ и ловкихъ рачителей мусульманской арабско-стамбульско-французской (а не русской) культуры и цивилизаціи". Татары знали, что Ильминскій надѣялся на обращеніе въ православное христіанство татаръ-магометанъ и предсказывалъ, что крещеные татары, о которыхъ онъ почти исключительно заботился, „сыграютъ въ этомъ дѣлѣ благотворную и благородную роль". Все это заставляло татаръ быть на-сторожѣ, готовиться въ отпору, усилить свою вѣками сложившуюся подозрительность и недовѣріе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Правительство, правда, издавая распоряженія, медлило приводить ихъ въ исполненіе, но это обстоятельство еще болѣе безпокоило подозрительныхъ мусульманъ. Ихъ подозрительность еще больше увеличилась, когда они увидѣли, что на мѣста директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, вѣдѣнію которыхъ должны были быть подчинены ихъ конфессіональныя школы, опредѣляются почти исключительно воспитанники миссіонерскихъ отдѣленій Казанской Духовной Академіи, и они усиленно стали домогаться возвращенія къ тѣмъ временамъ, когда они въ области образованія находились въ подчиненіи у становыхъ приставовъ и урядниковъ...

Зная недостатки своихъ школъ, сознавая, что онѣ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяютъ элементарнымъ требованіямъ педагогики и опасаясь, что эти недостатки и дадутъ правительственной власти основаніе активно вмѣшаться въ ихъ организацію, мусульманская интеллигенція рѣшила, во избѣжаніе этого, сама произвести школьную реформу и приблизить свои школы къ учебнымъ заведеніямъ европейскаго типа, сохранивъ за ними, насколько возможно, ихъ національныя и религіозныя особенности и отстоявъ автономный характеръ ихъ организаціи отъ всякихъ на него посягательствъ.

Около половины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія у мусульманъ въ области школьнаго дѣла возникло новое направленіе, получившее названіе *„новометоднаго"*, не вполнѣ точно передающее его сущность. Основоположникомъ новаго направле-

нія былъ Измаилъ бекъ Гаспринскій, основавшій въ 1883 г. въ Бахчисараѣ газету „Терджиманъ“ („Переводчикъ“) и издавшій широко распространившуюся затѣмъ брошюру: „Русское мусульманство. Мысли, замѣтки и наблюденія мусульманина“. Въ томъ же году появилась книга Мурзы Алима: „Исламъ и мусульманство“ также нашедшая себѣ обширный кругъ читателей *). Первымъ положеніемъ Гаспринскаго является установленіе обученія грамотѣ въ мусульманскихъ школахъ по *новому методу*—усули джядидъ—(яко бы звуковому методу, соотвѣтствующему нашему бе+а=ба; ве + а = ва), вмѣсто прежняго обученія по складамъ *стараго метода*—усули-кадимъ (ср. наши буки + азъ = ба, вѣди + азъ = ва). Отсюда и возникли два теченія въ мусульманскомъ школьномъ дѣлѣ: новометодное и старометодное. Но различіе между этими двумя теченіями заключалось отнюдь не въ различіи методовъ обученія чтенію. Гаспринскій и новометодисты имѣли въ виду возрожденіе мусульманской націи путемъ созданія народной литературы, освобожденія отъ излишнихъ стѣсненій, налагаемыхъ требованіями религіи, выработки одного объединяющаго языка, уничтожающаго всѣ діалектическія особенности разныхъ тюркскихъ нарѣчій, и *основанія хорошо организованной школы, удовлетворяющей требованіямъ новой жизни культурнаго магометанства.* Если изъ этой программы откинуть все, что, какъ было сказано раньше, представляется даже самимъ послѣдователямъ Гаспринскаго не чѣмъ инымъ, какъ несбыточной утопіей, то въ программѣ средствъ новометодистовъ останется только одно: основаніе хорошо организованной школы, удовлетворящей требованіямъ новой жизни культурнаго магометанства.

Въ этой пропагандѣ новой, близкой по внѣшней организаціи своей къ европейской, школы Гаспринскій долженъ былъ столкнуться съ старометодистами, своего рода старовѣрами мусульманства. Свои взгляды на задачи новой школы Гаспринскій высказалъ въ рядѣ своихъ статей и записокъ, которыя онъ подавалъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „Наши мусульманскія духовныя учебныя заведенія“, писалъ онъ, „въ общемъ отсталы и устарѣлы, даваемыя ими познанія жалки и ограниченны, а въ сравненіи съ выдвинутыми современными условіями жизни и сложными требованіями ся ничтожны и неудовлетворительны...“. „Какое значеніе имѣетъ религія для мусульманъ—это настолько извѣстно, что, полагаемъ, не требуетъ особыхъ поясненій. До-

*) По поводу этихъ сочиненій Ильминскій писалъ К. П. Побѣдоносцеву: „И Гаспринскій и Мурза Алимъ—все это облака, изъ которыхъ впослѣдствіи можетъ скопиться грозная туча“.

статочно припомнить ту роль, какую до сихъ поръ играли и играютъ въ жизни мусульманъ духовныя лица. И отсюда одинъ выводъ, что чѣмъ больше у духовныхъ лицъ хорошихъ качествъ, чѣмъ больше у нихъ познаній, чѣмъ больше они проникнуты сознательнымъ отношеніемъ къ тѣмъ потребностямъ, которыя выдвигаются новыми условіями жизни и для мусульманъ, словомъ, чѣмъ болѣе духовныя лица стоятъ на высотѣ положенія, тѣмъ вліяніе ихъ на народныя массы будетъ благотворнѣе. И, наоборотъ, неисчислимъ весь тотъ вредъ, который проистекаетъ отъ духовнаго лица, не только невѣжествешнаго, но и чуждаго по усвоенному имъ міровоззрѣнію требованіямъ современной жизни. Глубоко сознавая незыблемость такого положенія, передовые мусульмане давно уже обсуждаютъ вопросъ объ улучшеніи состава своего духовенства, которое, конечно, можетъ и должно произойти при посредствѣ лишь школы, надлежаще устроенной. Но откуда же взять такихъ муллъ?". Заинтересованный успѣхомъ своего дѣла, Гаспринскій постоянно слѣдилъ за мѣропріятіями правительства относительно образованія инородцевъ Россіи и всегда былъ въ курсѣ этого вопроса. Въ 1905 г. онъ подалъ Министру Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазову докладную записку, въ которой доказывалъ неудовлетворительность постановки дѣла въ русско-туземныхъ школахъ, невозможность для правительства по финансовымъ основаніямъ открыть достаточное число ихъ. „Мы думаемъ, писалъ онъ, „что для поднятія и развитія школьнаго, и вообще, просвѣтительнаго дѣла должно прибѣгнуть къ самому народу, къ его сердцу и уму. Необходимо, чтобы народъ сознавъ, что „школа", а въ болѣе широкомъ смыслѣ „знаніе" такъ же нуждается въ заботахъ народа, какъ посѣвъ хлѣба, рытье колодца и т. п. Этого нелегко достигнуть, но это возможно, и тогда самъ народъ явится въ помощь государству въ дѣлѣ своего просвѣщенія. Школы, прежде всего, страдаютъ узостью программы и, что еще болѣе печально, онѣ очень слабо выполняютъ и эту узкую свою задачу. Рецидивъ безграмотности, большой среди русскаго населенія, достигаетъ огромнаго процента среди мусульманъ. Оно и понятно: мусульманскій мальчикъ въ 3—4 года школьнаго обученія проводитъ собственно въ школѣ за обученіемъ едва одну треть этого времени; остальное поглощается рабочимъ періодомъ года, вакаціями и праздниками. Не слыша въ семьѣ и окружающей средѣ русской рѣчи, такому мальчику очень трудно усвоить новый, чуждый языкъ и, увы, покинувъ школу, „окончивъ" ее, онъ скоро забываетъ и то немногое, что имъ было пріобрѣтено. Немного

лучше въ городахъ: тутъ базаръ, торгъ, русскій говоръ, иначе— сама жизнь помогаетъ дѣлу школы. Тутъ хотя немногія дѣти, переходя изъ школы за прилавокъ, продолжаютъ понемногу слышать и употреблять русскую рѣчь. Нельзя не сказать и того, что наиспособнѣйшія дѣти, успѣвшія усвоить русскую грамоту, т. е. могущія читать и понимать читаемое, кончаютъ школу *безъ всякаго умственнаго развитія*. Между тѣмъ только пробужденный умъ, шевельнувшаяся любознательность могли бы привлечь такого ученика къ внѣшкольному образованію путемъ чтенія русскихъ книгъ". „Программа начальной школы должна поставить себѣ цѣлью расширеніе круговора ученика и рядомъ съ нимъ обученіе русскому языку. *Для умственнаго просвѣщенія мусульманъ Россіи надо поступить такъ, какъ поступилъ Н. И. Ильминскій въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія мелкихъ инородческихъ племенъ, т. е. надо прибѣгнуть къ родному языку дѣтей.* Этимъ естественнымъ путемъ русская культура и все общечеловѣческое польются въ мусульманскую среду болѣе широкой волной, возбудятъ любознательность и заставятъ мусульманъ искать дальнѣйшихъ знаній въ русской грамотѣ и литературѣ. Надо только, чтобы лучшей постановкой преподаванія русской грамоты подготовить, пріохотить дѣтей къ чтенію русской книги, къ поиску въ ней знаній. Базой для этого и можетъ послужить родной языкъ дѣтей, на которомъ и слѣдуетъ дать имъ первыя познанія, первую степень развитія. Такая постановка дѣла сблизитъ, породнитъ русскую школу съ семьей и средой учащагося. Разъ только русская школа станетъ „полезностью" въ глазахъ мусульманина, то дальнѣйшее ея развитіе и расширеніе будетъ обезпечено; сердечное и матеріальное содѣйствіе ей, какъ школѣ не только русской, но и родной, будетъ развиваться изъ года въ годъ. Мусульмане, имѣя 30.000 своихъ мектебовъ, тѣмъ самымъ подготовлены цѣнить „школу" и знаніе вообще. Они пойдутъ навстрѣчу всѣмъ ея нуждамъ, какъ только она примѣнится къ ихъ быту, нуждамъ и прочно установившимся воззрѣніямъ". „Необходимо, чтобы русско-татарская или русско-туземная школа носила исключительно гражданскій характеръ, не преслѣдуя иной задачи, кромѣ просвѣщенія и преподаванія общегосударственнаго языка; чтобы къ завѣдыванію школой, въ помощь учебному начальству, былъ призванъ общественный мѣстный элементъ, чтобы религіозно-нравственное воспитаніе нашихъ дѣтей, на основѣ нашей вѣры, было поставлено прочно, и чтобы языку нашему было отведено достаточно мѣста, какъ естественному элементу знанія и естественному средству начальнаго пре-

подаванія. Такая постановка дѣла, привлекши къ нему народное довѣріе и симпатіи, можетъ только усилить и ускорить распространеніе русскаго языка и русской культуры. Обратное же положеніе дѣла можетъ привести къ упадку даже тѣхъ немногихъ школъ, кои существуютъ въ настоящее время". „Пусть правительство", пишетъ Гаспринскій въ другой своей брошюрѣ, „поможетъ русскимъ магометанамъ преподавать имъ свѣтскія науки и усвоять ихъ въ медрессэ и мектебэ исключительно только на татарскомъ языкѣ, и тогда магометане сами научатся русскому языку и наполнятъ русскіе гимназіи и университеты, чтобы трудиться на поприщѣ жизни и науки" *).

Гаспринскій и его послѣдователи открывали новыя мусульманскія училища съ обстановкой школъ европейскихъ, вводили свѣтскія науки въ кругъ предметовъ, изучаемыхъ въ мектебахъ и медресахъ. Старовѣры мусульманства отнеслись къ дѣятельности Гаспринскаго явно несочувственно. Возгорѣлась ожесточенная полемика, которая настолько въ концѣ концовъ обострилась, что обратила на себя вниманіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое въ 1900 г. запросило мнѣнія мѣстной администраціи относительно новой „революціонной партіи, направленной къ ниспроверженію существующаго строя" **). Мѣстная администрація отнеслась къ расколу въ мусульманствѣ различно. Одни посмотрѣли на новыя вѣянія въ мусульманской школѣ, какъ на реформу педагогической техники и находили, что новометодная реформированная школа станетъ ближе къ европейской, а слѣдовательно и русской культурѣ и будетъ способствовать ослабленію мусульманскаго фанатизма. Другіе предпочитали старометодную школу, видя въ пей темнаго, а потому и менѣе опаснаго, хуже вооруженнаго врага***).

*) „Русское мусульманство", стр. 35.

**) Въ запискѣ инспектора нар. училищъ Ферганской области г. Егорова читаемъ: „Въ 1908 году (!) впервые были обнаружены *нелегальныя* школы, такъ называемыя новометодныя".

***) Ср. мнѣніе извѣстнаго изслѣдователя ислама Шателье: „Въ новометодномъ направленіи духъ національнаго чувства, уничтожаетъ жизненность въ магометанствѣ. Прежняя религія Пророка съ примѣсью пантеистическихъ идей становится національной и либеральной". („Исламъ въ XIX в.").

„Новометодная школа болѣе приспособлена къ условіямъ современной жизни, но пропитанная духомъ исключительнаго національнаго, мечтающая о всемірномъ культурномъ пробужденіи мусульманства и возстановленіи Казанскаго царства у развалинъ древнихъ Болгаръ, она въ общемъ даетъ тенденціозное развитіе молодежи и, въ случаѣ слабости надзора, (*какъ будто бы те-*

Въ періодъ такъ называемаго „освободительнаго движенія“ у мусульманъ развилась мало-по-малу идея національной автономной школы, навѣянная, между прочимъ, программами лѣвыхъ *русскихъ* партій и усердно поддерживаемая послѣдними. Во главѣ этого движенія сталъ въ 1904 г. Юсуфъ Акчуринъ, сыгравшій видную роль по привлеченію казанскихъ мусульманъ въ кадетскую партію.

Акчуринъ воспитывался въ Константинополѣ. По окончаніи курса военнаго училища онъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ султана и за это былъ сосланъ въ Триполи на каторгу, но оттуда бѣжалъ во Францію, гдѣ проживалъ около 3 лѣтъ, изучая въ Сорбоннѣ историческія и юридическія науки. Затѣмъ въ 1903 г. онъ пріѣхалъ въ Россію, а въ 1905 г. принялъ дѣятельное участіе въ газетѣ „Казанъ-мухбири“, которая сдѣлалась кадетскимъ органомъ для татаръ. Въ это же время возникъ въ Казани и въ другихъ пунктахъ съ татарскимъ населеніемъ цѣлый рядъ газетъ и журналовъ: „Юлдузъ“, „Вактъ“, „Танъ-Юлдузы“, „Баянуль-Хакъ“, „Азадъ“, „Чукчъ“ и др.

Въ 1908 г. Акчуринъ уѣхалъ въ Константинополь и во время Балканской войны поступилъ добровольцемъ въ турецкую армію, гдѣ, по слухамъ, состоитъ и въ настоящее время. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ прошелъ извѣстный III Всероссійскій мусульманскій съѣздъ въ Нижнемъ Новгородѣ 1906 года, установившій въ особомъ докладѣ изъ 33 пунктовъ основныя положенія организаціи школы среди мусульманскаго населенія. Главныя положенія съѣзда, послужившія затѣмъ исходнымъ пунктомъ для всѣхъ мѣропріятій и вожделѣній русскихъ мусульманъ въ области школьнаго образованія, сводятся къ тому, чтобы обученіе происходило на родномъ языкѣ съ арабскимъ алфавитомъ; изученіе русскаго языка въ начальной школѣ было необязательнымъ, а въ среднихъ школахъ русскій языкъ входилъ въ программу, какъ обязательный предметъ обученія; особое вниманіе должно быть обращено на изученіе литературнаго турецкаго языка, обученіе которому обязательно для мусульманъ.

23 мая 1911 года въ Уфѣ состоялось созванное Уфимскимъ губернскимъ земствомъ собраніе уфимскихъ татаръ, при участіи нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, педагоговъ и представителей Министерства Народнаго Просвѣщенія. Важнѣйшія

перь надзоръ отличается строгостью!) можетъ быть опаснѣе старометодной“. Это — отзывъ одного изъ видныхъ педагоговъ-администраторовъ, данный имъ 22 мая 1915 г.

постановленія, сдѣланныя Собраніемъ, таковы: 1) языкомъ преподаванія въ мусульманскихъ первоначальныхъ школахъ долженъ быть родной языкъ; объемъ преподаванія русскаго языка опредѣляется тѣмъ, что оканчивающіе курсъ мусульманской школы должны умѣть читать по-русски, пересказывать легкія прочитанныя статьи, писать безъ грубаго искаженія словъ и объясняться по-русски; 2) признано необходимымъ открытіе отдѣльныхъ для мусульманъ учительскихъ семинарій съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ въ этихъ семинаріяхъ прохожденіе языка татарскаго было поставлено на ту же высоту, какъ и преподаваніе русскаго; 3) курсъ начальной школы для мусульманъ долженъ продолжаться 5 лѣтъ.

10—11 января 1911 года происходило особое совѣщаніе при Казанской земской управѣ. Совѣщаніе имѣло цѣлью выработать мѣры къ ослабленію недовѣрія населенія къ русско-татарскимъ и новометоднымъ школамъ. Совѣщаніе постановило, что къ открытію русско-татарскихъ школъ никакихъ препятствій быть не должно: нужно открывать ихъ постепенно, въ небольшомъ числѣ, (пока по одной школѣ на волость), но ставить въ нихъ преподаваніе образцово; въ виду большой трудности мусульманскаго вѣроученія нужно первые часы учебнаго дня посвящать татарскому языку и вѣроученію, а послѣобѣденные—русскому языку и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ; на изученіе татарскаго языка и вѣроученія необходимо отвести 12 часовъ въ недѣлю, включивъ въ число часовъ, отводимыхъ на эти предметы, и часы, предназначенные для занятій пѣніемъ; надзоръ за преподаваніемъ вѣроученія поручить не только муллѣ, но и прихожанамъ; преподаваніе вѣроученія и татарскаго языка поручить мугаллимамъ, а не мулламъ, такъ какъ послѣдніе почти незнакомы съ правильными методами преподаванія.

Въ ноябрѣ 1912 года собрался, по иниціативѣ самихъ мусульманъ, съѣздъ въ Бугурусланѣ. Собраніе постановило обратиться къ земствамъ съ просьбой объ оказаніи конфессіональнымъ школамъ матеріальной помощи; по мнѣнію Собранія, наряду съ имамами въ управленіи школами должны принимать участіе и особые попечители, избираемые населеніемъ, вѣдѣнію которыхъ должна подлежать главнымъ образомъ хозяйственная сторона школъ. Кромѣ того, собраніе выработало программу для мектебе.

Начавъ такимъ образомъ съ измѣненія метода обученія чтенію (усули-кадимъ на усули-джядидъ) мусульманскіе новаторы подошли къ самому учебному курсу, къ учебному строю конфессіональной школы, постепенно вводя въ конфессіональныя

школы свѣтскія науки: исторію, географію, естествовѣдѣніе, физику, химію и т. п.

Въ 1913 году Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій обратился къ Оренбургскому муфтію съ слѣдующими вопросами:

1. Имѣются ли въ шаригатѣ указанія и разъясненія о мусульманскихъ конфессіональныхъ мектебахъ и медрессахъ.

2. Какъ эти мѣста наукъ обосновываются по шаригату.

3. Касательно системъ обученія въ мектебахъ и медрессахъ какія имѣются въ шаригатѣ слова и указанія.

4. Относительно программы уроковъ и предметовъ преподаванія какія подробности имѣются въ шаригатѣ.

5. Относительно лицъ, которыя имѣютъ быть назначены въ мугалиммы и мюдаррисы для обученія вѣрѣ дѣтей и юношей, какія условія ставятся шаригатомъ.

Эти вопросы, прежде всего, весьма испугали и муфтія и мусульманство. Стали распространяться, какъ пишетъ Максудовъ въ „Юлдузѣ“, различные несуразные слухи, татары стали посылать телеграммы къ вліятельнымъ лицамъ съ просьбой „отстоять то самое положеніе, которое уже давно создалось“. Видя въ запросѣ Департамента мѣру, направленную противъ новометодныхъ школъ, мусульмане приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы отстоять ихъ отъ возможныхъ посягательствъ. Муфтій поручилъ составленіе отвѣтовъ на поставленные ему Департаментомъ вопросы ахунамъ, имамамъ и мударрисамъ, которые собрались для этой цѣли въ Уфѣ и выработали слѣдующіе отвѣты на вопросы Департамента.

I. Мектебы и медрессы представляютъ собою мѣсто, въ которомъ обучаютъ установленіямъ и ученію вѣры ислама и даютъ нужныя для благополучія земного и небеснаго свѣдѣнія. Это доказывается стихами Корана (слѣдуютъ ссылки..)

II. Конечная цѣль мектеба научить мусульманскихъ дѣтей чтенію и письму, познакомить ихъ съ установленіями ислама, воспитать ихъ въ доброй нравственности и указать имъ пути къ достиженію благополучія земного и небеснаго и тѣмъ содѣйствовать миру и покою государства. Конечная цѣль медрессы—подготовлять муэззиновъ, имамовъ, хатыбовъ, мударрисовъ, мугаллимовъ, казіевъ и муфтіевъ, вполнѣ знакомыхъ какъ съ требованіями времени, такъ и съ науками вѣры и *жизни*, чтобы имѣть возможность указывать къ нимъ пути и другимъ. Стихи Корана...

III. Система преподаванія въ мектебахъ и медресахъ должна быть такова, чтобы она возможно легче и скорѣе приводила

къ цѣли и чтобы преподаваніе велось въ арабской графикѣ*). Стихи Корана...

IV. Предметы преподаванія въ мектебахъ: 1) Правила чтенія и письма на родномъ языкѣ, а также изложенія и сочиненія; 2) Коранъ и правила чтенія его; 3) вѣроученіе Ислама; 4) нѣсколько хадисовъ (преданій) касательно нравственности и религіозности; 5) этика; 6) священная исторія; 7) исторія Ислама; 8) національная исторія Россіи; 9) географія; 10) ариѳметика; 11) гигіэна; 12) анатомія; 13) стихи, дозволенные закономъ и божественные гимны; 14) физика и естествовѣдѣніе, а также агрономія; 15) черченіе, рисованіе, чистописаніе.

Предметы преподаванія въ медрессахъ: 1) сверхъ преподаваемыхъ въ мектебахъ, науки, до Корана относящіяся, въ томъ числѣ толкованія и искусство чтенія и остановокъ; 2) хадисы; 3) метафизика; 4) юриспруденція; 5) законовѣдѣніе; 6) логика; 7) арабскій языкъ съ литературой; 8) біографія Магомета и исторія Ислама; 9) исторія религіи; 10) естественная исторіи; 11) всеобщая исторія; 12) національная исторія и исторія отечественная; 13) государственный языкъ; 14) этика; 15) методика и дидактика; 16) гомилетика; 17) антропологія и этнографія; 18) анатомія; 19) ознакомленіе съ основами закона (энциклопедія права); 20) персидскій языкъ; 21) экономія; 22) психологія; 23) турецкая литература; 24) философія; 25) космографія; 26) геометрія; 27) діалектика; 28) гигіэна; 29) ариѳметика и алгебра; 30) географія; 31) агрономія; 32) стихи, дозволенные закономъ и божественные гимны; 33) чистописаніе; 34) нѣкоторыя свѣдѣнія по медицинѣ; 35) философія религіи и 36) химія.

Право каждаго изъ указанныхъ предметовъ занимать свое мѣсто въ числѣ предметовъ, которые могутъ быть преподаваемы въ конфессіональныхъ школахъ, имамы подтвердили ссылками на шаригатъ; справедливость требуетъ, однако, указать, что во многихъ случаяхъ желаніе удержать предметъ въ перечнѣ наукъ

*) Противъ сдѣланной Правилами 31 марта 1906 г. попытки ввести двойную транскрипцію мусульмане приводили серіозныя возраженія: „Введеніе двойной транскрипціи представляется безцѣльнымъ; ученикъ, не знающій русскаго языка, не умѣетъ, понятно, и читать по-русски: стало быть, для него русская транскрипція учебника равносильна китайской грамотѣ и совершенно безполезна; для учителя же она ненужна, потому что учителями и учительницами въ мусульманскихъ училищахъ могутъ быть только лица, знающія основательно арабскую письменность". (Представленіе Муфтія Хаджи Султанова Министру Внутреннихъ Дѣлъ).

конфессіональной школы было сильнѣе тѣхъ ссылокъ, которыя имамы могли отыскать въ вѣроучительныхъ книгахъ*).

V. Преподавательскій персоналъ: учителя и учительницы. Самое важное дѣло—это способность къ дѣлу и религіозность. Кто бы ни былъ, изъ какового бы сословія ни происходилъ, принимаются всѣ, лишь бы были способны. На этомъ основаніи, чтобы быть членомъ преподавательскаго персонала, нужно быть человѣкомъ религіознымъ, благонравнымъ и въ преподаваніи свѣдущимъ, а равно способнымъ исполнить возлагаемыя на него обязанности.

Борьба новометодистовъ съ старометодистами велась весьма упорно, давая пищу татарской публицистикѣ и беллетристикѣ. Нерѣдко средства борьбы выходили за предѣлы пріемовъ культурной „европейской" полемики... Старометодисты въ пылу борьбы вспомнили, что конфессіональныя школы подчинены инспекціи народныхъ училищъ и обращались къ послѣдней за содѣйствіемъ по прекращенію преподаванія „по новому методу". Инспекція народныхъ училищъ, справедливо не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ методы преподаванія въ конфессіональныхъ школахъ, отказывала въ содѣйствіи, дѣйствуя въ этихъ случаяхъ съ одобренія Попечителей учебныхъ округовъ... Мулла Ишмухаммедъ Динмухамедовъ въ увлеченіи борьбой подалъ администраціи заявленіе, что новометодисты въ своихъ школахъ преслѣдуютъ антиправительственныя цѣли. Въ результатѣ заявленія много мусульманъ были привлечены къ судебной отвѣтственности. Возникъ извѣстный Бобинскій процессъ... Ишмухаммедъ сталъ съ тѣхъ поръ для передовой части мусульманскаго населенія самымъ презрѣннымъ человѣкомъ; въ придумываніи для него и его послѣдователей оскорбительныхъ прозвищъ („ишмен", „ишаки" и т. п.) изощрялись лучшіе татарскіе умы; Ишмухаммедъ остался непреклоннымъ и еще въ 1914 г. категорически заявлялъ, что считаетъ лишнимъ преподаваніе свѣтскихъ наукъ въ конфессіональныхъ школахъ. Опирается въ этомъ случаѣ Ишмухаммедъ на массу простого мусульманскаго населенія**), взгляды которой

*) Нельзя упускать изъ виду, что вообще представляется затруднительнымъ оправдать ссылкой на религіозные авторитеты наличность всякаго предмета въ программѣ школы (ср., напр., школу христіанскую).

**) Среди муллъ стараго направленія особымъ вліяніемъ пользуются также муллы Хусаиновъ и Хамитовъ въ Оренбургѣ. „Сношенія нѣкоторыхъ мусульманъ съ *миссіонерами* и ихъ лживые доносы чиновникамъ въ отместку за „новый методъ" еще болѣе усложнили дѣло. Въ маленькихъ татарскихъ деревняхъ начали находить панисламизмъ, котораго не было въ Турціи, Персіи,

находятъ себѣ отраженіе и въ литературѣ. Въ 1912 г. вышло 86 литературныхъ произведеній, направленныхъ къ защитѣ старыхъ порядковъ; произведенія эти расходятся въ весьма большомъ количествѣ экземпляровъ, свидѣтельствующихъ о существующемъ значительномъ на нихъ спросѣ (нѣкоторыя сочиненія выходятъ ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ). Прикрываясь авторитетомъ Магомета и ссылаясь на цѣлый рядъ преданій, литература стараго направленія даетъ самыя категорическія рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, изстари волнующихъ пытливый умъ человѣка. Отсюда мусульманинъ заимствуетъ свои космогоническія представленія о землѣ и небѣ, состоящихъ изъ 7 ярусовъ, о большой рыбѣ, поддерживающей землю, объ огромныхъ ангелахъ, на плеяхъ которыхъ утверждаются небесные этажи и т. п. Отсюда онъ узнаетъ, что Александръ Македонскій много способствовалъ распространенію ислама, что Юнусъ (Іона) провелъ 3 дня и 3 ночи въ чревѣ китовомъ за чтеніемъ Корана. Здѣсь онъ читаетъ о подвигахъ Сеида Баттала или Кагырмана Катыла, единолично истреблявшихъ цѣлыя войска враговъ, побѣдоносно сражавшихся съ дивами и проявлявшихъ чудеса храбрости. Здѣсь онъ можетъ найти и самый подробный кодексъ нравственныхъ правилъ, указывающихъ порядокъ исполненія мусульманиномъ каждаго шага его жизни. Здѣсь же предлагаются мусульманину и средства для избавленія отъ всевозможныхъ несчастій и бѣдъ. Чтобы получить, напр., исцѣленіе отъ какой угодно болѣзни, достаточно написать шафранными чернилами на бумажкѣ текстъ арабской молитвы и, положивъ ее на время въ воду, выпить затѣмъ этотъ настой. Для читающаго мусульманина даже и будущее можетъ быть открыто; ему нужно только взять въ руки „Тагбиръ-намэ“ (Сонникъ)... Словомъ, помимо литературы своей мусульманину нѣтъ нужды обращаться куда-либо за разрѣшеніемъ волнующихъ его вопросовъ или указаніемъ и совѣтомъ для выхода изъ того или иного труднаго положенія, такъ какъ здѣсь онъ найдетъ все, что нужно*).

Фецѣ и Египтѣ. Миссіонеры захотѣли воспользоваться случаемъ: будучи недовольны тѣмъ, что мусульмане идутъ къ просвѣщенію своимъ путемъ, они задумали подставить имъ ногу иначе. Они настращали правыя партіи, увѣряя ихъ, что распространеніе новометодныхъ школъ можетъ пробудить національное движеніе среди мусульманъ. Хотя подобнаго рода уловка и не вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ сану, однако они на съѣздѣ, бывшемъ въ Казани, прибѣгли къ подобной уловкѣ“. („Юлдузъ“ № 875).

*) Нѣкоторыя брошюры, какъ напр. „Татгиръ“ (Очищеніе) были арестованы Казанскимъ Комитетомъ по дѣламъ печати по 1001 ст. Улож. о нак.

Эти литературныя произведенія вызываютъ злыя насмѣшки и издѣвательства со стороны новометодистовъ, хотя, казалось бы, подобная литература должна была бы вызвать не смѣхъ, а проявленія совершенно иныхъ чувствъ... Она убиваетъ любознательность мусульманина, давая на всѣ вопросы отвѣтъ въ разъ навсегда выработанной формулѣ; она извращаетъ здравый вкусъ его, пріучая услаждать себя самыми причудливыми продуктами фантазіи вмѣсто фактовъ исторической жизни; она парализуетъ всякое стремленіе его къ развитію и прогрессу, внушая ему, что онъ можетъ считать себя совершеннымъ, если выполнитъ внѣшнія предписанія шаригата. Въ результатѣ получается типъ благочестиваго мусульманина „суфія“ ко всему поразительно равнодушнаго, инертнаго, въ полусонномъ состояніи бормочущаго какую-нибудь суру Корана или перечисляющаго прекрасныя имена Божіи. Съ внѣшней стороны, со стороны языка и слога, литература стараго направленія имѣетъ также свой своеобразный колоритъ. Большинство произведеній написано языкомъ, представляющимъ самую причудливую смѣсь мѣстныхъ татарскихъ оборотовъ и словъ съ арабскими, турецкими и персидскими, при чемъ преобладающее мѣсто имѣетъ арабскій элементъ и самая ничтожная роль выпадаетъ на долю татарскаго. Болѣе или менѣе доступны для уразумѣнія только сочиненія повѣствовательнаго или обрядово-нравоучительнаго содержанія, произведенія же сколько нибудь отвлеченнаго характера не могутъ быть *читаемы* въ собственномъ смыслѣ этого слова, но только *изучаемы*.

Такова литература старая.

Литература новаго направленія со стороны содержанія характеризуется свободнымъ отношеніемъ авторовъ къ священнымъ традиціямъ старины стремленіемъ ихъ сообразовать свои сужденія съ *общечеловѣческими* взглядами и воззрѣніями*). Авторитетъ ислама уступаетъ свое первенствующее мѣсто наукѣ и общеевропейской цивилизаціи, поэтому обычное вступленіе съ „бисмиллой“ и „хутбой“ здѣсь отсутствуетъ. Мало того, надъ этимъ обычаемъ старины писатели новаго направленія позволяютъ себѣ смѣлыя шутки, граничащія нерѣдко съ кощунствомъ**).

---

*) Крайнимъ проявленіемъ раціоналистическаго направленія является работа муллы Чагатая: „Исабятъ“, въ которой авторъ рискнулъ доказывать происхожденіе ислама отъ естественныхъ причинъ и отмѣтить въ Магометѣ личность исключительно человѣческую. Трудъ Чагатая вызвалъ бурю негодованія среди мусульманъ и автору пришлось публично выражать свое раскаяніе.

**) Вотъ образчикъ „хутбы“, помѣщенной въ началѣ одного сборника стихотвореній: „Слава Тому, Кто, создавъ человѣка изъ камня и праха, укра-

Писатели этого направленія—въ большинствѣ случаевъ народные учителя, приказчики и т. п. пишутъ и по исторіи, и этнографіи, и математическимъ наукамъ, естествовѣдѣнію, химіи, сельскому хозяйству, педагогикѣ, изящной словесности; занимаются переводами съ русскаго языка („Черкизъ-чзы“ Демонъ) Лермонтова, Дубровскій, Борисъ Годуновъ, „Алеко“, „Капитанъ-кзы“ Пушкина, Кизъ-Суравъ („Предложеніе“) Чехова, Л. Толстого и такія произведенія какъ „Ужасное воровство въ поѣздѣ“, „Теща въ домъ—все вверхъ дномъ“, „Натъ Пинкертонъ“ и др.) *).

Вполнѣ оригинальныхъ произведеній немного. Среди нихъ выдаются несомнѣнно талантливыя произведенія Туккаева, Исхакова, Думави и нѣкоторыхъ другихъ. Огромнымъ преимуществомъ татарской печати новаго направленія является то, что она имѣетъ близкое непосредственное отношеніе къ жизни, болѣе или менѣе вѣрно отображая въ себѣ всѣ главнѣйшія ея явленія. Освободившись отъ стѣснительныхъ оковъ религіозно-мусульманскаго деспотизма, татарскіе авторы-новометодисты говорятъ теперь не только о томъ, какъ должно имъ мыслить, но и о томъ, какъ они дѣйствительно мыслятъ, интересуются не одной только будущей жизнью, но и настоящей со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. Какъ главный недостатокъ татарской печати нельзя не отмѣтить ея крайней претенціозности. Авторы—новометодисты, едва вступивъ на правильный путь литературнаго творчества, склонны иногда ставить себя на одинъ уровень съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ и къ своимъ произведеніямъ въ полной мѣрѣ примѣнять тотъ же масштабъ, какой примѣняется къ литературѣ просвѣщенныхъ народовъ. Яростно нападая на старозавѣтныхъ муллъ **); новометодисты всѣми мѣрами

силъ его головой, носомъ и ушами. Проклятіе шайтану, украсившему Булакъ „Піанильханомъ“ (газета „Баянуль Хаккъ“), просвѣтившему Сѣнной базаръ различными нечистотами и грязью, наполнившему г. Орскъ разными софизмами Ахмеда Исхака, обрадовавшему фирму Каримова и Хусаинова словомъ благовѣстія и т. д.

*) Въ мектебахъ и медрессахъ Казани для общаго чтенія учащимся предлагаются: „Сократъ, самый мудрый человѣкъ Греціи“, Толстой—„Много ли человѣку земли нужно“, и „Натъ-Пинкертонъ“.—Мектебы Тетюшскаго уѣзда составили списки книгъ для библіотекъ—въ спискахъ 221 названіе.

**) „Не стало вѣры. Чалмоносныя головы исказили исламъ... Это де вѣрѣ противно, этого въ Коранѣ нѣтъ, это ересь, на этомъ покрова нѣтъ... О несчастные, злые и слѣпые подражатели другимъ! Вамъ ли о вѣрѣ судить, гнилые мозги, приверженцы опіума; умъ вѣдь у васъ сгнилъ отъ опіума; вѣра по вашему: по ниткѣ обстриженные усы и гладко обритая голова... Зная только глупыя правила (нецензурное мѣсто), вы воображаете себя улемами-учеными“.

(Стих. Зыя Ярмаки. Замана улямаларына).

стараются расположить населеніе къ новой наукѣ. „Европейская наука“, говорили они:—„мусульманская наука, такъ какъ цѣликомъ взята у арабовъ, а арабы—предки татаръ и составляютъ вмѣстѣ съ турками и татарами одинъ „миллятъ“ (націю)“.

На помощь новометодистамъ пришли богатые татары. Извѣстный въ Казани дамулла (кажется, и ишанъ) Галимдзянъ Галеевъ собиралъ деньги на поддержку муллъ новаго направленія. Питомцы Галеевскаго медрессе въ Казани стали, при поддержкѣ своего патрона, открывать въ селеніяхъ школы, свободныя отъ вліянія муллъ. Какъ только гдѣ-нибудь умиралъ указный приходскій мулла, Галеевъ хлопоталъ передъ приходомъ о назначеніи своего ученика и всегда имѣлъ успѣхъ. Много содѣйствовали успѣху новометоднаго направленія нѣкоторыя земства, обуславливавшія выдачу пособій конфессіональнымъ школамъ преподаваніемъ въ нихъ по новому методу.

Очень большое значеніе имѣло также данное извѣстнымъ ишаномъ („святымъ“) Зейнуллой, проживающимъ въ г. Троицкѣ и имѣющимъ большое количество мюридовъ, благословеніе новометодному направленію *).

Современное положеніе образованія среди мусульманскаго населенія Казанскаго и Уфимскаго края.

Конфессіональныя школы.

Въ настоящее время мусульмане Поволжья и Пріуралья для полученія образованія располагаютъ слѣдующими видами школъ: 1) конфессіональными школами, 2) инородческими училищами по Правиламъ 1870 г. и 1913 г., училищами по Положенію 1874 г.

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ конфессіональныя училища. Нашимъ законодательствомъ вѣроисповѣдныя учебныя заведенія были своевременно легализированы безъ установленія въ нихъ опредѣленнаго учебнаго курса. На основаніи ст. 1389 Устава объ иностранныхъ исповѣданіяхъ эти училища въ Таврической губерніи подчиняются вѣдѣнію Таврическаго Духовнаго Правленія; на основаніи ст.ст. 1444, 1448, 1453, 1498 и 1514 такія школы въ Закавказьѣ подчинены управленіямъ Закавказскаго мусульманскаго духовенства—шіитскаго и суннитскаго. Что же касается учебныхъ заведеній Казанскаго и Оренбургскаго

*) Ишанъ Зейнулла работаетъ въ медрессе-и-Расулійэ.

учебныхъ округовъ, то на основаніи прим. 5 къ ст. 48 т. XI ч. I они подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія. Наше законодательство различаетъ 2 вида конфессіональныхъ школъ: мектебе (мактабы) и медрессе (мадрассы), но отказывается отъ какой бы то ни было дальнѣйшей регламентаціи и установленія подробностей ихъ жизни, быта и дѣятельности; принципіально установивъ, что правомъ на существованіе пользуются лишь тѣ, которыя имѣютъ конфессіональный характеръ.

Въ Казанской губерніи въ настоящее время насчитывается по невполнѣ точнымъ даннымъ 1005 мектебе и 36 медрессе; въ Симбирской—201 мектебе и 17 медрессе; всего же въ Казанскомъ учебномъ округѣ считается около 2000 мектебе и 150 медрессе; въ предѣлахъ Оренбургскаго учебнаго округа считается 1735 мектебе и 380 медрессе. Всего въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ состоитъ около 4000 мектебе и 500 медрессе. Число это не отличается точностью: есть основаніе предполагать наличность значительнаго числа школъ незарегистрованныхъ.

Помѣщенія, занимаемыя мектебе и медрессе, за исключеніемъ немногихъ, должны быть признаны неудовлетворительными. Городская училищная комиссія г. Казани, осмотрѣвъ помѣщенія тѣхъ 5—6 медрессъ, которыя получаютъ ежегодное пособіе на свое содержаніе отъ 500 до 1000 р. (Азимовская медресса), отмѣтила въ протоколѣ осмотра слѣдующее: . . . . . „въ отношеніи чистоты внутренность Азимовской медрессы удовлетворительна, но дворъ очень плохъ. Пріѣзжіе путешественники, осматривавшіе Азимовскую мечеть, входя во дворъ между мечетью и медрессой и видя плохое содержаніе, могутъ составить очень дурное мнѣніе обо всей нашей націи“. „. . . . . въ медрессе имени Абдулъ-Каюма Насырова чистоты никакой нѣтъ, классныя помѣщенія очень малы; большой дворъ очень грязный, выгребныя ямы не закрыты, есть опасность, что въ нихъ могутъ упасть дѣти; на дворѣ имѣется ничѣмъ не закрытый безводный колодецъ, дѣти могутъ упасть и въ него. Въ то время, когда производился осмотръ комиссіей, въ упомянутый колодецъ упала коза; ни въ одной изъ прежнихъ медрессъ такихъ неустройствъ не бывало“ . . . . . „въ большой части медрессъ дѣти сидятъ на колѣняхъ за низкими партами, на сыромъ полу, непокрытомъ ни кошмами, ни коврами“ . . . . . „медрессы Амирхановская и Терджимановская въ отношеніи порядка и чистоты только опасны“ ...И это въ Казани! Что же происходитъ въ глухихъ углахъ края!

Обстановка большинства конфессіональныхъ школъ по прежнему отличается убожествомъ. Лишь въ нѣкоторыхъ школахъ

заведена классная мебель, имѣются учебныя пособія, учащіеся распредѣлены по классамъ, имѣются списки учащихся, всѣ учащіеся снабжены учебниками...

Въ Казани находится 12 мектебовъ и медрессе. Изъ нихъ нѣкоторыя пользуются широкой извѣстностью далеко за предѣлами Казани. Первое мѣсто между ними занимаетъ *Медрессе-и-Мухаммедійэ*, или Галеевская, имѣющая 142 учениковъ (прежде число ихъ доходило иногда до 400). Въ первый классъ (рюшдійэ) принимаются дѣти не менѣе 12 лѣтъ отъ роду, при чемъ на экзаменѣ они должны обнаружить: правильное чтеніе Корана, чтеніе и пониманіе тюркскихъ книгъ, правильное письмо, знаніе четырехъ дѣйствій ариѳметики, знаніе начальнаго курса географіи, исторіи ислама и умѣнье читать по-русски. По постановкѣ дѣла принадлежитъ къ числу новометодныхъ. Во главѣ ея стоитъ Галимдзянъ Галеевъ (хазрятъ Баруди), одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и передовыхъ мусульманъ. Второе мѣсто занимаетъ медрессе *Апанаевская*. Въ ней обучалось 118 татаръ. Въ прежніе годы число ихъ доходило до 800 разнаго возраста, пребывавшихъ въ медрессе по многу лѣтъ (были случаи пребыванія въ теченіе 26 лѣтъ) *).

Медрессы могутъ быть раздѣлены на старометодныя и новометодныя. Однако, точно классифицировать ихъ по этому критерію, т. е. по принятой системѣ преподаванія и общей постановкѣ учебнаго дѣла представляется затруднительнымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія дѣйствующихъ въ медрессе вѣяній и, во-вторыхъ, вслѣдствіе переходнаго состоянія многихъ изъ нихъ.

Изъ другихъ медрессъ и мектебовъ заслуживаютъ вниманія, какъ пользующіяся особой извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ, слѣдующія:

1. *Ишъ-Бобинская* (въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губ.) теперь сильно потерявшая свое значеніе. Основана была двумя братьями Шигаматтулиными, сыновьями деревенскаго муллы. Одинъ изъ нихъ учился въ Константинополѣ и получилъ свѣтское образованіе. Возвратившись на родину, онъ основалъ вмѣстѣ съ братомъ медрессу. На помощь имъ пришелъ богатый татаринъ Ахмаджановъ, жертвовавшій ежегодно до 10.000 р. въ качествѣ „зяката“ (милостыни). Сверхъ того, Сарапульское зем-

*) Другіе медрессы и мектебы Казани: Усмановская (96), Казаковская (60), Маржанія (116), Якубовская (93), Таржимановская (70), Амирхановская (86), Утямышевская (54), Азимовская (110), Айтугановская (77) и Мансуровская (33). Изъ нихъ старометодныя—Утямышевская и Айтугановская.

ство давало по 700 р. Въ медрессѣ изучались богословскіе предметы и языки арабскій, турецкій и турецкая литература. Основательно изучались и свѣтскія науки: математика, физика, химія, всеобщая исторія и французскій языкъ. Преподаваніе велось всецѣло на татарскомъ и турецкомъ языкахъ. При медрессе былъ классъ русскаго языка, но въ самомъ медрессе русскій языкъ не преподавался. Ишь-Бобьинская медресса считалась выдающимся центромъ мусульманскаго просвѣщенія.

2. Медрессе *Тюнтеръ* въ дер. Тюнтеръ, Вятской губерніи. Это старометодное медрессе извѣстно своимъ профессоромъ Ишмухамедъ-хазретъ-Динмухаммедовымъ, являющимся однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ представителей стараго правовѣрнаго мусульманства. (См. выше.) Одно имя его приводитъ въ невѣроятную ярость *) всѣхъ сторонниковъ новаго теченія въ русскомъ исламѣ, и они не стѣсняются не только открыто высказывать ему презрѣніе за ретроградные взгляды, но и осыпать его всевозможными обвиненіями и подозрѣніями. По отзывамъ приверженцевъ старины, онъ „пользуется уваженіемъ во всемъ русскомъ мусульманскомъ мірѣ, какъ защитникъ правовѣрнаго ислама“ ставится на одинъ уровень съ издателемъ „Динъ-вэ Маишатъ“—Мухамедомъ Вели-хазретомъ. Передовые же татары не могутъ простить ему его поведенія и ставятъ ему въ особенности въ вину борьбу съ прогрессивнымъ теченіемъ путемъ воздѣйствія на русскую администрацію. Въ газетѣ „Сибирія“ 15 мая 1913 г. читаемъ: „Рядомъ съ прогрессивнымъ теченіемъ есть еще теченіе, или даже не теченіе, а скорѣе какой то застывшій, засохшій большой кусокъ; это приверженцы религіи. Они находятъ все спокойствіе и счастье не въ изученіи русскаго или татарскаго языковъ, а въ изученіи богословскихъ предметовъ на арабскомъ языкѣ, въ вошючемъ, старомъ, грязномъ медрессе, у тварей съ гніющими мозгами, только носящими имя мударрисовъ..Всѣ „ишмеевскіе доносчики“ принадлежатъ къ этой партіи“.

3. *Медрессе-и-Эстерлибашъ* (Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губ.). Ранѣе въ ней обучалось до 1000 человѣкъ. Утратила свое первенствующее значеніе со смертью знаменитаго ишана отца нынѣшнихъ муллъ Туккаевыхъ. Одинъ изъ нихъ—Мухаммедъ—былъ членомъ 1-ой, 2-ой и 3-ей Государственной Думы.

4. *Медрессе Хусаинова* при 6-ой соборной мечети г. Оренбурга. Имѣетъ 294 учащихся и содержится на средства, завѣ-

*) Въ этомъ и мнѣ пришлось убѣдиться непосредственно во время посѣщенія одного изъ новометодныхъ мектебовъ.

щанныя этому учебному заведенію умершимъ купцомъ Ахметомъ Хусаиновымъ. Согласно духовному завѣщанію, медрессе должна состоять изъ 4 отдѣленій: ибтидайэ, рушдіэ, игдадіэ, гайіэ, съ 14 лѣтнимъ курсомъ. Медрессе имѣетъ очень приличное помѣщеніе, но по обстоятельствамъ военнаго времени функціонируетъ пока ибтидайэ, помѣщаясь въ старомъ мало приспособленномъ зданіи больницы. Въ ибтидайэ 70 человѣкъ въ 3 отдѣленіяхъ. При медрессе имѣется обыкновенно интернатъ, въ которомъ проживало 183 человѣка. Многіе изъ вновь поступившихъ дѣтей хорошо говорятъ по-русски. Среди учащихся есть и киргизы.

5. Мектебе муллы *Хусаинова* въ Оренбургѣ старометодное, основанное родственникомъ Хусаинова и въ корнѣ по направленію отличающееся отъ предыдущаго. Въ мектебѣ въ 5 небольшихъ по размѣру комнатахъ живутъ и учатся до 200 человѣкъ. Трудно представить, какъ могутъ улечься въ такихъ помѣщеніяхъ 200 человѣкъ, даже изображая во время сна, какъ это здѣсь рекомендуется, букву алифъ—первую букву арабскаго алфавита, имѣющую начертаніе палки. Мебели нѣтъ. Учащіеся и учатся и спятъ на грязныхъ кошмахъ. Во главѣ школы стоитъ мударрисъ, самъ окончившій курсъ этого же мектеба. У него трое хальфъ. Корпорація — убѣжденная сторонница усули-кадимъ, враждебно относится къ новому направленію, такъ какъ „при немъ плохо учатъ вѣрѣ“, и твердо вѣритъ въ свѣтлое будущее старометодной школы. Учебныхъ пособій никакихъ; даже Кораны имѣются въ ограниченномъ количествѣ.

6. Женскій мектебе *Адамовой* въ Оренбургѣ. Имѣетъ 2 отдѣленія по 3 года обученія въ каждомъ. Обучается 115 ученицъ башкирокъ, очень прилично и чисто одѣтыхъ. Обстановка вполнѣ удовлетворительная. Есть пособія. На стѣнахъ портреты Царя и Царицы, хотя по шаригату имѣть портреты, вообще, воспрещается. Башкиры, менѣе фанатичные, чѣмъ казанскіе татары, когда отъ нихъ потребовали помѣщенія портретовъ Государя и Государыни, сумѣли найти на то разрѣшеніе въ шаригатѣ: оказалось, что имѣть передъ собою портреты запрещается только во время молитвы... Когда отъ нихъ потребовали молитвы за Царя, они составили и ее, несмотря на то, что такія молитвы ихъ вѣроученіемъ не предусмотрѣны.—Русскій классъ при мектебѣ только что открытъ. Ученицы занимаются рукодѣліемъ. Поютъ „Боже, Царя храни“ и башкирскія пѣсни. Правда, нельзя не замѣтить, что въ пѣніи и въ отношеніи къ тому, что поется, невольно чувствуешь нѣкоторый элементъ подневольности („пужда скачетъ...

нужда пѣсенки поетъ"). Вѣроученіе преподаетъ сама Адамова, занимающаяся педагогической дѣятельностью уже болѣе 20 лѣтъ. Многія изъ окончившихъ курсъ ея мектеба состоятъ учительницами въ другихъ мектебахъ. Къ посѣщеніямъ лицъ учебнаго вѣдомства Адамова относится вполнѣ радушно, но не безъ подозрительности. Дѣти выучены привѣтствовать гостей и благодарить за посѣщеніе, что отзывается нѣкоторою искусственностью и является результатомъ восточнаго лицемѣрія *).

7. *Медрессе-и-Османійэ* при 1-ой Соборной мечети г. Уфы. Зданіе каменное, довольно значительныхъ размѣровъ, по особенной чистотой не отличается. Помѣщеніе для учениковъ содержится неопрятно. Классы рядомъ со спальнями. Столовая въ большомъ, по душномъ подвалѣ. Учащихся до 150 человѣкъ. При медрессе есть и мектебе, въ которомъ около 80 учащихся. Завѣдуетъ медрессе ахунъ Абызгильдинъ. Преподавателей 8. Имѣется пріютъ для сиротъ на 40—50 дѣтей. Въ медрессе, кромѣ религіозныхъ наукъ, преподается логика, арабская литература, діалектика, геометрія, физика, естествовѣдѣніе, всеобщая исторія, основы законовѣдѣнія, географія, ариѳметика, исторія Россіи и русскій языкъ (послѣдній включенъ въ общее распредѣленіе уроковъ.)

8. *Медрессе-и Алійэ-и Динійэ* въ Уфѣ. Это медрессе при открытіи своемъ имѣло въ виду сдѣлаться для мусульманъ высшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ родѣ константинопольскаго „дарюль фюнюкъ"-университета въ духѣ ближняго Востока. Зданіе для него выстроено было лѣтъ 7 тому назадъ на частныя пожертвованія (до 40.000 р.). Учащихся около 180 человѣкъ; изъ нихъ 160 пансіонеровъ съ платой по 60 р. въ годъ. Классовъ 6: приготовительныхъ 3 и основныхъ 3. Завѣдываетъ медрессе имамъ 2-й соборной мечети Камалетдиновъ. Кромѣ него, есть 6 учителей. Содержится медрессе, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія. Въ послѣднее время сочувствіе общества къ медрессе уменьшилось вслѣдствіе яко-бы слабой постановки вѣроученія, и пожертвованія поступаютъ въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, что грозитъ медрессе серьезными матеріальными затрудненіями.

9. *Хакимовское* медрессе въ Уфѣ имѣетъ 8 классовъ; завѣдывающимъ состоитъ хазрятъ Фахретдиновъ, при немъ 8 преподавателей.

---

*) Одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ разсказываетъ, что въ нѣсколькихъ посѣщенныхъ имъ школахъ была предложена для письма одна и та же фраза: „бу кун безны мектеблерин баши зіярат итти" („сегодня праздникъ: насъ посѣтилъ начальникъ школъ".)

10. *Медрессе-и-Мухаммедійэ* въ г. Троицкѣ, основанное муллой Яушевымъ. Учащихся до 250. Проходится русскій языкъ.

Въ программахъ медрессъ и мектебовъ на ряду съ предметами чисто конфессіональными болѣе значительное мѣсто занимаютъ и предметы общеобразовательные, науки свѣтскія. Новометодное направленіе съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе и, если теперь количество старометодныхъ школъ еще, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ превышаетъ число новометодныхъ, то послѣднимъ принадлежитъ преимущественное вліяніе и несомнѣнно лучшее будущее, чѣмъ старометоднымъ. Сами новометодисты, опасаясь, что муллы, оканчивающіе курсъ въ реформированныхъ медрессахъ, не будутъ достаточно тверды въ вѣроученіи и не встрѣтятъ необходимаго къ себѣ сочувствія со стороны массы мусульманскаго населенія, въ настоящее время склонны оставить въ прежней организаціи нѣсколько медрессъ, возложивъ на нихъ обязанность подготовки муллъ, придавъ имъ богословско-учительный характеръ. Что же касается всѣхъ остальныхъ медрессъ, то они считаютъ необходимымъ преобразовать ихъ по образцу нашихъ христіанскихъ духовныхъ семинарій, введя въ программы, наряду съ предметами богословскими, также и науки свѣтскаго характера, но съ той же конфессіональной цѣлью. Въ виду этого всѣ попытки администраціи отмежевать конфессіональный элементъ въ программахъ вѣроисповѣдныхъ школъ отъ элемента общеобразовательнаго заранѣе обречены на неудачу и, если и могутъ быть осуществлены, только путемъ насилія, едва ли цѣлесообразнаго. Одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей какъ въ личной бесѣдѣ со мной, такъ и въ секретной перепискѣ съ Попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, высказался за необходимость принятія по отношенію къ мусульманскимъ школамъ рѣшительныхъ мѣръ. „Удовлетвореніе религіозныхъ потребностей мусульманъ“, говоритъ онъ, „составляетъ ихъ неотъемлемое право, поэтому и усвоеніе мусульманскаго вѣроученія можетъ быть предоставлено имъ самимъ полностью, тѣмъ болѣе, что современное законодательство наше признаетъ принципъ вѣротерпимости инославныхъ исповѣданій. Я полагалъ бы провести рѣзкую грань въ сферѣ преподаванія, сообразно чему и дѣлить эти школы на два основныхъ вида: конфессіональныя школы и общеобразовательныя училища. Первыя должны быть полной собственностью магометанскихъ приходовъ, состоять при мечетяхъ не болѣе одной школы при каждой и находиться подъ отвѣтственнымъ руководствомъ благонадежнаго мусульманскаго духовенства (муллъ), но отнюдь не свѣтскихъ

мугаллимовъ. Въ случаѣ проявленія тѣхъ или иныхъ политическихъ или узко національныхъ тенденцій, а тѣмъ болѣе сепаративныхъ стремленій, конфессіональныя школы, какъ очаги заразы, подлежатъ законной отвѣтственности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, и совершенному закрытію временно или на продолжительный срокъ. Остальныя школы, выходящія по своей программѣ за предѣлы вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, должны быть признаны не иначе, какъ общеобразовательными учебными заведеніями. Этого рода школы должны являться достояніемъ государства и развиваться въ полномъ соотвѣтствіи съ предначертаніями закона. Если въ медрессе преподаются общеобразовательные предметы, то это не медрессе, а особая школа, которой слѣдуетъ присвоить другое названіе; этотъ новый типъ школы надо еще опредѣлить и регламентировать въ законѣ. Теперь и развивается такой типъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній для обученія исключительно мусульманъ-татаръ, который никоимъ образомъ не можетъ подходить подъ тѣ понятія о мектебахъ и медрессахъ, какія имѣлъ въ виду нашъ законъ, допуская наличность при каждой мечети конфессіональной или вѣроучительной школы. По своей тенденціозной дѣятельности и тайной, трудно уловимой пропагандѣ панисламизма, новометодныя мектебы и медрессы, при ихъ направленіи, имѣющемъ вліяніе на мусульманское населеніе, являются тѣмъ злокачественнымъ нарывомъ мѣстной общественной жизни, который необходимо вскрыть и такимъ образомъ очистить окружающую насъ атмосферу".

Такого же характера постановленіе было сдѣлано въ 1910 г. Особымъ Совѣщаніемъ по выработкѣ мѣръ для противодѣйствія усиленію татарско-магометанскаго вліянія въ Казанскомъ краѣ: п. 11—„устранить изъ конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ (мектебе и медрессе) предметы преподаванія общаго характера, въ томъ числѣ и русскій языкъ *), ограничивъ программу преподаванія въ означенныхъ школахъ исключительно предметами, относящимися къ изученію мусульманскаго вѣроученія, подчинивъ ихъ въ отношеніи соблюденія этого требованія общему учебному надзору; „п. 13": предоставить всѣмъ мусульманскимъ учебнымъ заведеніямъ, въ программахъ коихъ имѣются общеобразовательные предметы, преобразоваться въ теченіе опредѣленнаго

*) Мусульмане говорятъ, что знаніе русскаго языка требуется при экзаменѣ на званіе муллы и потому этотъ предметъ носитъ также *служебно-конфессіональный* характеръ.

установленнаго срока въ училища по общимъ правиламъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ подчиненіемъ ихъ надзору на общихъ основаніяхъ."

При рекомендаціи указанныхъ выше пріемовъ не принимается во вниманіе невозможность съ обоюднаго согласія установить, что должно называться „конфессіональнымъ", что „общеобразовательнымъ". Съ точки зрѣнія правительства географія, ариѳметика, русскій языкъ—предметы общеобразовательные. „География необходима", говорятъ мусульмане; „такъ какъ безъ нея нельзя проходить исторіи ислама, ариѳметика нужна для изученія отдѣла шаригата о раздѣлѣ наслѣдства, исторія Россіи... какъ же русскому мусульманину будущему муллѣ не знать исторіи своей родины?!" При этомъ мусульмане всегда укажутъ на примѣръ духовныхъ христіанскихъ (православныхъ и армяно-григоріанскихъ) семинарій *). Хотя „сравненіе и не есть доказательство", но оно становится имъ, когда дѣло касается интимнѣйшей стороны жизни народности. Повторяю, можно административнымъ порядкомъ разрѣшить вопросъ, но въ этомъ случаѣ русская сторона можетъ предъявить только „законъ", едва ли надобный и во всякомъ случаѣ оскорбительный для вѣковой школы и для свободнаго вѣроученія, но зато можетъ встрѣтить и самый энергичный и дружный отпоръ при такой непрошенной и недопустимой мѣрѣ.

Членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, Н. А. Бобровниковъ, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ записокъ по школьному дѣлу среди восточныхъ инородцевъ доказываетъ, что новометодныя школы явятся серіознымъ врагомъ нашимъ школамъ по Правиламъ 14 іюня 1913 г. Соглашаясь, что новометодныя школы имѣютъ будущее (по крайней мѣрѣ, мектебе, содержимыя на средства приходовъ, но не медрессе, содержимыя на частныя пожертвованія), я не вижу основаній считать ихъ вра-

*) Въ Эриванской семинаріи на 5 богословскихъ группъ—17 общеобразовательныхъ въ Тифлисской на 2 богословскихъ—25 общеобразовательныхъ въ Шушинской на 5 богословскихъ—24 общеобразовательныхъ.

	Число недѣльныхъ уроковъ: богословскихъ	общеобразовательныхъ
Въ Эриванской семинаріи	36	166
„ Тифлисской „	12	200
„ Шушинской „	33	231
„ Нахичеванско-Бессарабской семинаріи	35	214

гами, а склоненъ отнести ихъ къ числу соратниковъ, союзниковъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ невѣжествомъ, подобно тому какъ никогда не считалъ врагами земской и министерской школы правильно организованныхъ школъ церковно-приходскихъ.

При нѣкоторыхъ медрессахъ существуютъ такъ называемые „русскіе классы", открытіемъ которыхъ обусловливалось во многихъ случаяхъ разрѣшеніе на учрежденіе конфессіональныхъ школъ. Мнѣ кажется, что учрежденіе этихъ классовъ при конфессіональныхъ училищахъ было ошибкой, имѣвшей весьма серіозныя послѣдствія въ дѣлѣ развитія образованія среди мусульманскаго населенія. Правительство, потребовавъ преподаванія русскаго языка въ конфессіональныхъ училищахъ, тѣмъ самымъ признало за ними до извѣстной степени общеобразовательный характеръ, который всегда за ними отрицала. Русскіе классы при медрессахъ вызвали къ себѣ съ самаго начала враждебное отношеніе со стороны мусульманъ, какъ нововведеніе, посягающее на старинный укладъ конфессіональныхъ школъ, неразрывно связанный съ ихъ общимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Фанатическая мусульманская масса была весьма недовольна закономъ, обусловливающимъ открытіе новыхъ медрессъ и мектебовъ непремѣннымъ учрежденіемъ при нихъ русскихъ классовъ. Мусульмане видѣли въ этомъ законѣ покушеніе на чистоту ихъ религіи, такъ какъ по узкому пониманію мусульманъ назначенія грамоты,—какъ средства къ обученію только религіи, они были убѣждены, что русскіе классы, обучая русской грамотѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ знакомить учениковъ и съ „русской" вѣрой. Хотя учителями русскихъ классовъ назначались воспитанники Казанской татарской учительской школы, для которыхъ эти должности являлись своего рода синекурой, но они считались уже „порченными", сохраняющими лишь до времени видъ мусульманина, а на самомъ дѣлѣ если не вполнѣ еще обращенными въ христіанство, то, по крайней мѣрѣ, расположенными къ принятію „русской вѣры". Такіе взгляды мусульманъ на русскіе классы вызвали враждебное отношеніе къ нимъ всей татарской массы, замедлили пріобщеніе мусульманства къ русской культурѣ, и это неблагопріятное настроеніе продолжается во многихъ мѣстахъ и донынѣ. Познанія въ русскомъ языкѣ въ русскихъ классахъ, даже на третьемъ году обученія, какъ пришлось въ этомъ убѣдиться, весьма слабы. Строго говоря, русскіе классы лишь числятся *при* конфессіональныхъ училищахъ, такъ какъ устроены въ большинствѣ случаевъ совершенно отдѣльно отъ нихъ, притомъ нерѣдко (напр., въ Казани) сразу для нѣсколькихъ мед-

рессъ, находящихся въ различныхъ частяхъ татарскаго разселенія. Мусульмане исполнили „букву“ закона, и русская власть этимъ удовлетворялась.

Такое отрицательное отношеніе мусульманскаго населенія къ русскимъ классамъ, особенно рѣзко сказывающееся въ Казанской губерніи *) и, по указаннымъ выше причинамъ, теряющее свою остроту въ направленіи съ сѣвера на югъ, объясняется исключительно тѣмъ, что подозрительнымъ, фанатичнымъ татарамъ предъявленъ былъ и въ этомъ случаѣ со стороны правительственной власти „законъ“, который показался имъ насиліемъ надъ ихъ совѣстью и религіозной свободой. Отношеніе мусульманъ къ знанію русскаго языка этой враждебной настроенностью мусульманъ къ „русскимъ классамъ“ вовсе не характеризуется, такъ какъ въ общемъ оно должно быть признано благопріятнымъ. Татарское населеніе, особенно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ оно связано торговыми, промышленными и, вообще, экономическими интересами съ русскимъ населеніемъ, стремится къ лучшему усвоенію русскаго языка, видя въ этомъ знаніи существенныя для себя выгоды. Башкиры и киргизы приносятъ въ жертву знанія русскаго языка нерѣдко свои религіозные и національные интересы. Отдавая дѣвочку въ русско-башкирское училище въ Уфѣ, гдѣ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ съ помощью натуральнаго метода, вмѣсто того, чтобы отдать ее въ рядомъ находящійся женскій мектебъ, башкиръ нерѣдко говоритъ учительницѣ (русской же): „учи, пожалуйста, дѣвку по-русски, по татарски не болтай“, да и бывали случаи, что, являясь въ эту школу, дѣвочки заявляли, что онѣ изучать вѣроученіе не будутъ, такъ какъ явились сюда изучать русскій языкъ. И пресса татарская особенно въ послѣднее время проповѣдуетъ необходимость изученія русскаго языка. „Начальное русское обученіе“, пишетъ газета Вактъ (24 сентября 1914 г.): „въ благоустроенныхъ медрессахъ дается въ очень маломъ объемѣ, т. е. вращаясь около хлѣба и воды; при этихъ познаніяхъ въ какомъ угодно правительственномъ учрежденіи невозможно объяснить толкомъ свое желаніе. Поэтому необходимо учить по-русски столько, сколько учатъ въ четырехклассныхъ высшихъ начальныхъ училищахъ“. „Нынѣ большинство парода раскрыло свои глаза, и многіе изъ нашихъ муллъ, сознавши необходимость русской грамоты, считаютъ ее

*) Имѣло значеніе также и то обстоятельство, что классы эти, какъ о томъ было извѣстно татарамъ, было рѣшено открывать по системѣ Ильминскаго „извѣстнаго миссіонера“ (См. Труды особаго совѣщанія 1905 г.).

41-ою мусульманскою заповѣдью (всѣхъ заповѣдей у мусульманъ 40). Очень вѣрна одна народная пословица: „Собака червивѣетъ сама съ себя". Что испорчено самими, то очень трудно поддается исправленію" (Юлдузъ" № 1154). „Въ приготовительныхъ школахъ русскій языкъ можетъ быть, по желанію, преподаваемъ или не преподаваемъ, но въ основныхъ классахъ медрессе онъ долженъ быть преподаваемъ и обязательно и усердно, и изученіе русскаго языка должно быть успливаемо съ каждымъ классомъ, такъ чтобы по окончаніи курса медрессе ученикъ легко могъ выдержать „экзаменъ на званіе учителя". („Юлдузъ" № 1004). „Медрессе и послѣ реформы остались въ томъ же жалкомъ положеніи: окончившіе курсъ по прежнему незнакомы съ русскимъ языкомъ". (Фатхуллинъ). „Для культурнаго развитія мусульманъ необходимо, чтобы въ каждомъ татарскомъ селеніи по всѣмъ правиламъ гигіэны долженъ быть устроенъ мектебъ, съ хорошимъ учителемъ на каждые 40 учениковъ, съ обученіемъ на родномъ языкѣ и съ преподаваніемъ языка русскаго" („Баянуль-Хаккъ" № 1255) и др.

Считая необходимымъ обязательное знаніе русскаго языка и преподаваніе его въ школѣ, татары опасаются, что это преподаваніе нанесетъ ущербъ съ одной стороны ихъ вѣроученію, съ другой—литературѣ. Первое, не особенно безпокоя интеллигенцію, сильно тревожитъ простой народъ, второе—обратно. Въ Оренбургѣ мнѣ пришлось посѣтить учебное заведеніе, содержимое Оренбургскимъ обществомъ попеченія объ учащихся мусульманахъ. Оно представляетъ собой интересную попытку соединить задачи конфессіональной и общеобразовательной школы. Вѣроученіе очень ограничено по своему объему: въ 4 классахъ на него отводится всего 13 уроковъ; на русскій языкъ—40 уроковъ, на родной языкъ—21, на ариѳметику—20 и на рисованіе—4. Въ виду того, что въ училищѣ обучаются преимущественно дѣти мусульманской интеллигенціи, сокращеніе числа уроковъ и объема преподаванія вѣроученія никакихъ возраженій не вызываетъ *).

*) *I классъ* (2 ур. въ недѣлю). Первое знакомство съ догматами мусульманской религіи (вѣра въ Бога и Магомета) и заучиваніе нѣсколькихъ молитвъ. *II классъ* (3 урока). Ознакомленіе съ арабскимъ алфавитомъ. Предварительная подготовка къ чтенію Корана. Чтеніе Корана. Заучиваніе молитвъ. Практическое ознакомленіе съ пятивременными молитвами. Основные догматы магометанской религіи. *III классъ* (4 урока). Чтеніе Корана съ практическимъ ознакомленіемъ съ правилами чтенія (теджвидъ), Священная исторія. Ознакомленіе со всѣми обязательными молитвами (намазъ), пѣніе (иляги). IV классъ (4 урока). Исторія Ислама. Чтеніе Корана. Мусульманское нравоученіе и ознакомленіе съ религіозными обрядами.

Это же обстоятельство не дастъ возможности судить, насколько такой типъ школы могъ бы удовлетворить религіозно-образовательнымъ потребностямъ массы мусульманскаго населенія. Имѣя свою довольно значительную литературу, татары не желаютъ отказаться отъ того, чтобы подрастающее поколѣніе изучало ее въ возможно полномъ объемѣ и съ достаточной основательностью. Они усиленно призываютъ родителей учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ озаботиться ознакомленіемъ дѣтей съ родной литературой, для чего родителямъ надлежитъ въ складчину (по пословицѣ: „ил токорсякул була“—(если станетъ плевать весь міръ, образуется озеро) приглашать учителей. Въ послѣднее время казанскіе мусульмане составили программу татарской литературы для предполагаемаго къ открытію въ Казани женскаго средняго учебнаго заведенія съ программой женскихъ гимназій (Фатихи Аитовой) *).

Программа эта такова:

V классъ (4 ур.). Теорія словесности и логика.

VI классъ (3 ур.). Народная словесность. Богатырскія былины абаканскихъ и минусинскихъ татаръ и каракиргизовъ. Историческія поэмы: Идига-бій, Токтамышъ, Нурадинъ. Поэмы, относящіяся къ событіямъ XVI в. Чура, Кулупшакъ, Кубланды, Иръ-Таргынъ, Уракъ. Пословицы, поговорки, загадки. Белты, пѣсни и ихъ виды. Особенности тюркскихъ пѣсенъ.

Письменные памятники. Орханскіе памятники; памятники уйгурскіе въ ихъ буддійскомъ и мусульманскомъ развѣтвленіяхъ. Расцвѣтъ тюркской письменности подъ арабскимъ и персидскимъ вліяніемъ. Ясевій. Хайдеръ. Секкакій. Лутфій. Наваи. Бабуръ. Шейбаній и др.

VII классъ (3 ур.). Новѣйшая тюркская литература. Возрожденіе новой литературы среди русскихъ тюрковъ подъ вліяніемъ османлисовъ и русскихъ. Заслуги Гаспринскаго передъ тюрко-татарской литературой. Маржаній. Насыровъ. Современные татарскіе писатели. Дѣятельность киргизъ-казаковъ. Литература у средне-азіатскихъ тюрковъ. Попытки возстановленія національной тюркской литературы. Изученіе исторіи, этнографіи и народной словесности тюрковъ.

---

*) На вѣроученіе отводится 30 уроковъ (4 + 4 + 4 + 4 + 4 + 5 + 5), на арабскій яз.—III—VI кл. 14 ур. (3 + 4 + 4 + 3). на русскій яз.—40 ур. (6 + 6 + + 5 + 5 + 6 + 6 + 6), на педагогику съ практ. уроками 7, на алгебру—4, геометрію—6, исторію—16, географію—8, естествовѣдѣніе—11, гигіену—2, физику—5, чистописаніе—8, рисованіе—4, рукодѣліе—10, ручной трудъ—3.

Изъ этого видно, что у татаръ есть своя литература, своя сложившаяся подъ сильнымъ вліяніемъ ислама культура: имѣ есть, что читать и изучать въ школахъ на родномъ языкѣ.

Судя по отсутствію всякой переписки по поводу учебниковъ, употребляемыхъ въ конфессіональныхъ школахъ и по спискамъ ихъ, можно предположить, что въ мектебахъ и медрессахъ примѣняются учебныя пособія и книги, изданныя исключительно въ Россіи, и что такимъ образомъ распоряженіе о томъ, чтобы въ школахъ не были употребляемы книги, изданныя за границей, въ большой или меньшей степени исполняется. Распоряженіе это въ свое время вызвало недовольство мусульманскаго населенія, особенно въ примѣненіи къ мектебамъ. Дѣйствительно трудно допустить, чтобы нашелся среди муллъ и мугаллимовъ мектеба такой геніальный человѣкъ, который сумѣлъ бы революціонизировать дѣтей 6—11 лѣтняго возраста путемъ личныхъ бесѣдъ и соотвѣтственныхъ учебныхъ пособій. „На такого человѣка стоило бы посмотрѣть; онъ былъ бы чудомъ своего рода“— говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ администраторовъ края, весьма основательно знакомый съ инородческимъ вопросомъ въ Россіи вообще: „такія неосновательныя распоряженія дискредитируютъ въ глазахъ населенія престижъ русской власти; если нѣкоторыя книги для медрессе выписывались изъ-за границы, то исключительно по той причинѣ, что въ Россіи соотвѣтствующихъ учебниковъ не было“. Мало того, мѣра эта и не достигала цѣли. Въ Галеевской медрессе въ Казани употребляется книга, изданная въ Казани и напечатанная въ 1908 г. въ Казанской типографіи „Миллятъ“. Книга эта—„Ислам-таарихи“ (исторія ислама) принадлежитъ перу турка Махмуда Эсада, составлена въ Турціи и лишь напечатана въ Казани. Духовныя лица вмѣняютъ въ особую вину мусульманамъ, что среди нихъ распространены сочиненія Митхада-паши „Мудафага“ и Рахметуллы эфенди „Радди Насара“, опровергающія христіанство съ мусульманской точки зрѣнія. Едва ли можно это ставить въ особую вину мусульманамъ, такъ какъ они держатъ эти книги для самообороны, для апологіи магометанства отъ нападокъ миссіонеровъ-христіанъ.

Русскія-инородческія школы.

Для доставленія мусульманамъ русскаго образованія въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ существуетъ нѣкоторое количество русско-татарскихъ, русско-башкирскихъ и русско-киргизскихъ училищъ, учебная часть въ коихъ должна

быть организована по Правиламъ 14 іюня 1913 г. Число ихъ съ точностью опредѣлить не представляется возможнымъ. Казанская дирекція народныхъ училищъ считаетъ всѣ инородческія училища организованными по Инструкціи 1875 г. лишь съ *примѣненіемъ* Правилъ 1913 года. Несомнѣнно одно, что число училищъ, организованныхъ по Правиламъ 1913 г. въ Казанскомъ учебномъ округѣ, ничтожно, а въ Оренбургскомъ весьма незначительно. Четырехлѣтній курсъ обученія принятъ въ весьма немногихъ школахъ. Среди населенія школы эти сочувствіемъ не пользуются, главнымъ образомъ, въ виду слабой постановки вѣроученія, роднаго языка, недостатка учителей. „Въ 10 русско-татарскихъ школахъ Мамадышскаго уѣзда", читаемъ мы въ газетѣ „Юлдузъ" (№ 1125): „назначены учителя изъ крещеныхъ татаръ. Хорошо зная татарскій языкъ, они очень старательно обучаютъ дѣтей русскому языку, да и ученики, вслѣдствіе того, что учителя разговариваютъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, не чуждаются ихъ и очень старательно изучаютъ русскій языкъ. Но такъ какъ эти учителя не умѣютъ по-мусульмански ни читать, ни писать они не могутъ научить дѣтей мусульманской грамотѣ. Вслѣдствіе того, что дѣти мусульманъ, обучающіеся въ школахъ, неумѣютъ по-мусульмански ни читать ни писать, у отцовъ ихъ не является и желанія обучать ихъ по-русски. Подобное обстоятельство препятствуетъ прогрессу россійскихъ мусульманъ. Такъ какъ изъ нашей среды учителей нѣтъ, то ослабѣваетъ и желаніе открывать школы". „Въ русско-татарскихъ школахъ для обученія религіи и родному языку времени очень мало. Кромѣ того, въ официальныхъ государственныхъ школахъ обученіе мусульманской религіи необязательно, экзаменъ въ программу не вводится и, если ученикъ не учитъ религіи, то въ классѣ не оставляется. Въ школахъ назначено, сколько нужно проходить въ годъ по русскому языку" („Мектебъ или школа?" Ш. Максудова.) „Русско-татарскія школы, несмотря на сорокалѣтнее свое существованіе, не дали ни одного грамотнаго татарина (способнаго понимать литературу)" (Галій—въ журналѣ „Мектеба"*). На съѣздѣ въ 1912 г. директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ Оренбургскаго учебнаго округа члены съѣзда пришли къ заключенію, что „такое важное дѣло, какъ русское образованіе инородцевъ, поставлено какъ въ отношеніи распространенія между ними русскаго государственнаго языка, такъ

*) Педагогическій журналъ, издававшійся въ Казани и, къ сожалѣнію, прекратившій свое существованіе, выходилъ подъ редакціей Ш. Ахметова два раза въ мѣсяцъ.

и съ точки зрѣнія духовнаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ далеко неудовлетворительно. Русско-инородческія школы, въ большинствѣ случаевъ, не только не даютъ инородцамъ самаго элементарнаго знанія разговорнаго русскаго языка, но многія изъ нихъ даже ведутъ учащихся къ совершенно противоположнымъ цѣлямъ—къ обособленію отъ русскихъ" *). „Русскій языкъ въ русско-башкирскихъ школахъ усваивается настолько плохо, что оканчивающіе курсъ и получающіе свидѣтельства не могутъ вести самаго обыкновеннаго разговора на русскомъ языкѣ и написать хотя бы строчку безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ" **). Необходимо имѣть въ виду, что подъ русско-туземными школами здѣсь разумѣются школы съ 3 лѣтнимъ курсомъ. Для русско-башкирскихъ школъ нѣтъ подготовленныхъ учителей. Окончившіе курсъ въ Казанской татарской учительской школѣ, на Белебеевскихъ педагогическихъ курсахъ, на курсахъ при Уфимскомъ женскомъ башкирскомъ училищѣ разбираются тотчасъ же по окончаніи курса инспекторами и тѣми земствами, которыя даютъ стипендіи. Съѣздъ 1912 г. въ Уфѣ, между прочимъ, постановилъ: „признать необходимымъ введеніе въ русско-инородческія школы 4-годичнаго курса обученія".

Можно представить себѣ, какіе результаты въ отношеніи русскаго языка достигаются школами, если принять во вниманіе, что изъ 19.4 учащихся, приходящихся на одну инородческую школу въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ до выпускныхъ отдѣленій однокласной школы доходило только 6.2, а до выпускныхъ отдѣленій двухкласснаго училища—1!

Въ городѣ Оренбургѣ состоитъ 20 начальныхъ училищъ, учащихся 4202; изъ этого числа—мусульманъ 32. (Населеніе Оренбурга 103.000, изъ нихъ 30.000 мусульманъ). Оренбургское общество попеченія объ учащихся мусульманахъ обратилось къ городскому Управленію съ слѣдующимъ заявленіемъ. „Отсталость мусульманъ принято объяснять косностью, инертностью и даже фанатизмомъ, но если разобрать хорошенько, то не трудно убѣдиться въ ложности этого взгляда. Едва ли найдется въ Оренбургѣ состоятельный мусульманинъ, который бы не училъ своихъ дѣтей русскому языку. Что касается бѣдныхъ, то почти каждый годъ они обращаются къ мусульманскому обществу съ

*) Журналы Съѣзда, стр. 335.

**) По свидѣтельству покойнаго Попечителя Оренбургскаго округа Ѳ. И. Владимірова, ученицы 4 отдѣленія русско-башкирской школы въ Белебеѣ совершенно не говорили по-русски.

просьбой учить ихъ дѣтей въ лѣтнее время русскому языку. Не рѣдки и такіе случаи: на Баиномъ озерѣ и на новыхъ мѣстахъ родители за небольшую плату приглашаютъ на лѣтнее время учителя и обучаютъ дѣтей русскому языку. Кромѣ того, готовящихся въ среднія учебныя заведенія надо считать сотнями, хотя поступающихъ, за неимѣніемъ правильной подготовки, мало. Статистическія данныя городовъ съ мусульманскимъ населеніемъ Уфы, Казани, Баку показываютъ, что мусульмане нисколько не избѣгаютъ русскаго образованія. Словомъ, причина непосѣщаемости училищъ Оренбурга заключается не въ косности, не въ инертности и фанатизмѣ мусульманъ, а въ томъ, что названныя училища приноровлены къ обученію русскихъ дѣтей и для мусульманскихъ дѣтей не пригодны. Непригодность ихъ заключается въ томъ, что въ нихъ не преподается родной языкъ и мусульманское вѣроученіе, два важныхъ фактора воспитанія. Дѣти мусульманъ, незнакомыя съ русскимъ языкомъ, не могутъ итти въ ученіи наравнѣ съ русскими, отстаютъ и теряютъ интересъ къ ученію. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, въ Казани, Уфѣ, Баку, Ташкентѣ открыты особыя училища съ преподаваніемъ родного языка, вѣроученія и съ учителями мусульманами или знающими родной языкъ. Хотя есть и въ Оренбургѣ подобное учрежденіе—русскій классъ при Хусаиновской медрессе (!), но оно не можетъ удовлетворить нужды мусульманъ по слѣдующимъ причинамъ: классъ находится при медрессе, поэтому туда принимаются исключительно воспитанники медрессе, притомъ на 6 году ученія т. е. около 15 л. Да одного класса и мало! вѣдь мусульманскихъ дѣтей школьнаго возраста 12%—3600 человѣкъ!“

Въ заключеніе Правленіе считаетъ необходимымъ заявить, что школы, открываемыя для инородцевъ, бываютъ двухъ типовъ: 1) обыкновенныя приходскія училища съ уроками родного языка и вѣроученія въ опредѣленное время и 2) училища по правиламъ 1 ноября 1907 г. Правленіе не настаиваетъ на открытіи одного какого-нибудь типа школъ, однако предпочитаетъ школы второго типа.

Фактъ подачи подобнаго ходатайства въ 1915 году, при наличности Правилъ 1 ноября 1907 г. и 14 іюня 1913 г. говоритъ самъ за себя и въ комментаріяхъ не нуждается!!

Въ особо печальномъ положеніи находится образованіе среди киргизскаго народа, находящагося нынѣ въ виду сокращенія, подъ вліяніемъ развитія русскаго переселенія въ степи, площади землепользованія, въ состояніи переходномъ отъ кочевого къ

осѣдлому. Этотъ критическій для всякой націи періодъ требуетъ особо внимательнаго со стороны правительства отношенія къ ней: при осѣданіи рѣшатся многіе вопросы, сравнительно мало волнующіе кочевника, но требующіе своего опредѣленнаго разрѣшенія отъ осѣдлаго человѣка: вопросы вѣры, просвѣщенія, общественной организаціи, землеустройства и т. п. Къ сожалѣнію, этого вниманія къ киргизамъ не замѣтно... Для образованія киргизъ, проживающихъ въ Уральской и 4 уѣздахъ (Тургайскомъ, Актюбинскомъ, Кустанайскомъ и Иргизскомъ) Тургайской обл. существуетъ одно профессіональное учебное заведеніе —Уральская школа ремесленныхъ учениковъ *), нѣсколько русско-киргизскихъ школъ, нѣсколько волостныхъ и значительное число аульныхъ школъ (по послѣднимъ даннымъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ было 33 аульныхъ школы, въ Иргизскомъ 35, Кустанайскомъ 27, Тургайскомъ 25, въ Уральской области—29). Эти аульныя школы и составляютъ главное орудіе просвѣщенія киргизъ.

Близкія, по мысли своего основателя В. В. Григорьева, къ простому быту киргизскаго народа **), отличаясь „незатѣйливой, удобоподвижной и дешевой обстановкой", киргизскія школы представляютъ, однако, въ настоящее время анахронизмъ и не удовлетворяютъ элементарнымъ представленіямъ о правильной школѣ даже самихъ киргизъ. Киргизскій аулъ представляетъ собою рядъ хатъ, вытянувшихся линіей въ 20—40 верстъ длины, сложенныхъ изъ дерна и покрытыхъ жердями и камышомъ, присыпаннымъ землею. Стѣны хаты поставлены прямо на землю,

*) Мусульмане при своемъ взглядѣ на школу, какъ на кафедру муллы смотрѣли на всякое профессіональное занятіе въ ней отрицательно, считая его несоотвѣтствующимъ серіозности и важности религіозныхъ учрежденій, какими являются ихъ школы. Въ настоящее время взглядъ этотъ значительно измѣнился. (См. напр. статью Фатиха Сайфи въ №№1364,1367 и 1369 газеты „Юлдузъ"). Что касается Уральской школы ремесленныхъ учениковъ, то послѣдняя существуетъ съ 1 іюля 1896 г., но никакого вліянія на степь не оказываетъ. Киргизы идутъ учиться въ эту школу неохотно и при первой возможности уходятъ изъ нея. Причиной этого является неудовлетворительность постановки дѣла въ школѣ, въ которой много и долго учатъ, но ничему необходимому въ жизни не научаютъ, проходятъ технологію дерева, металла и кожи, проекціонное черченіе и рисованіе, но практическихъ знаній, необходимыхъ для ремесленниковъ, не даютъ. На содержаніе школы тратится огромная сумма (17.000 р. ежегодно).

**) «Чѣмъ проще будутъ школы, чѣмъ онѣ болѣе будутъ походить наружностью на азіатскія, тѣмъ лучше», писалъ по поводу киргизскихъ школъ В. В. Григорьевъ, извѣстный оріенталистъ, занимавшій въ шестидесятыхъ годахъ постъ Предсѣдателя Пограничной комиссіи.

возвышаясь надъ ней на 2½—3 аршина. Хата раздѣлена на двѣ половины: одна съ досчатымъ поломъ—для гостей, другая—для семьи киргиза. Освѣщается нѣсколькими весьма незначительнаго размѣра окнами. Комната для гостей (обычно 5×7 арш.) и отводится для аульной школы. Въ ней обыкновенно помѣщается аульная школа въ теченіе всего періода кочевки, продолжающагося 8 мѣсяцевъ, съ марта мѣсяца и до отхода на зимнія стойбища—до ноября. Вслѣдствіе крайней растянутости ауловъ и вслѣдствіе лѣтнихъ перекочевокъ киргизъ небольшими группами кибитокъ *), аульныя школы при перемѣнномъ составѣ учащихся не могутъ достигать своей цѣли. Являясь школой грамоты при отсутствіи въ аулахъ русской книжки и русской рѣчи, такая школа не можетъ способствовать успѣхамъ русскаго просвѣщенія среди киргизскаго населенія. Общее содержаніе аульной школы въ годъ колебалось одно время отъ 80 до 120 р., при чемъ учителямъ установлено было содержаніе въ 5 руб. въ мѣсяцъ. Учителями въ аульныхъ школахъ являются, поэтому — лица съ весьма ограниченнымъ образовательнымъ цензомъ, окончившіе нерѣдко курсъ лишь въ одноклассныхъ училищахъ. Нерѣдки случаи, что нѣкоторыя аульныя школы по цѣлому году оставались безъ учителя, такъ какъ и изъ лицъ, получившихъ только начальное образованіе, многія учительской дѣятельности предпочитали службу въ качествѣ писарей, прислуги и т. п. Среди учителей двѣ трети—киргизы и одна треть—русскіе. Среди послѣднихъ встрѣчаются даже дѣвушки, знающія киргизскій языкъ. Служба русскихъ среди киргизъ—истинное подвижничество, котораго многіе выносить не въ состояніи. Киргизы же учителя къ дѣлу относятся въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно **); русскіе учителя, знающіе киргизскій языкъ, даже и при плохихъ условіяхъ достигаютъ лучшихъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе даже лучшій изъ оканчивающихъ курсъ аульной школы по-русски говоритъ очень плохо, читаетъ еще хуже, пишетъ въ каллиграфическомъ отношеніи хорошо. Вѣроученіе въ киргизскихъ аульныхъ школахъ совсѣмъ не преподается, религіозное образованіе вы-

*) Въ такихъ случаяхъ школа, со всѣмъ своимъ имуществомъ и нерѣдко и съ учениками перевозится на другое мѣсто въ одной повозкѣ.

**) Учителя-киргизы быстро сживаются съ населеніемъ и предаются почти исключительно писанію «арговъ» (доносовъ). Одинъ учитель, окончившій учительскую школу, настолько отвыкъ отъ русскаго языка, что инспектору пришлось объясняться съ нимъ по-киргизски; допрошенный инспекторомъ долженъ былъ сознаться, что посѣщаетъ свою школу только передъ пріѣздомъ ревизора, являющагося, по условіямъ сообщенія, въ опредѣленное время года.

полняется шакирдами татарскихъ и башкирскихъ медрессе, разъѣзжающими лѣтомъ по киргизскимъ кочевьямъ и зарабатывающими себѣ средства чтеніемъ Корана. Такая постановка дѣла вызвала то, что аульныя школы потеряли всякое значеніе въ глазахъ киргизъ. Въ 1903—1904 годахъ были случаи полнаго отсутствія учащихся въ аульныхъ школахъ, а въ 1905 г. отъ киргизъ поступали въ значительномъ количествѣ, приговоры о нежеланіи ихъ давать средства на содержаніе этихъ „не настоящихъ“ школъ. Попытки дирекціи народныхъ училищъ упорядочить постановку дѣла въ аульныхъ школахъ не всегда встрѣчали поддержку въ Управленіи Округа. Такъ въ 1906 г. Попечитель Оренбургскаго округа былъ крайне недоволенъ, что нѣкоторыя киргизскія аульныя школы были обращены въ начальныя училища, съ жалованьемъ учителю въ 360 р. „Не признавая“, писалъ онъ: „иныхъ задачъ школы, кромѣ механическаго обрусенія отдѣльныхъ единицъ, которыя попадаютъ въ школу, Оренбургскій учебный округъ совершенно извратилъ постановку аульныхъ школъ, назначая въ нихъ учителей на жалованіе въ 360 р.“ Пренебрежительное отношеніе киргизъ къ аульной школѣ вызывается отнюдь не враждебнымъ отношеніемъ киргизъ къ русскому образованію. Сознаніе практической необходимости знанія русскаго языка (особенно подъ вліяніемъ наплыва съ 1904 г. русской колонизаціонной волны) и пользы русскаго образованія настолько велики среди киргизъ, что они не жалѣютъ средствъ на открытіе русскихъ школъ, добровольно облагая себя для этой цѣли нерѣдко значительнымъ кибиточнымъ сборомъ. Киргизскія дѣти достаточно способны, хорошіе математики *), очень любятъ рисованіе, достаточно прилежны и трудолюбивы, и если съ трудомъ усваиваютъ русскій языкъ, то . . . не по своей винѣ. Въ Актюбинскомъ русско-киргизскомъ училищѣ съ интернатомъ на 30 человѣкъ киргизскіе мальчики давали отвѣты, совершенно не уступавшіе отвѣтамъ ихъ русскихъ товарищей.

*) При устномъ счетѣ киргизы быстро и вѣрно дѣлаютъ вычисленія, составленныя изъ 17 отдѣльныхъ заданій трехзначныхъ чиселъ. Въ мусульманскихъ школахъ представляетъ нѣкоторый интересъ практикующаяся въ нихъ особенность при преподаваніи ариѳметики. Вопреки требованіямъ русской методики, мусульмане-учителя проходятъ съ учениками сначала сложеніе въ предѣлахъ до 1000, затѣмъ вычитаніе въ тѣхъ же предѣлахъ и т. д. вмѣсто того, чтобы ознакомить учениковъ съ значеніемъ всѣхъ дѣйствій въ предѣлахъ перваго десятка и только послѣ этого ознакомленія переходить къ дѣйствіямъ надъ числами въ предѣлахъ сотни и т. д. На мой вопросъ, почему учителя такъ поступаютъ, я слышалъ неоднократно отвѣтъ: „Такъ лучше выходитъ“.

Какъ люди, только что ступившіе на порогъ образованія, киргизы очень цѣнятъ внѣшнюю сторону его и внѣшнія выгоды, имъ доставляемыя. Не дорожа аульной школой, какъ не дающей имъ возможности выдвинуться изъ окружающей среды, они дорожатъ волостными и двухклассными училищами, такъ какъ окончаніе курса послѣднихъ можетъ дать киргизу почетъ, которымъ онъ очень дорожитъ; можно стать письмоводителемъ, аульнымъ старшиной и даже писцомъ канцеляріи крестьянскаго начальника. Стать чиновникомъ („тюрэ“)—идеалъ киргиза, надѣть фуражку съ кокардой—завѣтная мечта; ничто такъ не интересуетъ киргиза у пріѣзжающихъ русскихъ чиновниковъ, какъ ихъ петлицы, ордена и другіе знаки отличія; ихъ количествомъ и размѣрами *) они опредѣляютъ служебное положеніе чиновника.

При тѣхъ симпатичныхъ нравственныхъ и умственныхъ качествахъ, которыми отличаются киргизы, они, при правильной постановкѣ среди нихъ образованія, при умѣломъ использованіи ихъ стремленій къ русскому просвѣщенію, могутъ быстро сдѣлаться полезными гражданами русскаго государства. Давая же киргизамъ лишь аульныя школы, нисколько не заботясь о ихъ религіозныхъ потребностяхъ, объ ихъ скудной, но все же дорогой имъ словесности, нельзя надѣяться на благопріятные результаты, нельзя и сѣтовать на „татаризацію“ киргизъ!,.

Пачальныя школы, по крайней мѣрѣ, осмотрѣнныя мною, поставлены лучше, хотя правила о преподаваніи на родномъ языкѣ не соблюдаются. Изданныя Управленіемъ Казанскаго округа „Букуар“ (букварь для киргизъ) и „Первоначальный учебникъ русскаго языка для киргизъ“, составленные въ очень остроумной, простой русской транскрипціи, дающей киргизу возможность безъ всякаго труда перейти къ чтенію русской книги, особаго распространенія въ киргизскихъ школахъ по этой причинѣ не имѣютъ.

Киргизскій языкъ принадлежитъ къ числу самыхъ чистыхъ и самыхъ богатыхъ тюркскихъ нарѣчій. Богатство этого языка сказывается въ произведеніяхъ устнаго народнаго творчества. Языкъ киргизъ, благодаря особенностямъ ихъ патріархальнаго быта, удержалъ въ себѣ формы одного изъ наиболѣе древнихъ тюркскихъ нарѣчій—джагатайскаго. (Образцомъ послѣдняго можетъ служить „Бабер-намэ“, изданная Ильминскимъ и „Абуль-

*) Нѣкоторые русскіе чиновники для поѣздокъ по степи, съ цѣлью возбужденія къ себѣ большаго уваженія, имѣютъ головные уборы съ кокардами и гербами чрезвычайной величины (2 вершка въ діаметрѣ.)

Гази"). Киргизы не имѣли своей письменности и познакомились съ письменностью вообще только вмѣстѣ съ проникновеніемъ къ нимъ ислама. Русское правительство въ свое время способствовало распространенію вліянія ислама на киргизъ. Императрица Екатерина II повелѣла строить въ киргизской степи татарскія мечети и школы и отпечатать на казенный счетъ кораны для раздачи ихъ киргизамъ. Указы эти способствовали насильственному обращенію киргизъ въ мусульманство, противъ котораго они протестовали и еще въ 1830 г. черезъ отправленную въ Петроградъ депутацію просили „мечетей и школъ у нихъ не заводить, ахуновъ и указныхъ муллъ не опредѣлять". Хотя вмѣстѣ съ исламомъ успѣли распространиться и вѣроучительныя мусульманскія книги въ арабской транскрипціи, но все же не въ такой степени, чтобы съ этихъ поръ сдѣлать безнадежной возможность установленія для киргизской письменности русской транскрипціи. Въ 1878 г. факультетъ восточныхъ языковъ призналъ, что 1) арабская азбука, находящаяся нынѣ въ употребленіи у народовъ тюрко-татарскихъ, соотвѣтствуя болѣе или менѣе фонетическому характеру семитическихъ языковъ, менѣе всякой другой пригодна для точной передачи звуковъ въ языкахъ тюрко-татарской семьи, и 2) русская азбука, какъ одна изъ самыхъ богатыхъ между европейскими и азіатскими, несравненно способнѣе для передачи звуковъ, имѣющихся въ тюрко-татарскихъ языкахъ, нежели арабская и потому, естественно, при изданіи какихъ бы то ни было книгъ для означенныхъ инородцевъ на ихъ языкахъ слѣдуетъ ввести русскую азбуку.

Женское образованіе среди мусульманскаго населенія.

Женское образованіе среди мусульманскаго населенія развито довольно слабо въ качественномъ отношеніи, хотя въ количественномъ оно можетъ быть представлено въ довольно значительныхъ цифрахъ, если принять во вниманіе дѣвочекъ, обучающихся въ мектебахъ. Такъ въ конфессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ Оренбургскаго учебнаго округа по собраннымъ администраціей и учебнымъ начальствомъ свѣдѣніямъ обучалось изъ общаго числа 113.724 учащихся, 21.742 дѣвочки. Въ инородческихъ и общихъ школахъ Казанскаго края учащіяся дѣвочки-мусульманки, встрѣчаются въ видѣ исключенія, въ Уфимскомъ же краѣ и въ этомъ отношеніи наблюдается большая разница.

Мѣстные дѣятели, несмотря на недостатокъ средствъ *), употребляли значительныя усилія, чтобы двинуть впередъ образованіе народа. Обученіе дѣвочекъ-мусульманокъ тормозилось требованіемъ шаригата о раздѣльномъ пребываніи того и другого пола, что мѣшало устраивать школы смѣшаннаго типа. Послѣднее обстоятельство и до сего времени служитъ серіознымъ препятствіемъ для развитія женскаго образованія среди казанскихъ татаръ, но несравненно меньшая фанатичная настроенность башкиръ, обитающихъ въ Пріуральскомъ краѣ, много способствовала благопріятному разрѣшенію вопроса о женскомъ образованіи въ этомъ краѣ. Первый опытъ открытія школы для дѣвочекъ-мусульманокъ былъ сдѣланъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи. Белебеевское земство, по ходатайству директора народныхъ училищъ, согласилось открыть на свои средства женскую школу. Чтобы это новшество не вызвало какихъ либо особыхъ подозрѣній религіознаго характера среди магометанъ, директоръ народныхъ училищъ вошелъ въ соглашеніе съ муфтіемъ и просилъ послѣдняго разъяснить мулламъ, что въ открытіи школъ для дѣвочекъ-магометанокъ нѣтъ никакой опасности для религіи. Такъ были открыты женскія школы въ Белебеевскомъ уѣздѣ, затѣмъ Златоустовскомъ, Стерлитамакскомъ—все на земскія средства.

Нельзя не отмѣтить выдающагося значенія земства, какъ такового, въ дѣлѣ развитія образованія среди мусульманскаго населенія.

Въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія среди магометанъ въ смыслѣ увеличенія для нихъ числа школъ и сближенія ихъ на этой почвѣ съ русскимъ населеніемъ лучше всякой спеціальной инспекціи дѣйствуетъ *земство*, въ которомъ въ качествѣ гласныхъ участвуетъ не мало интеллигентныхъ и простыхъ магометанъ, видящихъ изъ дѣлъ земскихъ собраній, что мѣстные инспекторы при ходатайствахъ объ открытіи школъ для магометанъ не задаются никакими миссіонерскими цѣлями, кромѣ образовательныхъ, открыто обсуждаемыхъ на земскихъ собраніяхъ. Передовые мусульмане въ настоящее время мечтаютъ объ отмѣнѣ закона 19 декабря 1888 г., по которому „ . . . право выбора членовъ въ училищные совѣты отъ земствъ и городовъ дается только лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія“. Га-

*) Въ періодъ съ 1887 по 1897 г. никакихъ ассигнованій на русскія школы не было, а на инородческія (русско-башкирскія) отпускалось не болѣе 300—400 р. на губернію.

зета „Юлдузъ“ въ „статьѣ: Училищные совѣты и мусульмане“ (№ 297 отъ 26 декабря 1913 г.), отмѣтивъ увеличеніе числа земскихъ русско-татарскихъ училищъ, говоритъ: „Какихъ мыслей держатся училищные совѣты касательно открытыхъ для насъ училищъ, какія имѣются у нихъ идеи, по какому пути они хотятъ воспитать нашихъ дѣтей, до сихъ поръ не можемъ узнать. Мы не въ силахъ провести свои желанія черезъ училищные совѣты; мы не въ состояніи не только быть тамъ сами, но и ввести даже туда человѣка, который могъ бы говорить тамъ въ нашу пользу или послушать мысли, насъ касающіяся. Пока не измѣнится законъ, запирающій для мусульманъ двери училищныхъ совѣтовъ, до тѣхъ поръ чужіе люди будутъ воспитывать дѣтей нашихъ и мы будемъ въ невѣдѣніи какъ относительно ихъ воспитанія, такъ и направленія, видя лишь результаты воспитанія. Для измѣненія закона нужно изыскать путь чрезъ Государственную Думу. Необходимо, чтобы этотъ вопросъ привлекъ къ себѣ вниманіе мусульманской фракціи“. Этимъ соображеніямъ нельзя отказать въ значительной долѣ основательности. Если мусульманинъ по закону можетъ обучать и воспитывать православныхъ дѣтей, непосредственно вліять на созиданіе міросозерцанія будущаго человѣка, то едва ли есть основаніе не допускать мусульманина въ составъ училищныхъ совѣтовъ, гдѣ значеніе его несравненно менѣе замѣтно, въ воспитаніи имѣетъ гораздо меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ дѣятельность непосредственнаго школьнаго работника.

Въ настоящее время женскихъ школъ въ одной Уфимской дирекціи считается около 30. Контингентъ учительницъ для этихъ школъ данъ былъ дирекціи пріютомъ для дѣвочекъ магометанокъ, открытымъ въ Уфѣ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Для первоначальнаго обученія дѣвочки размѣщены были въ двухъ приходскихъ училищахъ—двухклассномъ Маріинскомъ и одноклассномъ женскомъ.

Питомицы пріюта по окончаніи курса и по выдержаніи экзамена поступали учительницами въ женскія русско-башкирскія училища.

Въ 1907 году башкирскій женскій пріютъ былъ преобразованъ въ двухклассное училище съ шестилѣтнимъ курсомъ, а въ позднѣйшее время (въ 1913 г.) открыты были для магометанокъ трехгодичные курсы при Маріинскомъ училищѣ.—Въ Уфимскомъ русско-башкирскомъ женскомъ училищѣ обучается въ настоящее время 93 дѣвочки. На содержаніе отпускается 6900 р. Преподавательскій персоналъ—русскій, не знающій башкирскаго языка.

Вѣроученіе (6 часовъ въ недѣлю) преподается мугаллимкой, что особенно пріятно мусульманамъ, такъ какъ имъ не нравится преподаваніе дѣвочкамъ вѣроученія муллами, которые не умѣютъ при преподаваніи тактично обходить нѣкоторыя щекотливыя правила шаригата, сообщеніе которыхъ ставитъ дѣвочекъ въ неудобное положеніе передъ преподавателемъ-мужчиной.

Методъ обученія—натуральный, съ помощью значительнаго числа наглядныхъ пособій. Ученицы учатся 6 лѣтъ. Познанія учащихся въ русскомъ языкѣ, исторіи, ариѳметикѣ, усвоенныя въ предыдущихъ классахъ, несмотря на то, что мнѣ пришлось посѣтить школу на второй день по открытіи въ ней учебныхъ занятій, оказались вполнѣ удовлетворительны. Прекрасно поставлено пѣніе. При училищѣ имѣется пансіонъ, содержимый въ должномъ порядкѣ и чистотѣ. Училище пользуется особыми симпатіями общества и особенно татарской интеллигенціи, муллъ и т. п. Помѣщается въ домѣ, принадлежащемъ Соборной мечети и уступленномъ училищу за значительно меньшую арендную плату, чѣмъ предлагали за это помѣщеніе другіе (даже мектебе!).—Другое русско-башкирское училище въ томъ же городѣ, какъ дающее учащимся несравненно меньшія познанія въ русскомъ языкѣ, симпатіями общества не пользуется, хотя учащій персоналъ въ немъ—татарки.

Образованіе женщинъ у киргизъ находится въ зачаточномъ состояніи, хотя киргизская женщина пользуется, по сравненію съ татарской и даже башкирской, гораздо большей свободой (не закрываетъ лица, допускается въ общество мужчинъ и т. п.).

Ученицы-киргизки, обучающіяся въ русскомъ классѣ при мектебе въ Актюбинскѣ (Тургайской области), совсѣмъ не владѣютъ русскимъ языкомъ даже на третьемъ году обученія. Преподаваніе (4 часа въ день) ведется по переводному методу русской учительницей, говорящей по-татарски.

Въ Актюбинскѣ же существуетъ русско-киргизское училище, въ которомъ обучается 127 дѣвочекъ, *но изъ нихъ ни одной киргизки.* При училищѣ существовалъ интернатъ для киргизокъ, переселенный затѣмъ, за отсутствіемъ желающихъ учиться, въ Тургайское женское училище, гдѣ число желающихъ учиться очень велико, равно какъ и при другихъ женскихъ училищахъ, имѣющихъ интернаты (напр., Иргизскомъ). Содержится училище, главнымъ образомъ, на суммы областного земскаго сбора, т. е. на средства преимущественно киргизовъ же (2540 р.); кромѣ того, городъ даетъ 720 р. и 195 р.—государственное казначейство. Причина несочувствія киргизъ Актюбинскому женскому

училищу заключается въ исторіи его открытія: открытіе его состоялось по принужденію, подъ вліяніемъ оставившаго въ киргизскомъ населеніи печальную память, уѣзднаго начальника С., добивавшагося отъ киргизъ исполненія своихъ желаній разнаго рода принудительными мѣрами и, чаще всего, розгами. Ненависть къ С. киргизы перенесли и на созданное имъ Актюбинское училище, объявивъ послѣднему своеобразный бойкотъ. Въ настоящее время киргизы думаютъ хлопотать о возвращеніи интерната изъ Тургая въ Актюбинскъ.

Нельзя не упомянуть также одного явленія, которое приходится наблюдать среди башкиръ: это совмѣстное обученіе дѣвочекъ и мальчиковъ. Въ Каргалинскомъ (Белебеевскаго уѣзда) высшемъ начальномъ училищѣ обучается 40 русскихъ мальчиковъ, 10 русскихъ дѣвочекъ, 22 башкирскихъ мальчика и 12 башкирскихъ дѣвочекъ.

Правда, во многихъ мѣстахъ еще встрѣчаются случаи, подобные имѣвшимъ мѣсто въ Мензелинскомъ уѣздѣ: „Постановка преподаванія въ женскихъ мектебе плоха“—читаемъ въ „Камско-Волжской Рѣчи“, отъ 11 ноября 1912 г.: „дѣло въ томъ, что спеціально подготовленныхъ учительницъ-мусульманокъ очень мало и въ большинствѣ школъ дѣвочекъ обучаютъ жены муллъ. Присутствіе же мужчинъ—учителей въ женскихъ мектебахъ не допускается обычаемъ. На этой почвѣ возникаютъ курьезы. Въ одной школѣ пригласили учить дѣвочекъ слѣпого мужчину, но и его пришлось отгородить отъ учащихся рѣшеткой и ширмой. Въ другой школѣ преподаетъ мулла черезъ трубу, проведенную изъ другого дома“.

Учебныя заведенія для подготовки учительскаго персонала.

Учителя (мугаллимы и мюдаррисы) мусульманскихъ конфессіональныхъ учебныхъ заведеній получаютъ подготовку въ медрессахъ Россіи и лишь немногіе за границей.

Имѣя, прежде всего, задачей служить цѣлямъ религіознымъ, медрессы, даже самыя лучшія, не даютъ своимъ питомцамъ хотя бы даже посредственной педагогической подготовки, и мугаллимы отличаются поэтому нерѣдко прямо удивительной рутинностью и антипедагогичностью образовательныхъ и воспитательныхъ пріемовъ. Передовые мусульмане уже давно сознали неудовлетворительность учительскаго персонала своихъ школъ и необходимость серіозныхъ мѣропріятій въ дѣлѣ его улучшенія. Всѣ мусульманскіе съѣзды (начиная съ III-го съѣзда въ Нижнемъ Новго-

родѣ въ 1906 г.) категорически указывали на необходимость устройства учительскихъ семинарій и педагогическихъ курсовъ. Празднуя въ 1911 г. юбилей своего, нынѣ покойнаго муфтія, они признали необходимымъ открытіе двухъ учительскихъ семинарій, мужской и женской, стали собирать пожертвованія, но дѣло открытія этихъ учебныхъ заведеній затормозилось. Въ 1908 г. мусульманское общество „Таракіумъ Исламъ“ въ дер. Береке, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи просило разрѣшенія открыть у себя 2—3 мѣсячные учительскіе курсы, но разрѣшенія не получило. Послѣ этого Общество вновь возбудило ходатайство о разрѣшеніи ему открыть въ г. Бугульмѣ учительскую школу. На это ходатайство, по истеченіи довольно продолжительнаго времени, имъ былъ полученъ отвѣтъ такого содержанія: „Такъ какъ въ медрессе и мектебе преподается (!) одно вѣроученіе, то для лицъ, преподающихъ въ нихъ, надобности въ учительской школѣ, по программѣ представленной обществомъ „Таракіумъ Исламъ“ *), не встрѣчается; поэтому разрѣшеніе къ открытію ея не можетъ быть дано. Если цѣль общества есть просвѣщеніе, *то пусть оно открываетъ мектебе по закону 1 ноября 1907 г. (!)* съ разрѣшенія инспекторовъ безъ возбужденія ходатайства передъ высшимъ начальствомъ“. „Газета „Вактъ“ по этому поводу пишетъ“: Въ каждой мусульманской деревнѣ существуетъ, по меньшей мѣрѣ, по одному мектебе, а число всѣхъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. А для подготовки учителей и учительницъ нѣтъ ни одной мужской и женской учительской школы. Теперь если Правительство само не будетъ открывать ихъ самимъ мусульманамъ и одновременно будетъ требовать отъ мугаллимовъ свидѣтельствъ на право преподаванія **) въ мектебе, въ случаѣ неимѣнія послѣднихъ, закрывать существующія мектебе, — то, что это будетъ значить, что изъ этого выйдетъ? Мусульмане никогда не будутъ довольны, если закроютъ 5—10 тысячъ мектебе. Если не будутъ разрѣшать учительскія школы, мусульмане принуждены будутъ тайкомъ стараться открывать свои школы. А за это Правительство будетъ ихъ наказывать. Наказать же весь 15—20 милліонный народъ не будетъ удобно и самому Правительству. Не удовлетворить законное желаніе людей, вѣ-

*) Родной языкъ, вѣроученіе, математика, исторія, географія, педагогика и русскій яз. т. е. (говоритъ правленіе Общества) „всѣ науки, знаніе которыхъ въ нынѣшнее время стало необходимо не только мусульманамъ, но и мальчикамъ“.

**) Цирк. распор. Мин. Нар. Просв. отъ 15 марта 1908 г. № 7421, хотя по ст. 1424 т. XI ч. I Св. Зак. экзаменъ при Духовныхъ правленіяхъ производится только лицамъ, избраннымъ приходами въ штатные муллы.

ки и быть непослушными, и тѣмъ оттолкнуть ихъ отъ себя, будетъ ли полезно Правительству? Если бы о такомъ положеніи дѣла знали во Франціи, Англіи, Германіи или другомъ образованномъ государствѣ, т. е. что въ Россіи живутъ 20 милліоновъ мусульманъ и существуетъ около 15 тысячъ мектебе, между тѣмъ какъ для подготовки учителей нѣтъ ни одной мужской и женской учительской школы, а правительство само не открываетъ ихъ и не разрѣшаетъ открывать таковыя самимъ мусульманамъ, то конечно, никто не повѣрилъ бы, что можетъ быть такое положеніе вещей и сказалъ бы, что тутъ находится что-то непонятное". Тѣмъ менѣе, школа открыта не была, и еще и теперь мусульмане мечтаютъ объ открытіи лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, „какіе иногда устраиваются для учащихъ въ русскихъ школахъ" (газета „Кояшъ" № 129).

Свѣтлымъ праздникомъ для мусульманъ было состоявшееся лѣтомъ текущаго года разрѣшеніе на открытіе г-жей Яушевой въ г. Троицкѣ частнаго женскаго средняго учебнаго заведенія для подготовки учительницъ для начальныхъ мусульманскихъ училищъ. Разрѣшеніе дано въ порядкѣ закона 1 іюля 1914 г. *о частныхъ* учебныхъ заведеніяхъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ дано разрѣшеніе крестьянину Вильданову (Максютову) на открытіе въ г. Троицкѣ въ порядкѣ того же закона частнаго мужского средняго учебнаго заведенія „Вазыфа" („обязанность") для подготовки учителей. Въ этихъ училищахъ курсъ 6-лѣтній. Окончившіе курсъ пріобрѣтутъ свѣдѣнія по русскому языку въ объемѣ 4 класснаго высшаго начальнаго училища. Въ женскомъ училищѣ преподаются, кромѣ духовныхъ предметовъ, татарскій и арабскій языки, ариѳметика, алгебра, геометрія, географія, естествовѣдѣніе, наука о членахъ (анатомія), философія, химія, исторія (всеобщая, татарская и русская), педагогика, ремесла (рукодѣліе), рисованіе, чистописаніе, домашнее хозяйство.

Извѣстіе о состоявшемся разрѣшеніи на открытіе этихъ школъ встрѣчено было мусульманскимъ обществомъ и прессой весьма восторженно „Наконецъ то", пишетъ газета „Юлдузъ" (№ 1452 отъ 14 іюля 1915 г.) появилось у татаръ правильно организованное женское училище для подготовки учительницъ, котораго ждали съ нетерпѣніемъ нѣсколько лѣтъ!.. Мы желаемъ ему отъ всего сердца полнаго успѣха"! Въ настоящее время г-жей Аитовой возбужденъ вопросъ объ открытіи въ Казани *частнаго* средняго женскаго учебнаго заведенія съ педагогическимъ классомъ, по программѣ женскихъ гимназій, также по

закону 1 іюля 1914 г. Насколько мнѣ извѣстно, препятствій къ его открытію не встрѣтится.

Для подготовки учителей въ русско-туземныя училища существуютъ слѣдующія учебныя заведенія:

1. Татарская учительская школа въ Казани. Школа учреждена въ 1876 г. стараніями Попечителя Округа П. Д. Шестакова и бывшаго инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ В. В. Радлова съ цѣлью приготовленія учителей русскаго языка въ начальныя татарскія училища. Открыта школа „на Кабанѣ", въ части города, населенной татарами. Къ открытію школы татары отнеслись крайне враждебно, заподозривъ основателей ея въ преслѣдованіи тѣхъ же миссіонерскихъ цѣлей, какія имѣлъ въ виду работавшій въ то время въ области инородческаго образованія Ильминскій. Татары пытались даже разгромить ее. Съ теченіемъ времени враждебное отношеніе сглаживалось, рѣзко вспыхивая иногда при имѣвшихъ мѣсто случаяхъ принятія воспитанниками христіанства (такихъ случаевъ было за время существованія школы 6). Казанскіе татары сохранили къ школѣ недружелюбное отношеніе и до сего времени. Первый татаринъ изъ Казани поступилъ въ школу лишь въ 1888 г., т. е. спустя 12 лѣтъ по ея открытіи *). И теперь школа пополняется, главнымъ образомъ, иногородними. Никто изъ казанскихъ купцовъ татаръ не желаетъ принять на себя званіе почетнаго попечителя школы. Первымъ инспекторомъ школы былъ татаринъ (Ахмеровъ). Въ настоящее время въ школѣ обучается въ 88 человѣкъ. Во главѣ ея стоитъ бывшій преподаватель математики въ Казанской 2-ой гимназіи Горнъ. Инспектора въ школѣ мѣняются очень часто; за 6 лѣтъ смѣнилось 6 инспекторовъ: Горнъ, Брюхановъ, Зеленецкій, Горячкинъ, Потяевъ, Крестниковъ. Часто мѣняется и преподавательскій персоналъ. Эти обстоятельства сильно препятствуютъ установленію въ школѣ надлежащей опредѣленности во всѣхъ отношеніяхъ. Опредѣленной программы нѣтъ. Все дѣлается „по примѣру прошлыхъ лѣтъ", смутно извѣстному часто мѣняющимся преподавателямъ. Желающихъ поступить въ школу много: обыкновенно къ конкурсному экзамену являлось 120—130 человѣкъ; въ настоящемъ году явилось 60, что объясняется установленіемъ для поступающихъ максимальнаго пріемнаго возрастнаго ценза (17 л.),

*) Это былъ Хасановъ, впослѣдствіи членъ 2-ой Государственной Думы. Былъ помѣщенъ въ школу по побужденіямъ, имѣющимъ мало общаго съ ея просвѣтительными задачами.

тогда какъ прежде возрасть не служилъ препятствіемъ къ поступленію и на ряду съ 15 лѣтними обучались 30—40 лѣтніе воспитанники. При школѣ имѣется начальное училище съ 4 отдѣленіями и 2 учителями, изъ которыхъ одинъ русскій. Въ школѣ весь преподавательскій персоналъ-русскій, за исключеніемъ двухъ: вѣроучителя и учителя рисованія *). На преподаваніе вѣроученія отводится всего во всѣхъ классахъ 9 уроковъ въ недѣлю. Вѣроученіе изучается по книгамъ: „Мухтасаръ“ (I кл.) „Гакантъ“ (II), „Гайнуль-гильмъ“ (III) и „Фараизъ“ (IV). Ученики, по единогласному свидѣтельству всѣхъ преподавателей, къ обязанностямъ своимъ относятся съ выдающейся добросовѣстностью и исполнительностью. По-русски говорятъ довольно удовлетворительно, несмотря на то, что окружающая ихъ обстановка и бытовыя условія, въ которыхъ имъ приходится жить, мало содѣйствуютъ успѣхамъ среди нихъ русскаго просвѣщенія и культуры. Познанія учениковъ IV класса (14 чел.) слабы. Учитель русскаго языка, относящійся къ татарамъ съ казанской подозрительностью и сторонникъ обрусительной политики quand-même, началъ свое преподаваніе въ текущемъ году въ III классѣ съ диктанта, матеріаломъ для котораго избралъ извѣстный отрывокъ изъ сочиненія Ушинскаго о „*родномъ* языкѣ“! Онъ же на урокѣ въ III кл. взялъ для объясненія стихотвореніе Майкова: „Поэзія“, совершенно недоступное пониманію учащихся („Поэзія вѣнецъ познанья, надъ зломъ и страстью торжество; тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье; въ ней Божество. Ея сіяніе святое разъ ощутить, навѣкъ забыть все мимолетное, земное, лишь ею жить! Одно лишь сознавать блаженство, что въ духъ твой глубже все идетъ, и полнота, и совершенство ея красотъ“!) Это трудное по своему содержанію и глубинѣ философской идеи стихотвореніе не могло, конечно, быть по силамъ учениковъ, особенно такихъ, изъ которыхъ многіе не ясно представляютъ себѣ, что такое „вѣнецъ“ и т. п. Этотъ выборъ стихотворенія тѣмъ болѣе страненъ, что въ бесѣдѣ со мной о преподаваніи русскаго языка онъ же указывалъ, что однажды лишь во время подготовки учениковъ къ спектаклю, онъ убѣдился, какъ плохо понимаютъ ученики смыслъ того, что передаютъ удовлетворительно въ вербальномъ отношеніи.

Окончившіе курсъ школы поступаютъ учителями въ мусульманскія и русско-туземныя школы всего Поволжья и При-

*) Тѣмъ не менѣе въ школѣ нѣтъ занятій по пятницамъ и идутъ уроки въ воскресные дни, хотя въ Положеніи о школѣ и сказано, что ученье производится во всѣ дни, кромѣ воскресныхъ дней и мусульманскихъ праздниковъ.

уралья и оказываются достаточно подготовленными въ методическомъ отношеніи, но попадая въ некультурную среду или быстро, въ большинствѣ случаевъ, засасываются послѣдней и утрачиваютъ ту идейность, которая въ школѣ рисовалась имъ въ перспективѣ ихъ общественной дѣятельности или погибаютъ въ непосильной борьбѣ, лишній разъ доказывая, какъ трудно инородцу успѣшно работать въ средѣ своихъ соплеменниковъ. Въ татарской литературѣ есть нѣсколько произведеній, рисующихъ тяжелое положеніе татарской молодежи и тѣ невзгоды, которыя ей приходится переживать среди фанатическихъ сторонниковъ старины. Таково напр. небольшое произведеніе „Мугаллимъ“ („Учитель“), романъ Ибрагимова: „Яш юрякляр“ („Молодыя сердца“) и др.

Нѣкоторые учителя, окончившіе курсъ въ Казанской татарской школѣ, разсказали и мнѣ много фактовъ, свидѣтельствующихъ о тяжести ихъ просвѣтительной миссіи среди соплеменниковъ, о массѣ непріятностей, которыя приходится имъ переживать, прежде чѣмъ добиться даже ничтожныхъ результатовъ.

Существованіе Казанской татарской учительской школы было непріятно не однимъ казанскимъ татарамъ. Оно было непріятно, какъ самому Ильминскому, о чемъ много уже было сказано выше, такъ и въ особенности продолжателямъ его дѣла или вѣрнѣе лицамъ, которыя считали себя таковыми. Въ 1900 г. П. А. Бобровниковъ, не будучи въ состояніи примириться съ тѣмъ, что у татаръ есть, хотя и одна, но все же особая (для одного племени) учительская школа, представилъ въ 1900 г. Министру Народнаго Просвѣщенія, Ванновскому, записку о ненормальностяхъ положенія Казанской учительской школы, представляющей собой якобы сочетаніе казеннаго учрежденія и магометанской конфессіональности, и предлагалъ преобразовать ее въ учительскую семинарію обычнаго типа. Попечитель Казанскаго округа, на заключеніе котораго былъ посланъ этотъ проектъ г. Бобровникова, высказался по поводу его отрицательно, справедливо отмѣтивъ какъ неправильность утвержденія автора проекта о якобы конфессіональномъ характерѣ школы (всего 9 уроковъ вѣроученія), такъ и постепенный ростъ школы и ея заслуги въ дѣлѣ насажденія русскаго просвѣщенія среди мусульманъ. Хотя по многимъ соображеніямъ является болѣе предпочтительнымъ въ интересахъ самихъ же инородцевъ учрежденіе для нихъ семинарій не одноплеменныхъ, но смѣшанныхъ съ русскимъ элементомъ, однако реформировать въ этомъ смыслѣ Казанскую татарскую учительскую школу, по моему мнѣнію, не

слѣдовало бы, такъ какъ, обратившись въ семинарію обычнаго типа, школа утратитъ свои характерныя особенности, а съ ними вмѣстѣ и то вліяніе, которое она такъ или иначе оказываетъ на мусульманское населеніе, способствуя распространенію въ немъ русскаго просвѣщенія, хотя, быть можетъ, и съ нѣсколько націоналистической окраской. Кромѣ того, реформа школы не встрѣтитъ сочувствія въ мусульманскомъ обществѣ, которое стремится къ увеличенію числа своихъ учительскихъ школъ.

Утвержденіе, что оканчивающіе курсъ учителя поступаютъ чаще всего въ приказчики и занимаются въ редакціяхъ разнаго рода газетъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

2. Оренбургская киргизская учительская школа въ г. Оренбургѣ. Школа существуетъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 10 ноября 1880 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта. Открыта была первоначально въ Орскѣ 3 февраля 1883 г. Послѣ пожара, уничтожившаго зданіе школы въ 1889 г., была переведена въ Оренбургъ, 1 іюня 1890 г., гдѣ заняла помѣщеніе бывшей въ Оренбургѣ татарской учительской школы, въ то время закрытой въ виду предосудительнаго поведенія учащихся „за вредное направленіе“ *). За время своего существованія школа выпустила 276 учителей **). Во главѣ школы находится въ настоящее время Бардинъ, окончившій курсъ Духовной Академіи въ 1913 году. Учащихся —69, изъ нихъ киргизъ—27. Въ начальномъ училищѣ обучается 10 киргизъ (въ текущемъ году училище не функціонируетъ по обстоятельствамъ военнаго времени). Русскіе воспитанники школы изучаютъ обязательно киргизскій языкъ, но особыхъ успѣховъ въ немъ, въ большинствѣ своемъ не проявляютъ въ виду ограниченности времени, отводимаго на его изученіе. Преподавательскій персоналъ держится довольно прочно: въ настоящее время онъ состоитъ изъ 2 лицъ съ университетскимъ образованіемъ и 3 окончившихъ курсъ учительскаго института. Вѣроученіе преподаетъ мулла-киргизъ. Русскимъ языкомъ воспитанники киргизы владѣютъ слабо, несмотря на трудолюбіе. Особенно сильны въ математикѣ, очень любятъ рисованіе, рисуютъ даже портреты, хотя по шаріату не разрѣшается изображеніе того, что является созданіемъ Бога, а не рукъ человѣка. Преподавательскій персоналъ для учебнаго заведенія, имѣющаго

*) Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось установить, въ чемъ выразилось „вредное направленіе“ столь сильно наказанной школы.

**) Въ 1886 г. -10, 87—5, 88—5, 89—0, 90—2, 91—9, 92—4, 93—4, 94—6, 95—7, 96—7, 97—7, 98—7, 99—8, 900—19, 01—11, 02—7, 03—10, 04—10, 05—10, 06—12, 07—15, 08—20, 09—11, 10—11, 11—9, 12—14, 13—14, 14—13, 15—9.

нѣлью подготовку учителей, нельзя признать по качеству его вполнѣ удовлетворительнымъ: не чувствуется умѣнья приспособляться къ силамъ учениковъ, надлежащимъ образомъ „отбирать“ матеріалъ и давать имъ своими уроками образцовые примѣры методически правильнаго веденія дѣла.

Если къ этимъ двумъ школамъ прибавить нѣкоторое, довольно въ общемъ незначительное, число, учащихся мусульманъ въ общихъ семинаріяхъ и на курсахъ при высшихъ начальныхъ и двухклассныхъ училищахъ, то и будутъ исчерпаны всѣ тѣ способы, при помощи которыхъ учебная администрація удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ школой на подготовленныхъ учителей. Нельзя не признать, что способовъ этихъ далеко недостаточно и что сѣтованія мусульманъ на недостатокъ учителей, получившихъ болѣе или менѣе сносную подготовку къ педагогической дѣятельности, вполнѣ справедливы и требуютъ особаго къ себѣ вниманія со стороны правительства.

Вопросъ о „татаризаціи“ инородцевъ въ Приволжскомъ и Пріуральскомъ краѣ.

„Татаризація“ Поволжья и Пріуралья, поглощеніе мелкихъ тюркскихъ и угро-финскихъ народностей татарами въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія являлись тѣмъ стимуломъ, который заставлялъ правительство особенно внимательно относиться ко всѣмъ вопросамъ, такъ или иначе связаннымъ съ устройствомъ культурнаго быта инородцевъ Казанскаго и Уфимскаго края. Это опасеніе „татаризаціи“ чувствовалось во всѣхъ мѣропріятіяхъ правительственной власти въ отношеніи восточныхъ инородцевъ, чутко прислушивавшейся къ тѣмъ „caveant consules“, которые, не всегда безъ излишне преувеличеннаго тона, раздавались съ Востока. Въ 1908 году одинъ изъ выдающихся дѣятелей въ области инородческаго образованія, преосвященный Андрей, нынѣ епископъ Уфимскій, а въ то время Мамадышскій, входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія по поводу татаризаціи съ особой запиской съ весьма характернымъ и выразительнымъ заглавіемъ: „О мѣрахъ къ охраненію Казанскаго края отъ *постепеннаго завоеванія его татарами*“. По его мнѣнію, завоеваніе татарами-магометанами всего Казанскаго и Прикамскаго края происходитъ тихо, мирно, постепенно, но твердо и неуклонно. Епископъ Андрей объяснялъ это обстоятельство историческими причинами въ развитіи жизни приволжскихъ татаръ и историческими ошибками русскаго правительства въ

отношеніи мѣстнаго русскаго и вообще православнаго населенія. Указавъ, на основаніи отзыва Гаспринскаго, значеніе татарской религіозной общины, сохраняющей религіозное одушевленіе ислама, воспитывающей патріотизмъ магометанскихъ школьниковъ, дающей этимъ патріотамъ религіозное освѣщеніе всей ихъ жизни, епископъ Андрей справедливо отмѣчаетъ, что въ русскихъ школахъ, наоборотъ, о патріотизмѣ говорятъ мало, о сознательномъ религіозномъ воспитаніи нѣтъ вовсе рѣчи,„ о приходской общинѣ мы только начинаемъ говорить и то съ величайшимъ неудовольствіемъ". При такомъ положеніи дѣла всякій чернорабочій татаринъ горитъ религіознымъ одушевленіемъ и является всюду, гдѣ можно религіозно-политическимъ пропагаторомъ.

Наличность процесса татаризаціи инородцевъ усматривалась, главнымъ образомъ, въ массовыхъ отпаденіяхъ „новокрещеныхъ" въ концѣ 60-хъ годовъ и въ 1905—6 годахъ, а также и въ слѣдующихъ фактахъ:

1. Многіе оставшіеся до сего времени въ язычествѣ черемисы и вотяки мало-по-малу переходятъ въ магометанство *).

2. Совершенно отатарились башкиры и близки къ полной татаризаціи киргизы.

3. Въ Казанской губ., небольшой народецъ мордовскаго племени, носящій названіе „Каратаи", настолько подвергся татаризаціи, что совершенно утратилъ свой языкъ и говоритъ по-татарски.

По отзыву компетентныхъ лицъ, у мусульманъ существуетъ организованная пропаганда ислама, существованіе которой они всячески отрицаютъ. Ахунъ Баязитовъ клятвенно увѣрялъ, что миссіонерская пропаганда ислама не только не существуетъ въ Россіи, но даже и въ Турціи нельзя найти какого-либо организованнаго устройства подобной миссіи. Это же утверждалъ и

---

*) „Издавна началось и доселѣ неудержимо продолжается", писалъ Ильминскій К. П. Побѣдоносцеву: „постепенное поглощеніе всѣхъ приволжскихъ инородцевъ, не только язычниковъ, но и крещеныхъ магометанствомъ и татарствомъ. Нѣкогда сильное племя мещера давно претворилось въ татаръ-магометанъ, сохранивши только одно свое племенное названіе м и ш а р ь. Въ составѣ нынѣшняго магометанско-татарскаго населенія Казанской губерніи есть значительная несомнѣнная примѣсь чувашъ, черемисъ и вотяковъ. И теперь на нашихъ глазахъ цѣлыми деревнями отпадаютъ въ магометанство не только язычники но и крещеные черемисы, вотяки и чуваши... Это неотразимый процессъ, въ родѣ гангрены, который, если не поставить ему преграды, можетъ окончиться въ какіе-нибудь 50—100 лѣтъ окончательнымъ переходомъ всѣхъ нашихъ инородческихъ племенъ въ татаръ-магометанъ. И будетъ Магометъ всяческая во всѣхъ!".

членъ Государственной Думы Еникеевъ. Кромѣ того, для распространенія ислама татары пользуются всѣми средствами. Къ ихъ услугамъ обширная мусульманская литература, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примѣняемая для пропаганды магометанскихъ идей и вѣрованій среди инородцевъ. Татарскія газеты очень охотно удѣляютъ мѣсто сообщеніямъ о переходѣ въ мусульманство различныхъ инородцевъ и русскихъ. Тенденціозные подсчеты числа мусульманъ въ разныхъ странахъ и отпавшихъ отъ православія, часто сильно преувеличенные, съ явнымъ желаніемъ показать успѣхъ распространенія ислама въ разныхъ странахъ, также очень часто встрѣчаются въ газетахъ *).

Татарскія изданія печатаются арабской транскрипціей; арабскій языкъ и арабскія письмена считаются у магометанъ священными, поэтому печатаніе татарскихъ книгъ русскимъ алфавитомъ они считаютъ грѣхомъ, что видно, между прочимъ, изъ тѣхъ волненій, которыя возникли среди мусульманъ по поводу Правилъ объ инородческихъ школахъ 1906 г. и именно вопроса о параллельной транскрипціи. Въ послѣднее время татары стали печатать книги для крещеныхъ татаръ и въ русской транскрипціи. Въ 1906 г. вышла брошюра „Исламъ дени“ **), изданная на средства казанскаго хазрета Галимдзяна Галеева. Книга представляетъ собой изложеніе вѣроученія ислама для „братьевъ, силой изъ ислама выведенныхъ“. „Сродникамъ нашимъ“, говорится въ воззваніи къ этой книгѣ: „не дали дороги жить въ исламѣ: силой гнали въ церковь, силой ставили въ ихъ домахъ иконы, силой заставляли праздновать Пасху; въ праздникъ красныхъ яицъ попы силой входили въ ихъ дома. Если про кого-нибудь изъ нихъ, соблюдающихъ вѣроученіе ислама, скажутъ попу, попъ ихъ запиралъ въ тюрьму, нѣкоторые же попы брали съ нихъ за это деньги. Во время прихода поповъ, боясь навлечь бѣду, хоть для показа ставили иконы, но какъ только попы выйдутъ изъ двери, иконныя доски бросали подъ нары. Этихъ сродниковъ нашихъ Богъ несомнѣнно введетъ всѣхъ въ рай; передъ Богомъ они будутъ въ нѣсколько разъ лучше насъ“.

Въ Волжско-камскомъ районѣ на помощь татарамъ-мусульманамъ въ дѣлѣ распространенія ислама среди крещеныхъ татаръ,

---

*) Свящ. Багинъ. О пропагандѣ ислама путемъ печати. Казань. 1909.

**) Справедливость требуетъ отмѣтить, что книга „Исланъ дени единственная. Мнѣ удалось видѣть эту книгу; оказалось, что она напечатана не въ транскрипціи, составленной Ильминскимъ для крещеныхъ татаръ, въ которой печатаются всѣ книги для нихъ, но въ особой транскрипціи, очевидно изобрѣтенной составителемъ.

по сообщенію проф. Машанова *), выступаетъ на первый взглядъ довольно незначительное явленіе, именно *портняжество*. Въ деревняхъ татары-мусульмане сами рѣдко занимаются портняжнымъ ремесломъ **), это дѣло исполняютъ крещеные татары. Портные изъ крещеныхъ татаръ обыкновенно каждую зиму отправляются для занятій своимъ ремесломъ по деревнямъ. Проживъ значительное время среди мусульманъ, портные возвращаются уже настоящими мусульманами.—Сильнымъ средствомъ для распространенія ислама являются также деревенскіе базары, на которые съѣзжается много крещеныхъ инородцевъ, магометанъ и отступниковъ, и татары, вообще склонные къ прозелитизму, пользуются этимъ скопленіемъ своихъ враговъ для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, расположить ихъ къ исламу. Эти же цѣли преслѣдуютъ и мелкіе торговцы татары, разъѣзжающіе по деревнямъ инородцевъ. Этому же способствуютъ и постоялые дворы ***), гдѣ часто останавливаются на ночлегъ разные инородцы совмѣстно съ татарами и др.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній съ полной несомнѣнностью можно вывести только одно заключеніе, что въ Приволжскомъ и Приуральскомъ краѣ происходитъ процессъ татаризаціи мелкихъ инородческихъ племенъ, начало котораго относится еще къ первымъ временамъ появленія татаръ въ Поволжьѣ. Однако, приписывать успѣшный ходъ этого процесса исключительно активнымъ, сознательнымъ усиліямъ татарской пропаганды и игнорировать другія условія, благопріятствовавшія успѣхамъ этого процесса, условія, лежавшія внѣ воли мусульманъ—представляется мнѣ пріемомъ совершенно неправильнымъ. Мнѣ кажется даже, что въ ходѣ татаризаціи главную роль сыграли вовсе не сознательныя усилія татарской пропаганды, а именно эти другія обстоятельства, другія условія, отъ воли татаръ независящія. Къ числу условій послѣдней категоріи я считаю необходимымъ отнести слѣдующія. Немаловажную роль въ успѣхахъ процесса сыграла и продолжаетъ играть бо́льшая близость восточныхъ инородцевъ и по укладу жизни, и по языку, и по міросозерцанію къ татарско-мусульманскому элементу, чѣмъ къ русскому. Инородцевъ, соприкасавшихся съ татарами, сильнѣе тянуло къ

*) „Современное состояніе татаръ мухаммеданъ и ихъ отношеніе къ другимъ инородцамъ". Казань. 1910.

**) Въ Уфѣ и Оренбургѣ мнѣ говорили, что дѣло происходитъ наоборотъ: мусульмане портняжничаютъ въ селахъ крещеныхъ татаръ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи татары селенія Саврушева.

***) Проф. Машановъ. Тамъ же.

нимъ, чѣмъ къ русскимъ. Кромѣ того, мусульманская религія по простотѣ своей доктрины, которую, оставаясь правовѣрнымъ мусульманиномъ, можно свести къ одной обрядовой сторонѣ, выполненіе которой считается достаточнымъ для того, чтобы получить мѣсто въ раю, была понятнѣе и доступнѣе младенческому уму инородца, чѣмъ христіанская, представляемая ему притомъ на непонятномъ языкѣ *).

Немаловажнымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ успѣхамъ татаризаціи, являлась также большая свобода отъ всякихъ формальностей и обрядовъ, которыя человѣкъ долженъ исполнять, будучи членомъ христіанской церкви **). Не безъ вліянія оказались и тѣ матеріальныя представленія о мусульманскомъ раѣ, которыя давали инородцамъ въ своихъ бесѣдахъ съ ними татары ***). Способствовала успѣхамъ татаризаціи и экономическая зависимость инородцевъ отъ татаръ (такое явленіе замѣчается на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ хозяевами являются, въ большинствѣ случаевъ, татары, а робочими инородцы, а также среди черемисъ Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, гдѣ вотчинниками являются башкиры, а арендаторами – черемисы).

Главнымъ доказательствомъ успѣховъ татарской пропаганды обыкновенно считаются болѣе или менѣе многочисленные случаи отпаденія изъ христіанства въ исламъ, или, какъ говорятъ въ Казанскомъ краѣ, „уходъ въ татары“. Лично мнѣ кажется, что и въ этомъ отношеніи меньше всего повинна татарская сознательная пропаганда и что главной причиной отпаденія является крайняя слабость крещеныхъ инородцевъ въ истинахъ христіанства, которыхъ они сами усвоить и понять не могли и помощи въ этомъ отъ кого слѣдуетъ не получили. „Народъ“, говоритъ епископъ Никаноръ: „не любитъ своей вѣры, а не любитъ ея потому, что не знаетъ ея (ignoti nulla cupido!), а не знаетъ потому, что его не учатъ истинамъ вѣры. Въ дѣлѣ религіознаго про-

*) Когда чуваши впервые услышали богослуженіе на родномъ языкѣ и узнали, о чемъ они молятся, то были несказанно удивлены: имъ раньше говорили, что ихъ заставляютъ ходить въ церковь для того, что бы молиться исключительно за русскихъ.

**) Одинъ татаринъ, бывшій христіанинъ, затѣмъ вновь вернувшійся въ исламъ, говорилъ мнѣ: „христіанином быть дорого стоитъ, да и мулла больше понимаетъ наши нужды, чѣмъ вашъ попъ“.

***) Такъ чувашамъ татары говорятъ, что въ раю будетъ кислое молоко, творогъ съ масломъ, чиртанъ (копченое мясо), блины (йусманъ), яйца, медъ, пиво, вино и проч.; каждому будетъ дано по нѣскольку красивыхъ женъ, каждый чувашъ будетъ спать на пышныхъ пуховыхъ перинахъ съ 12 подушками, и т. д.

свѣщенія православный русскій народъ отсталъ отъ католиковъ, лютеранъ, евреевъ, мусульманъ и даже раскольниковъ—старообрядцевъ; въ каждой „вѣрѣ“ дѣтей учатъ грамотѣ, молитвамъ, первоначальнымъ истинамъ вѣры, и это дѣлаетъ духовенство,—въ одной православной вѣрѣ можно жить и умереть вовсе не изучая и не зная своей вѣры *).

„Православное духовенство“, говоритъ епископъ Андрей: „обособившееся въ касту, не имѣетъ ни силы одушевленія для проповѣди, ни даже маленькаго интереса къ активной дѣятельности“. До чего слабо развиты у инородцевъ-христіанъ христіанскія понятія, до какой степени они слабы въ христіанской вѣрѣ, показываетъ разсказъ одного изъ священниковъ о чувашской исповѣди **), весьма характерный для инородцевъ-христіанъ и не заключающій въ себѣ, какъ меня увѣряли лица, близко знакомыя съ дѣломъ, никакихъ преувеличеній. „Чувашинъ рѣдко зоветъ къ себѣ священника для исповѣди и, если дѣлаетъ это, то единственно изъ страха передъ отвѣтственностью: „Кабы становой не скрычалъ! Становой вить аяй!“ По приглашенію входитъ священникъ со Св. Дарами въ избу, всегда грязную и немытую; видитъ: больной сидитъ на нарахъ съ трубкой въ зубахъ. На замѣчаніе священника, сейчасъ же прячетъ трубку за себя. „Ну что, другъ, желаешь причащаться?“—„Жалаимъ, пачка, жалаимъ. Али тенька (деньги) возьми... да и ступай своя изба!... При этомъ старается сунуть въ руку священника пятакъ или гривну мѣди.—Передъ исповѣдью необходимо затеплить свѣчку передъ иконой. Свѣчи нѣтъ.—Гдѣ же свѣчка?—„Чортъ ему знатъ, въ пятницу тутъ былъ; робята видно тащилъ!“—Священникъ видитъ икону, старую съ выцвѣтшимъ и облѣзшимъ изображеніемъ. Лика на ней не видно—одна доска. „Что ты не пріобрѣтешь новой иконы, вѣдь она стоитъ не болѣе 30 копеекъ“.—„Такъ правда, пачика, богъ тешева“.—„Ты взгляни: на ней и лика нѣтъ“.— „Такъ, такъ, пачика, богъ дрянь наша: стара сталъ, толкъ сво мала; мѣнять станимъ; эта бросаемъ; што дрянь тержать, али моя 30 коп. нѣтъ?“.—„Умѣешь ли перекреститься?—„Умѣимъ, умѣимъ!“ -„Перекрестись!“ Чувашинъ начинаетъ креститься, запутывается и кое-какъ доводитъ дѣло до конца. „Есть ли крестъ на тебѣ?“—„Есть, али я татаръ?“—„Знаешь ли какую-нибудь молитву?“—„Снаимъ. Тор сирлах, тор амбрах (Господи помилуй!

*) Этимъ объясняется, что далекая отъ исламизаціи почти совершенно обрусѣвшая мордва чуть не поголовно ушла въ сектанство или расколъ.

**) Петръ Сухаревъ. Искреннее покаяніе чурашское во грѣхахъ. (Зап. Оренб. отд. И. Р. Г. О. вып. I У. стр. 90—97).

Господи не оставь!) На вопросъ, не воровалъ ли чего (имѣются въ виду обычные у чувашъ случаи воровства соломы съ чужого поля, рѣпы съ огорода и т. п.), чувашинъ искренно удивляется: „Ай, ай! какъ знаишь? Хто тебѣ калякалъ?“ „Не укралъ ли чего-нибудь въ церкви?—„Што ты, што ты, пачика! Туракъ штоли ты? Умъ твоя кдѣ? Я 20 годъ церква та не булъ; булъ коли женилъ, и то пьяна булъ!“—Въ этомъ же духѣ идетъ и вся дальнѣйшая исповѣдь, при чемъ чувашинъ откровенно сознается, что онъ завидовалъ вещамъ другого и охотно присвоилъ бы ихъ, если бы не боялся попасться урядннку; въ свое оправданіе, что ѣлъ въ постъ скоромное, указываетъ на примѣръ станового, который дѣлаетъ то же самое и т. д.

Таковъ уровень христіанской настроенности инородцевъ, съ которыми приходится соприкасаться мусульманамъ. Въ виду этого объяснять отпаденіе въ исламъ инородцевъ—христіанъ усиліями татарской пропаганды, казалось бы мнѣ, значило слишкомъ преувеличивать ея значеніе. Особо сильное отпаденіе въ исламъ совершалось въ періоды либеральныхъ вѣяній въ управленіи. Такъ было въ „эпоху великихъ реформъ“, такъ было и въ 1905-1906 г.г.; на эти годы приходится наибольшее число случаевъ отпаденія (на время послѣ изданія манифеста 17 октября 1905 г. приходится болѣе 30.000 отпаденій). Къ этимъ статистическимъ свѣдѣніямъ необходимо, однако, относиться съ большой осторожностью, такъ какъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, такихъ массовыхъ отпаденій вовсе не было, а показаны отпавшими въ эти годы всѣ отпавшіе раньше, которые давно уже перестали фактически быть христіанами, даже забыли свои христіанскія имена; священники показывали ихъ въ церковныхъ вѣдомостяхъ христіанами лишь изъ страха запросовъ консисторіи и связанной съ этими запросами канцелярской волокиты и возможной отвѣтственности. Либеральныя вѣянія эпохи 60-хъ годовъ и эпохи Манифеста 17 октября 1905 г. давали священникамъ смѣлость болѣе или менѣе безбоязненно показать сразу истинную цифру отпавшихъ въ исламъ, другими словами произвести простую бухгалтерскую операцію или, какъ выразился одинъ изъ священниковъ, „сразу исключить изъ матеріальныхъ описей имущество, пришедшее въ негодность въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ“.

Процессъ татаризаціи несомнѣнно существуетъ, хотя, по общему мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, въ послѣднія 10 лѣтъ онъ въ значительной мѣрѣ утратилъ свою силу. Успѣхомъ своимъ процессъ этотъ обязанъ не активности татаръ-мусульманъ, а

тому, что культура мусульманская оказалась для инородцевъ доступнѣе и милѣе культуры русской. Очевидно, мы, русскіе, не сумѣли на Востокѣ стать образцомъ для нашихъ инородцевъ и дали возможность торжества культурѣ мусульманской. Поэтому, и главнымъ, а на мой взглядъ и единственнымъ средствомъ борьбы съ татаризаціей инородцевъ Поволжья и Прикамья является „поднятіе культурнаго уровня коренного русскаго населенія". Когда мы сами станемъ культурнѣе, когда наша школа, наши учрежденія будутъ служить образцомъ для инородцевъ, исчезнутъ сами собой всякіе вопросы о татаризаціи, чувашизаціи и т. п. нашихъ инородцевъ. Инородцы охотно пойдутъ за нами, какъ они уже это и доказали въ переживаемое нами время, особенно если мы дадимъ имъ ясное доказательство, что мы искренно заботимся о нихъ ради ихъ пользы, памятуя, что „польза Россіи, ея честь и слава приложатся къ тому сами собой".

Что касается, въ частности, фактовъ отатариванія башкиръ и киргизъ, то при оцѣнкѣ ихъ необходимо имѣть въ виду, что татаризація башкиръ произошла въ весьма отдаленныя времена. Языкъ башкирскій менѣе отличается отъ татарскаго, чѣмъ русскіе говоры нѣкоторыхъ губерній другъ отъ друга; своей литературы и письменности башкиры не имѣютъ; арабскій алфавитъ приняли вмѣстѣ съ исламомъ, который распространился среди нихъ раньше, чѣмъ среди татаръ *).

Что касается народа Караталевъ, численностью всего въ 1200 человѣкъ, то онъ подвергся татаризаціи уже давно, такъ какъ изстари находился въ зависимости отъ казанскихъ царей.

Большинству киргизскаго народа и до сего времени чуждо мусульманство, и вся усиленная татаризація не дала еще результатовъ. Киргизы въ настоящее время переживаютъ періодъ исканій, который ведетъ ихъ къ переходу къ болѣе высокому религіозному культу. „Мусульманство", пишетъ извѣстный киргизскій дѣятель—оріенталистъ Чоканъ Валихановъ **): „пока не въѣлось въ нашу плоть и кровь; оно грозитъ намъ разъединеніемъ народа въ будущемъ. Между киргизами есть много

*) Продолжительность процесса татаризаціи башкиръ ясно видна изъ того, что башкиры—финское племя—обратились въ тюркское, что могло совершиться только въ теченіе значительнаго промежутка времени. Вопросъ же о времени принятія башкирами ислама разрѣшается найденнымъ въ Башкиріи памятникомъ на могилѣ Хасанъ-Билюка. Памятникъ поставленъ въ 1227 г. Слѣдовательно, въ это время башкиры были уже мусульманами.

**) Записки И. Р. Г. О. т. XXIX.

такихъ, которые не знаютъ и имени Магомета и наши шаманы во многихъ мѣстахъ еще не утратили своего значенія. Вообще киргизскому народу предстоитъ гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизаціи не иначе, какъ пройдя черезъ татарскій періодъ... Мы должны во что бы то ни стало обойти этотъ періодъ, *и правительство должно намъ въ этомъ помочь.* Для совершенія этого человѣколюбиваго дѣла надо учредить вмѣсто татарскихъ школъ русскія". Къ этому нельзя не прибавить, что киргизы въ своихъ имущественныхъ и иныхъ отношеніяхъ до сихъ поръ слѣдуютъ адату, а не шаріату и всецѣло чтутъ завѣщанный хадисами принципъ подчиненія царствующему въ странѣ Государю и уваженія къ поставленнымъ имъ властямъ.

Въ заключеніе позволю себѣ резюмировать данныя, изложенныя въ этой первой части моего доклада, а также изложить мѣры, которыя, по моему мнѣнію, можно было бы принять для улучшенія постановки образованія среди мусульманъ Приволжскаго и Пріуральскаго края безъ всякой опасности для интересовъ русской государственности.

1. Нужды образованія мусульманскаго населенія Приволжскаго и Пріуральскаго края *) весьма слабо удовлетворяются конфессіональными школами, въ виду особаго исключительно религіознаго характера ихъ, и русско-туземными училищами вслѣдствіе весьма ограниченнаго числа ихъ, недовѣрія къ нимъ, сложившагося среди мусульманскаго населенія, особенно Казанской губерніи, историческимъ путемъ и неудовлетворительной постановки въ нихъ вѣроученія и роднаго языка благодаря недостатку подготовленныхъ преподавателей, къ увеличенію числа которыхъ настоятельныхъ мѣръ не принимается.

2. Обвиненіе мусульманъ въ сепаратистскихъ и націоналистическихъ тенденціяхъ и желаніи провести эти тенденціи черезъ школу въ весьма значительной мѣрѣ преувеличены и такъ же мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности, какъ обвиненія, предъявляемыя со стороны мусульманъ къ русскимъ дѣятелямъ, въ желаніи всяческими мѣрами и особенно путемъ школы обращать мусульманъ въ христіанство.

---

*) Въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа по переписи 1897 г. состояло 1.247.593 татаръ, 258.663 киргизъ, 126.623 башкиръ и тептярей; въ губерніяхъ Оренбургскаго учебнаго округа—350.000 татаръ, 876.048 киргизъ и 1.304.315 башкиръ и тептярей; всего мусульманскаго населенія по переписи 1897 г. было въ указанныхъ учебныхъ округахъ 4.163.242 человѣка. Въ настоящее время общее число мусульманскаго населенія Казанскаго и Пріуральскаго края можно считать равнымъ приблизительно 6.000.000 душъ.

3. Развивающееся въ конфессіональныхъ школахъ *новометодное* направленіе, проникшее теперь, если не въ большинство, то во всякомъ случаѣ въ наиболѣе вліятельныя изъ нихъ, ничего противогосударственнаго или антиправительственнаго въ себѣ не заключаетъ и является лишь движеніемъ, имѣющимъ цѣлью усовершенствованіе педагогической техники съ одной стороны, съ другой— нѣкоторую секуляризацію школы. Новометодныя школы больше приблизятъ мусульманъ къ европейской, а слѣдовательно и русской культурѣ, чѣмъ школы старометодныя. Поэтому борьба съ новометоднымъ движеніемъ является со стороны русской администраціи ошибкой.

4. Новометодныя мектебе имѣютъ будущность, хотя развитіе ихъ сильно затрудняется усиліями старозавѣтныхъ муллъ и ахуновъ. Будучи болѣе или менѣе обезпечены матеріально, какъ содержащіяся на средства прихода, онѣ будутъ существовать и при развитіи начальной школы другихъ типовъ, оставаясь школами съ преобладающимъ религіознымъ характеромъ, подобно церковно-приходскимъ школамъ, существующимъ наряду съ земскими и министерскими начальными училищами. Что касается новометодныхъ медрессе, то успѣшное развитіе ихъ будетъ всегда встрѣчать серіозныя препятствія въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ существуютъ онѣ почти исключительно на частныя пожертвованія, на увеличеніе притока которыхъ надѣяться основаній нѣтъ.

5. Дѣло религіозно-національнаго образованія мусульманъ организовано весьма прочно; между тѣмъ, нѣтъ возможности найти лицъ, отвѣтственныхъ за порядокъ и направленіе образованія, къ которымъ можно было бы предъявить административныя и педагогическія требованія, такъ какъ при существующемъ положеніи дѣла инспекторъ народныхъ училищъ рискуетъ всегда встрѣтить отказъ въ исполненіи предъявляемыхъ имъ требованій, подкрѣпляемый ссылкой на законъ *).

*) На требованіе Инспектора нар. уч. муллы отвѣчаютъ, что они, какъ должностныя лица, подчинены Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а не ему (и это вѣрно); какъ учителя они также не считаютъ себя подчиненными инспектору, такъ какъ, по ихъ словамъ, они учатъ религіи, которая признается закономъ терпимой и обученіе ей мусульманскаго юношества дозволительно и инспектора, какъ представители другой религіи, не могутъ вмѣшиваться въ религіозные вопросы. Какъ можетъ инспекторъ провѣрить, всѣ ли ученики медрессе посѣщаютъ русскіе классы, разъ нѣтъ списка учениковъ и вести эти списки муаллимы не обязаны? Какъ предъявить какія-либо требованія къ мектебе, когда мулла заявляетъ, что это лишь мѣсто бесѣды, а не организованная школа?

6. Неустойчивость руководящихъ началъ въ правительственной политикѣ въ отношеніи мусульманской конфессіональной школы, объясняемая различіемъ во взглядахъ на взаимоотношенія мусульманскаго и русскаго населенія и на задачи русской государственности лицъ, являвшихся руководителями или проводниками этой политики, не могла способствовать установленію должнаго порядка и довѣрія къ твердости правительственной власти. Краснорѣчивымъ примѣромъ такой неустойчивости можетъ служить вопросъ объ установленіи правительственнаго надзора за конфессіональными школами, который въ теченіе 45 лѣтняго періода не пришелъ еще къ какому-либо опредѣленному разрѣшенію

7. Правительственный надзоръ за мусульманскими школами въ настоящемъ его видѣ долженъ быть признанъ фиктивнымъ хотя и номинальное существованіе его способствуетъ обостренію отношеній между властью и мусульманскимъ населеніемъ и заставляетъ послѣднее увеличивать силу своей принципіальной сопротивляемости мѣрамъ правительства.

8. „Было бы грубой ошибкой требовать, чтобы мусульманство, оставивъ завѣты, ведущіе ихъ къ замкнутости и косности, вступило какими-нибудь оффиціальными мѣрами на путь мірового прогресса Если случится нѣчто подобное, то его слѣдуетъ ожидать—и то не въ скоромъ времени—только отъ камертона со стороны передовыхъ людей мусульманства, особенно если бы таковыми оказались, сверхъ чаянія, вѣрослужители, получившіе свое образованіе въ европейски организованныхъ училищахъ“ *).

9. Учрежденіе русскихъ классовъ при медрессе было со стороны власти ошибкой: не давъ никакихъ сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ въ смыслѣ лучшаго усвоенія мусульманами русскаго языка и русской культуры, мѣра эта, насильственно проводимая, лишь усилила вѣками сложившееся недовѣріе мусульманскаго населенія къ мѣропріятіямъ правительственной власти.

10. Отношеніе общественныхъ организацій къ мусульманскому образованію, въ общемъ, весьма сочувственное, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, въ составъ которыхъ входятъ мусульмане, различается только взглядомъ на средства пріобщенія мусульманъ къ русской культурѣ: одни считаютъ необходимымъ провести русскую культуру въ среду мусульманства якобы наиболѣе быстро достигающимъ своей цѣли способомъ—сдѣлавъ орудіемъ преподаванія исключительно русскій языкъ, другіе—исходя изъ

*) Вл. Череванскій. Записка по дѣламъ вѣры мусульманъ—суннитовъ.

педагогическихъ соображеній, считаютъ необходимымъ итти къ той же цѣли инымъ путемъ—черезъ посредство роднаго языка населенія. Первый взглядъ часто даетъ себя чувствовать въ мѣропріятіяхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ Казанской и Симбирской губерніи, второй—въ Уфимскомъ краѣ. Кунгурское магометанское общество просило о включеніи конфессіональныхъ школъ въ сѣть, но городъ отказалъ, мотивируя тѣмъ, что дѣти могутъ учиться въ русскихъ училищахъ. Десяти мектебамъ Екатеринбурскаго уѣзда, гдѣ обученіе ведется по новому методу, выдается уѣзднымъ земствомъ пособіе въ 30—45 р. на школу. Въ нѣкоторыхъ мектебахъ того же уѣзда хальфамъ выдается помѣсячно опредѣленное вознагражденіе. Учащіе г. Перми и Екатеринбурга получаютъ содержаніе изъ средствъ Пермскаго благотворительнаго мусульманскаго общества и отъ торговой фирмы Агафуровыхъ. Уфимское дамское благотворительное мусульманское общество платитъ жалованіе мугаллимамъ въ 6 женскихъ мектебахъ (1544 р. въ годъ). Мензелинское земство оказываетъ пособіе конфессіональнымъ школамъ въ 14700 р. ежегодно. Уфимское и Оренбургское земства весьма много заботятся объ упорядоченіи школьнаго дѣла среди мусульманъ, а также объ установленіи внѣшкольнаго образованія путемъ открытія библіотекъ. Помимо того, многія городскія и земскія управленія приходятъ на помощь конфессіональнымъ школамъ путемъ выдачи пособій на пріобрѣтеніе учебниковъ. Много занимается вопросомъ объ установленіи надлежащаго соотношенія общеобразовательныхъ школъ съ конфессіональными Златоустовское уѣздное земство.

11. Нѣкоторыя административныя лица стоятъ за строгое отграниченіе общеобразовательныхъ школъ отъ конфессіональныхъ по характеру преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы общеобразовательныя школы, даже содержимыя мусульманами, находились въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія на общихъ основаніяхъ, а конфессіональныя—въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Такое разграниченіе школъ представляется неосуществимымъ по причинамъ, изложеннымъ выше.

12. Русско-туземныхъ школъ — мало; развиваются очень медленно, несмотря на безспорно неудержимое тяготѣніе мусульманъ къ знанію русскаго языка (хотя по побужденіямъ почти исключительно практическаго характера).

13. Дѣятельность педагогической администраціи въ предѣлахъ Казанскаго края по причинамъ, не всегда отъ нея за-

висящимъ, не была ярко освѣщена сознаніемъ необходимости принести пользу мусульманству. Обнаруживалось больше склонности къ мѣрамъ репрессивнаго, чѣмъ положительнаго характера. Въ ряду администраторовъ были лица, много повредившія своимъ образомъ дѣйствій успѣху государственнаго дѣла въ краѣ. Были инспектора народныхъ училищъ, въ родѣ Г-на, который во всемъ, что дѣлали мусульмане, старался усмотрѣть противоправительственное направленіе и донести объ этомъ по начальству, совершенно смѣшивая свои функціи съ функціями другихъ органовъ власти, спеціально назначаемыхъ для той цѣли, которую Г. считалъ, повидимому, главной въ дѣятельности инспектора народныхъ училищъ. Инспекторъ народныхъ училищъ Р-овъ (изъ мусульманъ) дискредитировалъ русскую власть въ глазахъ мусульманъ рядомъ неблаговидныхъ поступковъ. Недовѣріе мусульманъ къ представителямъ правительственной власти было таково, что одинъ мулла грозилъ собственноручно зарѣзать одного изъ Попечителей, извѣстнаго какъ разъ наиболѣе, повидимому, внимательнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ нуждамъ мусульманскаго образованія. Предстоящій въ Казани въ недалекомъ будущемъ судебный процессъ учителя Казанской учительской семинаріи Л. обвиняемаго въ составленіи подметныхъ писемъ, грозитъ вскрыть такія стороны жизни семинаріи, обнаруженіе которыхъ едва ли въ интересахъ педагогическихъ дѣятелей края.

Переходя затѣмъ къ мѣрамъ, какія необходимо, по моему разумѣнію, принять въ цѣляхъ упорядоченія постановки учебнаго дѣла среди мусульманъ Казанскаго и Уфимскаго края, считаю нужнымъ отмѣтить, что при выработкѣ ихъ я руководствовался, какъ данными, полученными мною во время командировочной поѣздки моей, такъ и тѣми особенностями постановки школьнаго дѣла среди инородцевъ, которыя уже давно существуютъ на Кавказѣ, не причиняя никакого вреда и нисколько не угрожая интересамъ русской государственности.

Самымъ серіознымъ вопросомъ является вопросъ о конфессіональныхъ школахъ-мектебахъ и медрессахъ. Въ виду смѣшенія въ нихъ вѣроисповѣднаго характера съ общеобразовательнымъ, веденія преподаванія въ нихъ исключительно на родномъ языкѣ—какъ надлежитъ поступить съ ними? Можно ли допустить—чтобы въ государствѣ существовали школы, гдѣ бы преподаваніе шло не на государственномъ языкѣ и гдѣ государственный языкъ даже могъ бы и не быть предметомъ изученія? Или необходимо всѣ ихъ реформировать сообразно съ требованіями, предъявляемыми къ государственной школѣ вообще?

Конечно, существованіе въ государствѣ такого рода школъ является аномаліей, но въ данномъ случаѣ аномалія эта сложилась историческимъ путемъ при очевидно снисходительномъ отношеніи къ себѣ со стороны русской власти, и потому устраненіе ея требуетъ величайшей осторожности и строгой постепенности. Необходимо создать такія условія или дать развиться такимъ теченіямъ, которыя повлекли бы за собой самопроизвольное уничтоженіе этой аномаліи. Это будетъ не скоро, но всякое насильственное ускореніе процесса не ускоритъ его, а лишь замедлитъ. Нельзя при этомъ не вспомнить одной изъ относящихся къ аналогичному дѣлу резолюціи гр. Блудова: „Дай Богъ, чтобы мы еще разъ не навлекли на себя упрека въ томъ, что не умѣемъ ждать терпѣливо отдаленныхъ результатовъ“. Но ждать спокойно можно тогда, когда есть увѣренность, что существуютъ условія, способствующія развитію этого процесса, результатовъ котораго мы ожидаемъ. Въ данномъ случаѣ, въ существованіи этихъ условій нѣтъ никакого сомнѣнія. Сама жизнь, обладающая несравненно болѣе дѣйствительной принудительной силой, чѣмъ всякія предписанія и распоряженія, повелительно требуетъ отъ мусульманъ знанія русскаго языка и пріобщенія къ русской культурѣ, превосходство которой надъ культурами инородцевъ Востока не подлежитъ никакому сомнѣнію, даже съ точки зрѣнія самихъ инородцевъ. Нельзя при этомъ не учесть преувеличенности взгляда на школу, какъ на распространительницу знанія русскаго языка. Въ этомъ отношеніи школа безсильна тамъ, гдѣ другія условія не создали благопріятной къ тому почвы. Какъ и въ развитіи организма, такъ и въ данномъ случаѣ функція создаетъ органъ, а не обратно. Не могу не привести по этому поводу словъ проф. Ламанскаго*): „У насъ много толкуютъ и пишутъ о распространеніи русскаго языка между инородцами. Всякій языкъ распространяется внѣ предѣловъ природной своей территоріи разными способами и путями. Чѣмъ богаче народъ своей образованностью, чѣмъ выше и разнообразнѣе его литература, тѣмъ охотнѣе иноплеменные народы изучаютъ его языкъ. Пути сообщенія, связи экономическія, помимо даже школъ, много помогаютъ распространенію языка господствующаго въ государствѣ народа. Далѣе школа, особенно *средняя и высшая*, окончательно утверждаетъ значеніе этого языка между инородцами образованными. Но низшая, первоначальная школа тамъ, гдѣ инородцы живутъ въ глуши и захолустьяхъ, далекихъ отъ боль-

*) „Три міра“, стр. 121—122

ишихъ дорогъ и отъ всякихъ русскихъ поселеній, тамъ, понятно, эта школа никогда не можетъ распространить и утвердить знаніе русскаго языка между инородцами. Что узнаютъ въ 2—3 года въ теченіе шестимѣсячнаго хожденія въ школу, то скоро затѣмъ и забудутъ; научить говорить на чужомъ языкѣ такая школа никогда не сможетъ. Воротясь домой, дѣти, конечно, будутъ говорить съ отцомъ, въ семьѣ у себя, на улицѣ съ ребятами, только на родномъ языкѣ. Оно понятно, иначе и быть не можетъ и жалѣть о томъ нечего. Нѣкоторые *спеціалисты* говорятъ, что для того надо назначать въ инородческія школы русскихъ учителей, ничего не знающихъ по-туземному. Это заблужденіе, и прибавимъ, большое непониманіе задачи школы, даже великій грѣхъ. Что священникъ, что народный учитель одинаково должны внушать къ себѣ довѣріе и любовь, должны быть связаны съ населеніемъ духовно и единствомъ рѣчи. Первоначальная школа всегда и вездѣ должна прежде всего дать начатки человѣческаго и гражданскаго просвѣщенія. Если ей вмѣнить въ первѣйшую обязанность ученіе русскому языку, то все школьное время пройдетъ для ребенка совершенно безплодно; чему его учили, онъ скоро забудетъ и не узнаетъ ничего, что должна дать первоначальная школа". Я уже выше говорилъ объ отношеніи мусульманъ къ знанію русскаго языка и имѣлъ случай указать, какъ дорого становится имъ это знаніе. Проведеніе новыхъ дорогъ, устройство пароходныхъ сообщеній, учрежденіе земства, суда присяжныхъ, развитіе торговыхъ и промышленныхъ сношеній и т. д. и т. д. все острѣе и острѣе даютъ мусульманину чувствовать всю невыгоду отъ незнанія русскаго языка, незнанія, не позволяющаго ему воспользоваться всѣми благами новой развертывающейся передъ нимъ жизни. Если мусульмане на Уфимскомъ съѣздѣ 1911 года признали желательнымъ веденіе обученія въ начальной школѣ въ теченіе всего курса на родномъ языкѣ, то виной тому слабые результаты, даваемые начальной школой, вообще, настолько слабые, что ученикъ, оканчивающій курсъ, выходитъ безъ знанія и родного и русскаго языка. Это обстоятельство заставляло ихъ отвергать главнѣйшій доводъ въ пользу русскаго языка для дальнѣйшаго образованія. „Въ интересахъ поднятія уровня массы, мы готовы принести въ жертву интересы этихъ немногочисленныхъ „одиночекъ", которые будутъ стремиться къ дальнѣйшему образованію и которые найдутъ для себя путь пробиться". Сознаніе необходимости изученія русскаго языка проникаетъ и въ мектебе. Доказательствомъ этому служитъ программа мектебе, одобренная Уфимскимъ Губернскимъ Зем-

скимъ собраніемъ, составленная завѣдывающимъ учебной частью земства башкиромъ Бикчантѣевымъ. Программа эта такова *):

ПРОГРАММА

4-хъ годичной мусульманской начальной школы-мектебе.

Предметы: 1. Вѣроученіе 2. Родной языкъ
3. Ариѳметика 4. Исторія
5. Географія 6. Русскій языкъ
7. Пѣніе (иляги) 8. Правила гигіэны и
9. Природовѣдѣніе

1. Вѣроученіе: Коранъ, тяджвидь, ильмихалъ, ахлякъ священная исторія и исторія Ислама.

2. Родной языкъ: чтеніе, письмо, диктовка и изложеніе на родномъ языкѣ.

3. Ариѳметика: счетъ, нумерація, 4 дѣйствія, именованныя числа, правила ариѳметики и понятіе о дроби.

4. Исторія Россіи и народа.

5. Географія: термины географіи, Россійская и общая географія вкратцѣ.

6. Русскій языкъ: Чтеніе, письмо, разговоръ, диктовка и изложеніе по-русскому языку.

7. Пѣніе: пѣніе стиховъ религіозно-нравственнаго характера по мотивамъ, достойнымъ мектебскаго духа.

8. Гигіена: правила гимнастики и гигіэны, относящіяся къ правильному росту дѣтей.

9. Природовѣдѣніе: растенія, животныя и сельскохозяйственныя знанія.

Примѣчаніе: Урокъ рисованія, хотя по педагогикѣ самый важный и нужный предметъ, но онъ между мусульманами, считается спорнымъ вопросомъ, а потому и не внесенъ въ программу.

Вѣроученіе (4 урока въ недѣлю).

а) **Коранъ**.

На второй годъ обученія, сначала познакомивъ дѣтей съ знаками надстрочными, подстрочными и т. п., встрѣчающимися при чтеніи Корана, нужно начать чтеніе Корана. При чтеніи главнымъ

*) Привожу ее безъ всякихъ измѣненій.

образомъ нужно обратить вниманіе на правильное произношеніе буквъ и, по возможности, согласовать съ требованіями тяджвидя и тѣмъ дать возможность для практическаго усваиванія его.

На третій годъ правильное чтеніе Корана, съ соблюденіемъ правилъ тяджвидя.

На четвертый годъ чтеніе Корана безошибочно, примѣняя всѣ правила тяджвидя и заучиваніе нѣкоторыхъ стиховъ изъ Корана.

б) **Тяджвидъ.**

Въ концѣ 2-го года будутъ сообщаться легкія правила тяджвидя, какъ—ихфа, изгаръ, идгамъ.

На 3-мъ году весь курсъ тяджвидя.

На 4-мъ году умѣть правильно примѣнять правила тяджвидя при чтеніи Корана.

в) **Альмихалъ** (начальныя познанія правилъ и догматовъ вѣры).

На 1-мъ году обученія, путемъ сужденія, наводить на извѣстную мысль, что Богъ долженъ существовать, что есть посланники Бога и учить слова: „Тявхидъ и Шагадатъ“ со значеніями.

На 2-й годъ ознакомленіе съ основными догматами Магометанской религіи (Иманъ-Тяфсыли) и обучать форму—„Тагарята, Намаза“ и заучиваніе молитвъ.

3-й годъ. Прохожденіе всѣхъ необходимыхъ правилъ и постановленій вѣры, относящихся къ ежедневнымъ пяти-кратнымъ Намазамъ, молитвамъ, уразѣ, закятѣ и хотжу.

4-й годъ. Преподаваніе шаріатныхъ книгъ, въ коихъ изложены Ямнь, Никахъ, Талакъ, Касебъ, Садака и вообще вся суть вѣры.

д) **Ахлякъ** (этика).

3-й и 4-й г. г. Права и обязанность человѣка предъ родителями, учителемъ, товарищами, правила отношенія съ людьми и изреченія Магомета объ этикѣ.

е) **Тарихъ-Мукаддасъ** (священная исторія).

2-й годъ. Біографія Магомета, вкратцѣ.

3-й годъ. Исторія извѣстныхъ пророковъ и четырехъ первыхъ Халифовъ.

4-й годъ. Начало Ислама, распространеніе его. Халифы—Амавія, Габбасія и принятіе Ислама татарами.

ж) **Иляги** (пѣніе).

1-й и 4-й годъ. Салаватъ и стихи религіозно-нравственнаго характера.

Родной языкъ (6 уроковъ въ недѣлю).

1-й годъ Звуковое упражненіе, прохожденіе азбуки и чтеніе книги легкаго содержанія и разсказъ статеекъ.

2-й годъ. Быстрое и отчетливое чтеніе, пересказъ прочитаннаго, передавать краткое содержаніе статеекъ, правильная остановка въ знакахъ препинанія и измѣнять лица.

3-й годъ. Выразительное чтеніе, заучиваніе стихотвореній, этимологическая часть грамматики, составленіе плановъ, озаглавленіе статеекъ.

Примѣчаніе: Въ книгахъ для 3-го и 4-го отд. должны встрѣчаться иностранныя слова, входящія въ литературный инородческій языкъ.

4-й годъ. Свободное чтеніе и пониманіе всѣхъ книгъ на инородческомъ языкѣ, различать логическое удареніе отъ грамматическихъ и синтаксическая часть грамматики, и ознакомленіе съ рифмами стиховъ.

Письмо.

Обученіе письму начинается совмѣстно при прохожденіи алфавита. Пріемы, элементы письма, дальше списываніе пройденныхъ буквъ, словъ, предложеній и списываніе цѣлыхъ статеекъ.

Каллиграфія должна изучаться до конца 3-го отдѣленія, а орѳографія до 4-го отдѣленія.

Изложеніе.

Изложеніе начнется съ половины перваго года, сначала отвѣты на вопросы, краткія предложенія, короткія статейки, дальше составленіе статейки по даннымъ планамъ и образцамъ повѣствовательнаго, опредѣлительнаго, сравнительнаго характера, письмо и дѣловыя бумаги.

Ариѳметика (4 урока въ недѣлю).

1-й годъ. Счетъ и письмо до 100, четыре дѣйствія въ предѣлахъ 20, устныя и письменныя задачи въ предѣлахъ 20.

2-й годъ. Четыре дѣйствія въ предѣлахъ 100, именованныя числа, скобки, счетъ и рѣшеніе устныхъ и письменныхъ задачъ.

3-й годъ. Рѣшеніе устныхъ и письменныхъ задачъ въ предѣлахъ 1000, счетъ, именованныя числа и типичныя задачи.

4-й годъ. Четыре дѣйствія и рѣшеніе легкихъ задачъ въ любой величинѣ, именованныя числа, квадратныя и кубическія мѣры, трехугольные и четырехугольные и т. п. участки земли превратить въ десятины, ознакомленіе съ десятичными и простыми дробями.

Примѣчаніе: Желательно, чтобы всѣ задачи были жизненныя.

Исторія (одинъ урокъ въ недѣлю).

3-й годъ. Исторія болгаръ. Чингизъ-Ханъ. Исторія Россійскихъ инородцевъ, совмѣстно съ исторіей Россіи.

Географія (одинъ урокъ въ недѣлю).

2 й годъ. Планъ, масштабъ, классъ, дворъ, поле, окрестность города и т. п., элементарныя свѣдѣнія, необходимыя для географіи.

3-й годъ. Термины географіи, долгота и широта, географія Россіи.

4-й годъ. Всеобщая географія вкратцѣ.

Русскій языкъ (10 уроковъ въ недѣлю).

1-й годъ. Съ половины 1-го года по 3 раза въ недѣлю. Ознакомленіе со словами, составленіе краткихъ предложеній и разговорный урокъ.

2-й годъ. Подготовительныя звуковыя упражненія, прохожденіе алфавита, чтеніе букваря, 1-й книги и списываніе съ и диктовка.

3-й годъ. Свободное безошибочное чтеніе, правильность въ удареніяхъ, пересказъ статеекъ безъ запинанія, письмо безъ грубыхъ ошибокъ, форма адреса, прошеній, расписокъ, дѣловыхъ бумагъ, списываніе съ рукописи и разборъ ея.

Разговорный урокъ долженъ вестись въ каждомъ году.

Гигіэна (одинъ урокъ въ недѣлю).

3-й годъ. Правила гигіэны, скорой помощи, прилипчивыя болѣзни, правила гимнастики и дѣтскихъ игръ.

Природовѣдѣніе (2 урока въ недѣлю).

3-й годъ. Земля, воздухъ, вода, свѣтъ, свойства и значеніе ихъ, человѣкъ, домашнія животныя, уходъ за ними, статистическія свѣдѣнія о нихъ.

4-й годъ. Растенія, способы ращенія ихъ, хлѣба.

Правленіе деревни, мѣстные чиновники, общества и какъ величать Ихъ Величество.

Таблица еженедѣльныхъ уроковъ.

Отдѣленія	I	II	III	IV
Вѣроученіе	2	4	6	4
Родной языкъ	12	8	6	3
Ариѳметика	4	4	4	4
Исторія	—	—	1	2
Географія	—	1	1	2
Русскій языкъ	6	10	10	10
Пѣніе	—	—	1	1
Гигіена	—	—	1	1
Природовѣдѣніе	—	2	2	2

Итакъ, несомнѣнно, что русскій языкъ, а съ нимъ и русская культура медленно, но вѣрно входятъ въ обиходъ мусульманской жизни. Необходимо ждать результатовъ. Но, возразятъ мнѣ: какъ же русскіе подданные (или по крайней мѣрѣ, часть ихъ) при такой школьной политикѣ не будутъ знать русскаго языка?“ Отвѣчу на это возраженіе словами того же проф. Ламанскаго: „Да, и не будутъ, какъ не знали и раньше, какъ не знаютъ теперь и какъ узнаютъ и научатся ему, когда новыя дороги, новые промыслы или торговыя связи, или появленіе въ сосѣдствѣ русскихъ поселенцевъ, словомъ, живыя связи и отношенія распространятъ русскій языкъ въ инородческой глуши. Уважать Россію и Русскаго Царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли и не зная русскаго языка*).

---

*) Не помѣшало же незнаніе русскаго языка въ настоящей войнѣ солдатамъ инородцамъ и татарамъ успѣшно соперничать въ героизмѣ съ русскими солдатами! Не помѣшало же слабое знаніе русскаго языка стрѣлку-чувашину Алексѣеву показать примѣръ доблестной и беззавѣтной вѣрности долгу присяги, обратившей на себя вниманіе Государя Императора! Не мѣшаетъ

Любви и уваженію научитъ еще скорѣе народная школа съ роднымъ языкомъ. Какъ бы на нашъ взглядъ этотъ языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать Царя и Россію".

Поэтому упраздненіе, какъ требуютъ нѣкоторые, мектебовъ или полное реформированіе ихъ, какъ считаютъ необходимымъ другіе, явится мѣрой и несправедливой, и нецѣлесообразной и антигосударственной. Если бы мы могли внести въ мусульманскія конфессіональныя школы такія улучшенія, которыя по своей очевидности въ глазахъ мусульманъ составляли бы понятный имъ, доступный и желательный прогрессъ, то намъ слѣдовало бы это сдѣлать; но, при существующихъ отношеніяхъ, при исторически сложившемся недовѣріи мусульманства къ правительству, мы этого сдѣлать не можемъ.

Необходимо дать возможность мектебамъ самостоятельно развиваться, необходимо отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутренній строй за исключеніемъ, конечно, случаевъ проявленія въ нихъ религіознаго фанатизма и антиправительственныхъ тенденцій, что, заранѣе можно сказать, можетъ имѣть мѣсто въ особо исключительныхъ случаяхъ, какъ то показало многовѣковое существованіе мусульманскихъ школъ внѣ всякаго правительственнаго надзора. Предоставленныя самимъ себѣ мектебы введутъ скоро и преподаваніе русскаго языка, такъ какъ само населеніе откажется отъ школы, которая не будетъ давать знанія русскаго языка. На преподаваніе русскаго языка не будутъ смотрѣть, какъ на средство обращенія въ христіанскую „русскую" вѣру, разъ программы школы и весь внутренній строй ея будетъ опредѣляться самими мусульманами. Мектебы обратятся въ школы съ преобладающимъ вѣроисповѣднымъ характеромъ, подобно нашимъ церковно-приходскимъ. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что даже тѣ мусульмане, которые, будучи недовольны современной постановкой учебнаго дѣла въ мектебахъ, предпочитаютъ имъ русско-татарскія школы, считаютъ обязательнымъ сохраненіе на ряду съ ними и мектебовъ. „Если желаемъ, чтобы наши мектебе имѣли дальнѣйшее существованіе", пишетъ Фатыхъ Сайфи въ газетѣ „Юлдузъ": „и чтобы они совсѣмъ не исчезли, надо приспособить ихъ къ

же незнаніе русскаго языка матерямъ-башкиркамъ, отправляющимъ сыновей своихъ на войну, говорить имъ: „не возвращайся, пока не отрѣжешь нѣмцу голову!"—Не мѣшаетъ же, съ другой стороны, эльзасцамъ, знаніе нѣмецкаго языка сохранять въ душѣ всѣ французскія симпатіи!

жизни, ввести въ нихъ больше русскихъ предметовъ и сдѣлать ихъ официальными". „Русскія школы", пишетъ Гадій Атласовъ въ „Мектебе": „готовятъ къ борьбѣ съ жизнью, а мектебы, обучая только религіознымъ предметамъ, не даютъ ничего практическаго, пригоднаго въ жизни". „Мы желаемъ", пишетъ Фуадъ: „увеличенія русско-татарскихъ школъ, но никто не сжигаетъ старой шубы, пріобрѣтя новую. Не бросаютъ же русскіе своихъ церковно-приходскихъ школъ. Русско-татарская школа и мектебе могутъ существовать каждая. Одна изъ нихъ будетъ свѣтской, гдѣ обученіе должно итти частью на татарскомъ, частью на русскомъ языкѣ, другая—приходской, будетъ находиться въ вѣдѣніи муллы того прихода, при которомъ существуетъ школа".

Что касается организаціи управленія мектебами, то въ цѣляхъ устраненія нынѣ дѣйствующаго положенія, когда нѣтъ лица, отвѣтственнаго за порядки въ мектебахъ и медрессахъ, къ кому администрація могла бы предъявить тѣ или иныя требованія, необходимо передать конфессіональныя школы въ вѣдѣніе духовныхъ собраній или правленій, реформа которыхъ и установленіе отношеній къ народному образованію поставлены Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ на очередь еще въ 1905 г., но до сихъ поръ не получила опредѣленнаго разрѣшенія. Будетъ ли управленіе духовными дѣлами мусульманъ сохранено въ настоящемъ его видѣ или децентрализовано (послѣднее предпочтительнѣе), но во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе передать управленіе конфессіональными школами этимъ учрежденіямъ, которыя необходимо сдѣлать отвѣтственными за дѣятельность и направленіе конфессіональныхъ школъ. Отвергать подобную организацію конфессіональныхъ училищъ на томъ основаніи, что она до извѣстной степени соотвѣтствуетъ пожеланіямъ, высказаннымъ въ этомъ отношеніи на 3-мъ Всероссійскомъ съѣздѣ,— едва ли цѣлесообразно; бояться такой „автономіи" также нѣтъ причинъ, такъ какъ, во-первыхъ, еще бо́льшая автономія въ этой области существовала до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, во-вторыхъ, существующее нынѣ положеніе мусульманскихъ школъ хуже всякой автономіи, вслѣдствіе полной невыясненности отношеній власти къ этимъ школамъ, и въ третьихъ, система управленія, аналогичная проектируемой мною, уже 10 лѣтъ дѣйствуетъ на Кавказѣ въ отношеніи школъ армяно-григоріанской церкви, при чемъ за этотъ періодъ не обнаружилось никакихъ вредныхъ для государственности послѣдствій этого порядка.

Этимъ же правленіямъ должны быть подчинены и медрессе*).

На ряду съ конфессіональными училищами должны развиваться, въ широкихъ размѣрахъ, русско-туземныя училища, организованныя такимъ образомъ, чтобы, по выраженію С. В. Смоленскаго, „прямо прельщать, приводить въ восторгъ мусульманъ, создавать у нихъ благодарное чувство". Въ виду того, что попытка со стороны педагогической администраціи, такъ сказать, войти въ программу конфессіональной школы путемъ внесенія въ нее преподаванія русскаго языка т. е. попытка приблизить вѣроисповѣдную школу по программѣ къ общеобразовательной, потерпѣла неудачу, необходимо, по моему мнѣнію, избрать путь обратный: необходимо въ общеобразовательную школу, предназначенную для обученія дѣтей мусульманъ, внести вѣроучительные предметы, преподаваемые въ школѣ вѣроисповѣдной. Сдѣлать это вполнѣ возможно: это позволитъ и объемъ вѣроученія и количество часовъ, отводимыхъ дѣйствующими правилами на изученіе родного языка (10+2). Муллы вполнѣ охотно берутъ на себя преподаваніе вѣроученія въ русско-татарской школѣ, такъ какъ это преподаваніе обезпечиваетъ имъ, хотя и небольшое, но все же вполнѣ постоянное и опредѣленное вознагражденіе, какого они не имѣютъ, занимаясь въ мектебахъ. Необходимо также поставить надлежащимъ образомъ преподаваніе родного языка, для чего надлежитъ озаботиться подготовкой соотвѣтственнаго преподавательскаго персонала; въ этомъ дѣлѣ со стороны педагогической администраціи края не проявляется достаточно сильнаго и искренняго желанія. Не привлекаются къ педагогической дѣятельности среди мусульманъ русскіе, въ совершенствѣ владѣющіе мѣстными языками, какъ напр. русскіе, проживающіе въ Бирскомъ уѣздѣ среди башкирскаго населенія, въ совершенствѣ владѣющіе башкирскимъ языкомъ.

Попытку сліянія въ русско-татарской школѣ программы вѣроучительной школы съ общеобразовательной дѣлаетъ въ настоящее время Златоустовское уѣздное земство. Попытка эта заслуживаетъ полнаго вниманія и поддержки.

Вопросъ о будущности медрессе—учрежденій, подготовляющихъ муллъ и мугаллимовъ—не можетъ быть безразличенъ для русской власти. Медрессе не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ,

---

*) „Можно пожалѣть", писалъ *Пальминскій*: „объ отсутствіи въ медрессе разносторонняго свѣтскаго образованія, точныхъ и историческихъ наукъ, о получаемомъ тамъ схоластически-жесткомъ направленіи, но по всей справедливости должно сказать, что въ нихъ весьма хорошо развивается діалектическая сторона разсудка и необыкновенное самостоятельное трудолюбіе".

постоянныхъ источниковъ для своего содержанія, содержатся на частныя пожертвованія, ограниченіе притока которыхъ можетъ неблагопріятно отразиться на дѣятельности этихъ учрежденій и даже повлечь за собой закрытіе нѣкоторыхъ, если не большинства, ихъ. Эта перспектива — сокращеніе числа медрессе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и числа подготовляемыхъ ими муллъ—не въ интересахъ правительства, такъ какъ недостатокъ муллъ будетъ восполняться людьми, пришлыми изъ-за границы, что не представляется желательнымъ.

Поэтому является необходимость въ устройствѣ за счетъ правительства хотя бы нѣсколькихъ семинарій, которыя, существуя на ряду съ медрессами, подготовляли бы муллъ и мугаллимовъ. Программа этого рода семинарій могла бы быть выработана по соглашенію съ духовными мусульманскими правленіями. Слѣдуетъ также съ большимъ вниманіемъ относиться къ ходатайствамъ мусульманъ объ устройствѣ лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для учителей конфессіональныхъ школъ и не отказывать въ разрѣшеніи на устройства ихъ, какъ это дѣлается въ настоящее время. Правильно организованная русско-туземная школа, съ надлежащимъ образомъ поставленнымъ преподаваніемъ вѣроученія и родного языка, имѣющая передъ конфессіональной школой большія преимущества, какъ въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія такъ и преподавательскаго состава, будетъ успѣшно конкурировать съ приходской мусульманской школой и, дѣлая съ нею одно дѣло, окажетъ несравненно больше, чѣмъ приходская школа, вліяніе на распространеніе въ краѣ русской гражданственности и во многихъ случаяхъ даже окажется въ состояніи совершенно замѣнить собою школу конфессіональную. Примѣры этого уже имѣются даже въ настоящее время. Въ Кунгурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, гдѣ татарскія селенія разбросаны среди русскихъ, съ открытіемъ русско-татарскихъ школъ съ преподаваніемъ родного языка и вѣроученія особыми лицами, мектебе закрылись и теперь во всемъ уѣздѣ имѣется лишь 1 медрессе въ Кунгурѣ. Въ 1-мъ районѣ Челябинскаго уѣзда по тѣмъ же причинамъ изъ 17 конфессіональныхъ школъ закрылись 3. Мектебе въ Ирбитѣ преобразовались съ 1 января 1913 г. въ нормальную инородческую школу; то же предполагается сдѣлать и съ 2 другими.

Необходимо также установить за правило, что въ русско-татарскомъ училищѣ учитель не можетъ переходить къ обученію на русскомъ языкѣ по своему единоличному усмотрѣнію. Къ разрѣшенію вопроса о перемѣнѣ языка преподаванія должны

быть привлекаемы инспекторами народныхъ училищъ также почетныя лица селенія.

Необходимо также ввести преподаваніе вѣроученія (хотя бы въ объемѣ „Ильмихалъ“) и въ общихъ не инородческихъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти мусульманъ и облегчить введеніе преподаванія вѣроученія для мусульманъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*).

Объ организаціи правительственнаго надзора за школами я имѣю въ виду сказать во второй части настоящаго доклада.

Эти мѣры, искренне и благожелательно примѣняемыя, создадутъ, наконецъ, то довѣріе къ правительственной власти, котораго теперь нѣтъ у мусульманъ и безъ котораго невозможна никакая созидательная работа. Эти мѣры могутъ способствовать осуществленію повидимому забытыхъ нынѣ словъ Высочайшаго указа 30 августа 1864 г.: „Не позволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадники науки въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія“.

II. Вопросъ о постановкѣ образованія среди инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ.

Кромѣ мусульманъ-инородцевъ, въ предѣлахъ Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ проживаетъ значительное число инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: чуваши, около 1.000.000 (изъ нихъ отпавшихъ въ исламъ—2.334, язычниковъ—14.734, сектантовъ—183 и старообрядцевъ—100), вотяки около 400.000 (изъ нихъ отпавшихъ въ исламъ—3.493, язычниковъ—16.089, старообрядцевъ—3.708), черемисы, около 400.000 (изъ нихъ отпавшихъ въ исламъ—433, язычниковъ—90.561, сектантовъ—40), мордва, около 1.500.000 (въ томъ числѣ около 500.000 сектантовъ и раскольниковъ), крещеные татары, около—165.000 (въ томъ числѣ отпавшихъ въ исламъ 43.073)

---

*) Въ 1900 г. Министерство разрѣшило ввести въ Троицкой гимназіи преподаваніе вѣроученія на *русскомъ языкѣ* при 2 урокахъ въ недѣлю. Родители не согласились. Въ 1907 г. вновь было возбуждено ходатайство о томъ же, которое и было удовлетворено безъ указанія уже языка преподаванія. Въ Оренбургской гимназіи и въ Кунгурской учительской школѣ вѣроученіе преподавалось на русскомъ языкѣ. Такой порядокъ преподаванія поддерживалъ инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій.

и др. Всего инородцевъ-христіанъ и инородцевъ-язычниковъ около 4.000.000. Среди православныхъ инородцевъ болѣе половины двоевѣровъ, т. е. христіанъ съ чертами языческаго и мусульманскаго міровоззрѣнія.

Первыя попытки положить начало школьному образованію у инородцевъ-христіанъ относятся еще къ XVIII в., но онѣ были настолько робки, что никакого вліянія на инородцевъ не оказывали. Въ началѣ XIX в. школы для инородцевъ считались единицами и влачили жалкое существованіе, ничѣмъ не отличаясь отъ существовавшихъ въ то время школъ общаго типа. Открытіе школъ было обставлено большими затрудненіями, заставлявшими нерѣдко лицъ, имѣвшихъ намѣреніе послужить дѣлу просвѣщенія, отказываться отъ своихъ плановъ. Въ 1807 г. священникъ села Буртасъ, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи о. Н. Михеевъ пожертвовалъ деревянный двухъ-этажный домъ и просилъ объ открытіи въ немъ школы для чувашъ. Своему благому начинанію о. Михеевъ встрѣтилъ серіозное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго помѣщика и особенно со стороны исправника. Послѣдній всячески противодѣйствовалъ открытію училища, запретилъ чувашамъ отдавать дѣтей и доказывалъ директору училищъ, что нѣтъ чувашъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей въ открывающемся училищѣ, что для чувашъ просвѣщеніе вредно, ибо они забудутъ земледѣліе и что напрасно открывать училище въ уѣздѣ, когда его нѣтъ еще и въ городѣ; кромѣ того, по мнѣнію исправника, „попъ Михеевъ, не спросясь броду, бросился въ воду, залетѣлъ весьма высоко, хотѣлъ получить крестъ; такъ вотъ ему и крестъ: нѣтъ учениковъ, а если бы онъ раньше спросился у него, исправника, такъ были бы и ученики и онъ зналъ бы, какъ поступить". Тѣмъ не менѣе, училище было открыто, хотя просуществовало недолго. Вообще, всѣ училища, открывавшіяся въ инородческихъ селеніяхъ до самыхъ 60-хъ годовъ, отличались кратковременностью своего существованія. Преподаваніе въ этихъ школахъ Закона Божія, чтенія и письма велось исключительно по-русски, давая крайне ничтожные результаты. Такъ продолжалось дѣло до 60-хъ годовъ, когда бывшимъ при Казанскомъ округѣ инспекторомъ чувашскихъ школъ Н. И. Золотницкимъ были составлены и напечатаны на чувашскомъ языкѣ: „Солдалыкъ-кнеге" (календарь съ объясненіемъ праздниковъ), „Чувашъ-кнеге"—букварь съ молитвами и Священная исторія Ветхаго Завѣта. Много работалъ въ этомъ же направленіи и другой дѣятель того времени Магнитскій. Способы обученія начали измѣняться къ лучшему, но улучшеніе это шло впередъ

слишкомъ медленно. Инспекторъ Золотницкій сообщаетъ, что при осмотрѣ существовавшихъ въ то время школъ ему приходилось убѣждаться, что ученики, даже пробывшіе 3—4 года въ школѣ, могли читать, но безъ пониманія прочитаннаго и по-русски почти совсѣмъ не говорили. Учителя никакимъ расположеніемъ не пользовались, напротивъ къ нимъ относились съ ненавистью, такъ какъ инородцы предполагали, что ихъ заставляютъ учить дѣтей только ради этихъ учителей. Всюду родители обращались съ просьбой освободить дѣтей отъ ученья. „Обозрѣвъ 14 мужскихъ училищъ и 10 дѣвичьихъ школъ“, пишетъ инспекторъ Золотницкій: „и повсюду стараясь разъяснить наставникамъ и наставницамъ необходимость измѣненія общепринятыхъ ими способовъ обученія дѣтей, я, несмотря на сочувствіе нѣкоторыхъ священниковъ, учителей и учительницъ къ объясненной мною иной системѣ, пришелъ къ убѣжденію о невозможности направить дѣло обученія раціональнымъ путемъ“.

Эпоху въ области образованія инородцевъ-христіанъ и язычниковъ суждено было создать профессору миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія при Казанской Духовной Академіи и Казанскаго Университета Н. И. Ильминскому. Какъ разъ въ это время особенно участились случаи отпаденія крещеныхъ татаръ отъ христіанства. Ясно понявъ, что причины этихъ отпаденій заключаются въ томъ, что крещеные инородцы слабо усвоили истины христіанской вѣры, нетверды въ ней и потому легко поддаются вліянію ислама—религіи сильной по степени убѣжденности ея адептовъ, простой въ своей основѣ и не имѣющей сложной догматики,—Ильминскій единственное средство противъ установленія среди инородцевъ „Магомета всяческая во всѣхъ“ видѣлъ въ сердечномъ и убѣжденномъ усвоеніи инородцами христіанскаго ученія, оживляемомъ православнымъ богослуженіемъ и молитвой *). „А для такого живого и глубокаго усвоенія христіанскаго ученія“, писалъ онъ, „инородцамъ самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служитъ родной языкъ“. Необходимость допущенія въ инородческія школы и церкви Казанскаго и Уфимскаго („магометово болото“—какъ онъ называлъ его) края роднаго языка инородцевъ Ильминскій доказывалъ слѣдующимъ образомъ: „Передъ нами дилемма: если изъ опасенія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для твердаго и полнаго, убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры, въ такомъ

*) Письмо 130 К. П. Побѣдоносцеву.

случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ—въ татарское и магометанское. Если же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ, если бы даже и поддержались народности, по разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя и съ русскимъ народомъ соединенныя единствомъ вѣры. Выбирайте же!" Ильминскій вполнѣ раздѣлялъ взглядъ одного изъ своихъ высокихъ покровителей, гр. Д. А. Толстого, высказанный послѣднимъ по поводу дѣятельности Ильминскаго: „Просвѣщать инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіей составляетъ задачу величайшей политической важности въ будущемъ. Пусть православная церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука съ своимъ свѣтомъ. Это совмѣстное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточную темь". Свои мѣры Ильминскій пріурочивалъ исключительно къ христіанамъ и отчасти къ язычникамъ; за дѣло же образованія татаръ-мусульманъ онъ никогда не брался, вполнѣ раздѣляя въ этомъ отношеніи взглядъ К. П. Побѣдоносцева: „До мусульманства не касаемся; дай намъ Богъ удержать мусульманящихся православныхъ, равно какъ и иныхъ, уходящихъ во всякіе толки и секты; для сего надо свой домъ убирать и чистить, чтобы въ немъ было приглядно и разумно" *).

Идея и цѣль системы Ильминскаго состояла въ прочномъ соединеніи инородческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ образованія и въ прочномъ сближеніи инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія. Для достиженія этой цѣли Ильминскій имѣлъ, по его словамъ, слѣдующіе *снаряды*: „инородческія книги, инородческое богослуженіе, инородческій причтъ церковный съ священникомъ во главѣ". Христіанское нравственно-религіозное воспитаніе—вотъ что стремился дать Ильминскій инородцамъ. Такая цѣль всего легче и удобнѣе достигалась посредствомъ первоначальнаго обученія Закону Божію на родномъ языкѣ. „Первоначальное обученіе на родномъ языкѣ", говорилъ Ильминскій: „есть самый надежный путь къ усвоенію ими русскаго языка и русскаго образованія. Какъ скоро въ инородцахъ утвердились посредствомъ родного языка *христіанскія* понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ *русскому* народу; тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и идутъ русскаго образованія". Такъ могъ и даже долженъ былъ говорить Ильминскій, смотрѣвшій на свое дѣло какъ на миссіонерство, но для не-миссіонера

*) Письмо К. П. Побѣдоносцева къ Ильминскому 30 іюня 1885 г.

только что приведенный взглядъ его на отношеніе между христіанскимъ и русскимъ образованіемъ представляется непонятнымъ и едва ли правильнымъ. Какимъ образомъ инородецъ, просвѣщенный свѣтомъ христіанства, слышащій богослуженіе на родномъ языкѣ, обучающійся на родномъ языкѣ, читающій и пишущій на родномъ языкѣ,—какимъ образомъ станетъ путемъ просвѣщенія *русскимъ*, при отсутствіи русскихъ элементовъ въ процессѣ его образованія,—это является вполнѣ непонятнымъ. Въ Казанскомъ и Уфимскомъ краѣ мнѣ приходилось наблюдать другое: инородецъ-язычникъ въ школѣ участвуетъ въ христіанской молитвѣ, христіанскомъ богослуженіи и, несмотря на это, покидаетъ школу язычникомъ—такъ мало слѣдовательно, конечно не по винѣ христіанства, какъ религіи, христіанизирующаго элемента въ его обрядовой сторонѣ, которая одна только и доступна инородцу, переходящему въ христіанство. Мнѣ кажется, убѣжденіе Ильминскаго въ томъ, что инородецъ, сдѣлавшись христіаниномъ, сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и русскимъ по духу — неправильно по существу и изъ него и вышли всѣ тѣ недостатки его системы, особенно рѣзко обнаружившіеся при его „продолжателяхъ“.

Сообразно намѣченной цѣли Ильминскій открылъ въ Казани школу для крещеныхъ татаръ, куда бралъ изъ окрестныхъ деревень дѣтей крещеныхъ татаръ, ни слова не понимавшихъ по-русски. Обращая главное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе учащихся при содѣйствіи родного языка ихъ, Ильминскій составлялъ для крещеныхъ татаръ буквари, примѣнивъ къ звукамъ татарскаго языка весьма простую русскую транскрипцію *), переводилъ для нихъ книги Священнаго Писанія и богослужебныя книги **). Учрежденная Ильминскимъ въ 1863—1864 годахъ крещено-татарская школа въ Казани получила названіе центральной („голова-школа“) и стала во главѣ другихъ инородческихъ

*) „Русскій алфавитъ рѣзкой гранью отдѣлилъ крещеныхъ татаръ отъ ихъ магометанскихъ единоплеменниковъ. Если бы христіанскія книги на татарскомъ языкѣ писались арабскими буквами, въ такомъ случаѣ онѣ могли бы облегчить переходъ къ магометанской грамотѣ и черезъ то увеличивать и безъ того значительное число поводовъ къ отпаденію крещеныхъ татаръ въ магометанство“. „Алфавитъ всегда принимался вмѣстѣ съ вѣрой... Арабскій алфавитъ это узы, связующія татаръ съ магометанствомъ“. (Ильминскій. О примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ).

**) Ильминскій переводилъ книги на народный татарскій языкъ, съ помощью татарина Василія Тимоѳеева, затѣмъ священника. Прежніе ученые переводы литургіи и богослужебныхъ книгъ на книжный языкъ были понятны только муллямъ, а не простому народу.

школъ. Всѣ имѣвшіе случай посѣщать эту школу и слышать въ ея церкви богослуженіе и пѣніе на татарскомъ языкѣ выносили оттуда истинную, восторженную радость русскаго сердца о томъ, чего могутъ достигнуть русскіе люди, связуемые любовью. Въ 1867 году, по мысли епископа Гурія, было открыто въ Казани братство Св. Гурія, ставшее разсадникомъ новыхъ инородческихъ школъ. Съ братствомъ Св. Гурія связалъ Ильминскій и свою дѣятельность на пользу просвѣщенія инородцевъ. Ко времени смерти (1891 г.) Ильминскаго братство располагало уже 128 инородческими школами (61 крещено-татарская, 49 чувашскихъ, 4 черемисскія, 7 вотскихъ и 1 мордовская). Для подготовки учительскаго персонала были устроены центральныя училища въ Унжѣ, Ишакахъ и Карлыганѣ. Нормальной инородческой школой было, по мнѣнію Ильминскаго, одноклассное училище съ четырехгодичнымъ курсомъ, соотвѣтствовавшее приблизительно русской начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Пріемъ производился черезъ годъ, вслѣдствіе чего въ школѣ создавалось два отдѣленія при двухъ учителяхъ—старшее и младшее. Отдѣленія эти отличались другъ отъ друга тѣмъ, что въ младшемъ (1-й и 2-й годъ обученія) преподаваніе велось на родномъ языкѣ учащихся, а въ старшемъ (3-й и 4-й годъ) на русскомъ языкѣ. Такъ какъ далеко не всѣ (не болѣе $^1/_2$) учащіеся доходили до конца курса школы, то двумъ первымъ годамъ былъ приданъ законченный видъ и они составили „первоначальное училище“. Черезъ это училище, по мысли Ильминскаго, должна была пройти вся масса инородческаго населенія, для дѣтей же, имѣющихъ возможность продолжать ученіе, курсъ продолжался 4 года, а въ двухклассныхъ училищахъ 6 лѣтъ.

По мысли Ильминскаго, въ вѣдѣніи Братства была учреждена съ 1868 года Переводческая комиссія для распространенія среди инородцевъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на ихъ родныхъ языкахъ. Изъ этой комиссіи вышла цѣлая библіотека книгъ Священнаго Писанія, учительныхъ и учебныхъ на инородческихъ языкахъ: татарскомъ, чувашскомъ, алтайскомъ, якутскомъ, бурятскомъ, гольдскомъ, вотскомъ, мордовскомъ, черемисскомъ, остяцкомъ и киргизскомъ.

Въ 1872 году въ Казани была открыта учительская семинарія (обычно называемая „инородческой“). Во главѣ ея былъ поставленъ Ильминскій, сохранившій и завѣдываніе Крещено-татарской школой. Какъ начальникъ учебнаго заведенія, Ильминскій обнаружилъ рѣдкое умѣнье сплачивать учащій персоналъ для дружной совмѣстной работы и оказывать на учащихся исклю-

чительное по своей силѣ и дѣйственности нравственное вліяніе, настолько сильное, что и теперь, какъ я убѣдился изъ личной бесѣды съ нѣкоторыми бывшими питомцами Казанской семинаріи временъ Ильминскаго, они до сихъ поръ не могуть говорить о „Николаѣ Ивановичѣ“ иначе какъ съ чувствомъ благоговѣйнаго умиленія и благодарнаго уваженія. Въ семинаріи во времена Ильминскаго были особые исключительные порядки. Никакихъ дисциплинарныхъ правилъ не существовало; ученики пользовались полной свободой, но ею не злоупотребляли, боясь больше всего огорчить „Николая Ивановича“; нерѣдки были случаи, когда ученикъ, чѣмъ-нибудь огорчившій Ильминскаго, проводилъ ночь на церковныхъ хорахъ, моля Бога простить его грѣхъ. Самъ Ильминскій, преподававшій педагогику, никогда не говорилъ ученикамъ ни слова о своей системѣ, и ученики не подозрѣвали о ея существованіи; онъ ограничивался тѣмъ, что въ лекціяхъ своихъ развивалъ передъ учениками самую „идею учительства“. На экзаменѣ вмѣсто спрашиванія вновь повторялъ ученику то, что требовалось по вынутому послѣднимъ билету. Никакихъ методикъ преподаванія Ильминскій не указывалъ, просто говоря, что „какъ учить, они могутъ узнать изъ множества книгъ, существующихъ по этому вопросу“ *). Практическихъ занятій преподаваніемъ Ильминскій также не признавалъ, и существовавшее при семинаріи начальное училище (впослѣдствіи даже 4: черемисское, чувашское, вотское и мордовское) никогда даже не посѣщалось семинаристами. Только разъ въ годъ семинаристы ходили на урокъ въ русское приходское училище и этимъ и ограничивались практическія занятія преподаваніемъ. Какъ директоръ учебнаго заведенія, Ильминскій былъ освобожденъ отъ всякихъ обязательныхъ для начальника учеб‘наго заведенія сношеній (съ Контрольной Палатой и другими учрежденіями) **). Учителя сокращали программу по своему

*) Въ этомъ отношеніи онъ находилъ, повидимому, одобреніе К. П. Побѣдоносцева, который писалъ ему 25 іюля 1885 г.: „Я вполнѣ согласенъ съ Вами, но не въ моей волѣ устранить эту, равно какъ и многую другую дребедень, которую всякій попавшійся берется преподавать по сочиненнымъ кѣмъ-либо изъ нѣмцевъ компиляціямъ за лишнія сотни рублей. Лѣтъ 20 назадъ, когда ее вводили, я негодовалъ, но ее ввели и Министерство Нар. Просвѣщенія поставило ее необходимымъ условіемъ программы и аттестата. Теперь всѣ нивы заросли этой куколью—скоро ли ее выполешь!“.

**) „Русскимъ учебнымъ заведеніямъ“, писалъ Ильминскій: „оказалъ бы радикальную услугу тотъ человѣкъ, который открылъ бы имъ способъ обойтись безъ канцеляріи, безъ формальныхъ бумагъ“. („Записка объ устройствѣ учебныхъ заведеній, стр. 13).

усмотрѣнію, проходили мало, но основательно. Учебниковъ не было и появлялись они лишь ко времени экзаменовъ. Духъ Ильминскаго проникалъ все: и учителей, и учащихся, и программы, и преподаваніе... У питомцевъ семинаріи устанавливалась крѣпкая связь съ учебнымъ заведеніемъ: „пріѣхать въ Казань и не зайти въ семинарію, не повидать Николая Ивановича, было равносильно, какъ если бы пріѣхавъ въ родную деревню, я не зашелъ бы въ родной домъ, не повидалъ бы отца“—говорилъ мнѣ восторженно одинъ изъ его бывшихъ питомцевъ. Бывшіе его ученики, при встрѣчѣ теперь, не могутъ наговориться, обмѣниваясь воспоминаніями о Николаѣ Ивановичѣ. Несомнѣнно, Ильминскій былъ выдающимся по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкомъ. Даже отъ лицъ, враждебно настроенныхъ по отношенію къ его системѣ, мнѣ ни разу не приходилось слышать ни одного отзыва, бросающаго какую либо тѣнь на его личность. Какъ человѣкъ, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той характеристикѣ, какую далъ ему К. П. Побѣдоносцевъ: „это былъ по истинѣ учитель въ высшемъ значеніи этого слова, свѣтильникъ, отъ котораго многіе огни загорались яркимъ свѣтомъ... Къ нему обращались за совѣтомъ и одушевленіемъ не именитые, не знатные, богатые, но тѣ „малые и простые“, кои работаютъ по темнымъ угламъ, проливая свѣтъ посреди мрака, холода и невѣдѣнія. Не было въ этихъ углахъ нужды, на которую онъ не отзывался бы, не было бѣды и горя, коему онъ не сострадалъ бы. Сущіе простецы инородцы несли къ нему свои бытовыя нужды,— и не разъ въ простыхъ нуждахъ, мимо коихъ другой прошелъ бы съ пренебреженіемъ, отстаивалъ онъ ихъ и помогалъ имъ ходатайствами своими въ губерніи и въ столицѣ. Другой такой ясной и чистой души мнѣ не приходилось встрѣчать въ жизни... Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково съ людьми всякаго общественнаго положенія, и самымъ простымъ и бѣднымъ онъ былъ такъ же легокъ и пріятенъ, какъ начальственнымъ и знатнымъ... Мудрено ли, что дѣйствіе этой души на всѣхъ знавшихъ ее было неотразимо и благодѣтельно...“ *).

Этими высокими личными качествами Ильминскаго и объясняется существованіе оригинальной постановки дѣла въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ семинарій—Казанской. Вся она держалась обаяніемъ его личности и стоило ему сойти со сцены, какъ она немедленно измѣнила свой внѣшній обликъ, какъ измѣ-

*) „Русскій Вѣстникъ“, февраль 1892.

нились и тѣ идеи, сторонникомъ которыхъ былъ Ильминскій и которыя послѣ его смерти поддерживались лицами, считавшими себя продолжателями его системы и не имѣвшими, въ большинствѣ случаевъ, другихъ качествъ, кромѣ сильнаго желанія занять въ области инородческаго дѣла то же положеніе, которое занималъ въ ней Ильминскій. Не умѣя приспособляться къ требованіямъ времени, къ возникающимъ новымъ условіямъ жизни, послѣдователи Ильминскаго обнаруживали нерѣдко нетерпимое отношеніе къ своимъ противникамъ, упуская изъ виду, что съ одной стороны Ильминскій самъ умѣлъ измѣнить нѣкоторыя частности своихъ взглядовъ въ зависимости отъ обстоятельствъ *). Одни изъ его послѣдователей, забывая, что Ильминскій самъ не имѣлъ въ виду примѣненія своей системы къ мусульманамъ, считали возможнымъ воспользоваться ею для просвѣщенія послѣднихъ, не понимая, что вводить систему Ильминскаго въ школы, гдѣ царитъ исламъ и работаетъ мулла, значитъ искажать систему того, кого они считаютъ своимъ учителемъ. Другіе, не принявъ во вниманіе, что въ системѣ Ильминскаго необходимо различать ея внѣшнюю оболочку—родной языкъ и внутреннее содержаніе, ядро ея—религіозно-нравственное просвѣщеніе, полагали, что, открывая школы съ преподаваніемъ въ теченіе извѣстной части курса на родномъ языкѣ, они осуществляютъ систему Ильминскаго, удаляя идейное содержаніе ея. Третьи стали постепенно подмѣнять идею *первоначальнаго* преподаванія на родномъ языкѣ, какъ переходной ступени къ *русскому* образованію убѣжденіемъ о необходимости преподаванія на инородческихъ языкахъ вообще, ссылаясь на одно письмо Ильминскаго, гдѣ онъ говоритъ, что вмѣстѣ съ введеніемъ русскаго алфавита въ инородческую письменность „должно быть обязательное употребленіе мѣстнаго народнаго языка не только въ школахъ, но и въ управленіи“ **). Четвертые съ полной опредѣленностью держась въ области инородческаго просвѣщенія той политики, чтобы употребленіе инородческихъ языковъ, выставленное сперва какъ первоначальное средство, какъ переходная ступень, по выраженію проф. В. Ф. Залѣсскаго, дѣлалось постепенно и незамѣтно самоцѣлью, стремясь весьма широко использовать инородческіе языки въ переводческомъ дѣлѣ, переводить не только церковно-богослужебныя и религіозно-нравственныя книги, но и книги бѣлле-

*) См. напр. его переписку съ Бѣлебеевскимъ предводителемъ дворянства Н. М. Бунинымъ о преподаваніи Закона Божія на русскомъ языкѣ, на что Ильминскій далъ свое согласіе. („Переписка о трехъ школахъ“, стр. 52).

**) „Изъ переписки о примѣненіи русскаго алфавита“, стр. 22.

тристическаго, научнаго характера, не замѣчая того, что этимъ отдаляется сліяніе инородцевъ съ русскими, „созидаются особые, отчужденные отъ русскаго, инородческіе мірки со *своими* священниками, *своими* учителями, *своими* интересами, *своими* книгами". Еще въ самомъ началѣ переводческой дѣятельности Ильминскаго, ему указывали, что изданіемъ учебниковъ, книгъ и брошюръ на инородческихъ языкахъ можетъ быть положено начало къ обработкѣ нарѣчій инородцевъ, созданію особой литературы, что поведетъ къ обособленію, сепаратизму инородцевъ или, по крайней мѣрѣ, значительно отдалитъ ихъ сближеніе съ русскимъ народомъ. Считаясь съ этимъ предостереженіемъ, Ильминскій въ своей переводческой дѣятельности ограничился изданіемъ лишь самыхъ необходимыхъ книгъ и брошюръ для первоначальнаго обученія инородцевъ... *).

Благодаря указаннымъ искаженіямъ система Ильминскаго подверглась такимъ измѣненіямъ, что въ настоящее время системы Ильминскаго, какъ таковой, съ ея идейнымъ содержаніемъ и внѣшней оболочкой, не существуетъ въ Казанскомъ краѣ. „Строго разсуждая", говоритъ М. А. Миропіевъ: во всей полнотѣ и цѣлости она можетъ быть проводима лишь въ тѣхъ школахъ, которыя имѣютъ своей главной цѣлью религіозно-миссіонерскія задачи, такъ какъ безъ этой идейной стороны нѣтъ и системы Ильминскаго".

На мой вопросъ, существуютъ ли школы, организованныя по системѣ Ильминскаго, многіе видные педагогическіе дѣятели отвѣчали утвердительно и указывали на... инородческія школы, существующія по Правиламъ 14 іюня 1913 г., между тѣмъ какъ эти школы сохранили лишь внѣшнюю оболочку системы Ильминскаго — преподаваніе на родномъ языкѣ. Въ Казанскомъ краѣ трудно встрѣтить человѣка, который представлялъ бы себѣ вполнѣ отчетливо сущность системы. 6 іюня 1913 г. Святѣйшій Синодъ издалъ предписаніе Братству Св. Гурія о томъ, чтобы „въ организаціи учебныхъ занятій въ инородческихъ школахъ *строго слѣдовать* руководственнымъ указаніямъ Н. И. Ильминскаго и *пользуясь мѣстными* (т. е. инородческими) языками *въ младшихъ отдѣленіяхъ, какъ вспомогательными*, при изученіи начальныхъ молитвъ и истинъ вѣры, возможно скорѣе переходить къ языку русскому и въ 3 и 4 группахъ школъ пользоваться уже языкомъ русскимъ, какъ языкомъ преподаванія". Въ первыхъ строкахъ этого предписанія заключается распоряженіе о стро-

*) Исключеніе составляетъ только: „Образцы народной поэзіи мордвы". Вып. I, изд. 1882 г.

гомъ соблюденіи системы Ильминскаго, а въ послѣднихъ распоряженіе объ отмѣнѣ той же системы, такъ какъ пользованіе инородческими языками, какъ вспомогательными, не въ качествѣ орудія обученія въ младшихъ отдѣленіяхъ есть нарушеніе системы Ильминскаго, соблюдать которую предписывается началомъ цитируемаго указа Св. Синода.

Если теперь еще идетъ споръ между „ильминистами“ (какъ называются сторонники системы Ильминскаго) и ихъ противниками, то споръ этотъ, строго говоря, сводится къ установленію единства взглядовъ относительно того, слѣдуетъ ли при обученіи инородцевъ прибѣгать къ помощи ихъ языка или прямо вести обученіе ихъ на русскомъ языкѣ. Этотъ вопросъ и раздѣляетъ педагоговъ и администраторовъ Казанскаго и Уфимскаго края и создаетъ отсутствіе согласованности въ ихъ дѣйствіяхъ и неустойчивость въ мѣропріятіяхъ правительственной власти вообще.

Въ отношеніи пользованія инородческими языками въ богослуженіи въ Казанскомъ краѣ въ настоящее время существуетъ два, взаимно исключающихъ другъ друга, взгляда. Одни стоятъ за широкое примѣненіе инородческихъ языковъ въ богослуженіи, при чемъ въ качествѣ одного изъ аргументовъ въ пользу этого взгляда приводится то обстоятельство, что, если мы, русскіе, сами мало понимаемъ свой богослужебный языкъ, все-таки родственный нашему русскому языку, то мы не можемъ навязывать этотъ языкъ инородцамъ, для которыхъ онъ уже совершенно чужой и не понятенъ во много разъ больше, чѣмъ намъ, какъ бы хорошо они ни выучились по-русски *). Главнымъ аргументомъ въ пользу богослуженія на родномъ языкѣ является соображеніе, что только при этомъ условіи инородцы могутъ сознательно участвовать въ богослуженіи, сознательнѣе усваивать истины христіанства и оказывать благодаря этому болѣе серіозное противодѣйствіе противъ всякихъ посягательствъ на ихъ религію, отъ кого бы эти посягательства ни исходили.

Противники этого взгляда, въ числѣ которыхъ находятся и

*) Въ доказательство непониманія русскими многихъ мѣстъ богослуженія проф. Знаменскій приводитъ слѣдующіе примѣры: рѣдко кто можетъ отыскать подлежащее въ тропарѣ Николаю Чудотворцу („Правило вѣры и образъ кротости“...); рѣдко кто понимаетъ: Волною морскою... и „Ятъ бысть, но не удержанъ...“ „Крестъ начертавъ Моисей... обратно ударивъ совокупи“. „Внуши моленіе мое... разумѣй званіе мое“. „Ужя нападоша ми въ державныхъ монхъ“... Многіе не понимаютъ: „горѣ имѣимъ сердца“, „имамы ко Господу“ херувимскую, „да исправится молитва моя“ и др. („О богослуженіи на инородческихъ языкахъ и о духовенствѣ изъ инородцевъ“).

нѣкоторые іерархи, отрицаютъ пользу совершенія богослуженія исключительно на родномъ языкѣ, такъ какъ при этомъ условіи созидаются какъ бы самостоятельныя церкви, что грозитъ Россіи участью Македоніи, гдѣ въ одномъ и томъ же селеніи совмѣстно живутъ православные, но подчиненные одни Болгарскому экзарху, другіе сербскому митрополиту, третьи—Константинопольскому патріарху, и находятся въ виду этого между собой во враждебныхъ отношеніяхъ. Для многихъ кажется совершенно недопустимымъ, чтобы создавался такой порядокъ, при которомъ господствующая Церковь, а въ данномъ случаѣ даже Церковь-мать, оставалась въ полномъ забвеніи. Они полагаютъ, кромѣ того, что и самое богослуженіе на инородческихъ языкахъ не должно имѣть мѣста и потому, что языки эти слишкомъ несовершенны для того, чтобы на нихъ можно передать высокія истины христіанской вѣры. Есть и особое теченіе, стремящееся примирить эти два взгляда: сторонники его смотрятъ на богослуженіе на инородческихъ языкахъ, какъ на мѣру въ дѣлѣ миссіи временную, необходимость которой постепенно уменьшается по мѣрѣ того, какъ воспитавшееся въ школахъ поколѣніе инородцевъ постепенно пріобщается къ русской культурѣ и по языку и по образу жизни. Они считаютъ удовлетворяющимъ интересамъ и русскаго населенія указъ Синода отъ15 января 1883 г., по которому, „если съ инородцами въ церкви присутствуютъ русскіе, признается полезнымъ соединять пополамъ или въ извѣстныхъ пропорціяхъ богослуженіе и на славянскомъ и на инородческихъ языкахъ“.

Еще больше розни наблюдается въ отношеніи преподаванія въ начальной школѣ на инородческихъ языкахъ. Одни требуютъ преподаванія въ ней въ теченіе всего курса на русскомъ языкѣ, при чемъ указываютъ, что тамъ, гдѣ школьное преподаваніе всегда велось по-русски, населеніе быстро обрусѣло: указываютъ на мѣстности, населенныя мордвой, нынѣ почти совершенно обрусѣвшія, и на Пермскую губ., когда-то сплошь инородческую, а теперь насчитывающую 90% населенія, именующаго себя русскимъ.

Они опасаются, что допущеніе мѣстныхъ языковъ въ школу, даже въ качествѣ подсобныхъ, можетъ уронить значеніе русскаго языка, что въ теченіе даже двухъ лѣтъ учитель, особенно учитель-инородецъ, можетъ использовать примѣненіе мѣстныхъ языковъ въ явный ущербъ языку государственному. Затѣмъ, большинство учащихся, какъ показываютъ данныя школьной статистики, оставляетъ школу на 3-мъ году обученія, и для нихъ школа можетъ оказаться совершенно безрезультатной въ отношеніи усвоенія русскаго языка. Кромѣ того, школа съ инородче-

скими языками преподаванія можетъ имѣть вредное значеніе въ томъ отношеніи, что она искусственно пробуждаетъ дремлющее національное самосознаніе инородцевъ и, вмѣсто сближенія ихъ съ русской культурой, можетъ дать совершенно противоположный эффектъ. Съ допущеніемъ мѣстныхъ языковъ въ школу появляется цѣлая учебная литература на инородческихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, не имѣющихъ даже своего алфавита; съ переводомъ же на мѣстные языки и нарѣчія богослужебныхъ и священныхъ книгъ получается полная возможность для инородцевъ довольствоваться книгами на своемъ языкѣ и не обращаться къ языку русскому. Считая, далѣе, опасность отатариванія инородцевъ сильно преувеличенной миссіонерами и „ильминистами", имѣвшими въ виду путемъ указанія на эту опасность добиться главной своей цѣли—установленія преподаванія въ начальной школѣ на инородческихъ языкахъ, сторонники этого взгляда, къ числу которыхъ принадлежатъ нѣкоторые бывшіе и настоящіе педагоги-администраторы, говорятъ, что простой народъ желаетъ имѣть школу съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, а такъ какъ при учрежденіи школы надлежитъ принимать во вниманіе взгляды именно этого народа, для котораго школа существуетъ, а никакъ не стремленія интеллигенціи и полу-интеллигенціи, отстаивающей преподаваніе на инородческихъ языкахъ по другимъ, вовсе не педагогическимъ соображеніямъ, то разрѣшеніе вопроса представляется имъ очень простымъ: чего бы ни требовала интеллигенція, надо дать народу ту школу, которую онъ желаетъ т. е. съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Этого взгляда, помимо нѣкоторыхъ педагоговъ-администраторовъ держатся и нѣкоторые предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ и другіе общественные дѣятели, особенно въ губерніяхъ Казанской и Симбирской. „Инородцы такъ цѣнятъ теперь знаніе русскаго языка", говорили они, „что можно поставить имъ вполнѣ опредѣленное требованіе въ этомъ отношеніи: „хочешь учиться, учись по-русски, не хочешь—не учись", и они охотно исполнятъ его". 23 августа 1913 года Буинскій (Симбирской губ.) уѣздный училищный совѣтъ постановилъ: „вмѣнить всѣмъ учащимъ въ обязанность, начавъ занятія съ вновь принятыми дѣтьми разговорными уроками русскаго языка, приступить затѣмъ непосредственно къ изученію русскаго алфавита, по изученіи коего познакомить дѣтей съ отличительными буквами и знаками инородческой азбуки". Аналогичныя постановленія сдѣлали и другіе совѣты, а одинъ изъ предсѣдателей училищнаго совѣта заявилъ мнѣ, что у него въ уѣздѣ и вопроса объ языкѣ преподаванія

не поднимается: преподаваніе ведется все время по-русски. Уфимскій епархіальный училищный наблюдатель Свящ. Д. Ѳ. Машкевичъ категорически заявилъ, къ великому огорченію епископа Уфимскаго, преосвященнаго Андрея, что „необходимо исключить изъ программы инородческихъ школъ—родной языкъ учащихся, какъ лишній балластъ, оставляя его въ качествѣ преподавательскаго только на урокахъ Закона Божія для цѣлей чисто воспитательныхъ“. Епархіальный наблюдатель другой губерніи съ горечью вспоминаетъ, какъ онъ, русскій, въ дѣтствѣ долженъ былъ учить и Законъ Божій и букварь по-чувашски, такъ какъ въ школѣ его деревни преподаваніе шло по Правиламъ 1870 г. Этотъ наблюдатель заявилъ, что изъ церковно-приходскихъ школъ, гдѣ обучаются дѣти инородцевъ, оканчивающіе курсъ выходятъ съ слабымъ знаніемъ русскаго языка, за исключеніемъ тѣхъ училищъ, гдѣ обученіе начинается прямо по-русски и продолжается 4 года. Сторонники изгнанія изъ начальной школы инородческихъ языковъ подкрѣпляютъ свою аргументацію ссылкой на соотвѣтственные приговоры сельскихъ обществъ—вотскихъ, черемисскихъ и даже чувашскихъ. Общества эти просятъ назначить имъ въ школу русскихъ учителей, такъ какъ „они нисколько не имѣютъ нужды въ родномъ языкѣ, а напротивъ нуженъ русскій языкъ, безъ знанія котораго они должны сидѣть безъ всякихъ заработковъ“; или: „принять зависящія мѣры и ходатайства, гдѣ будетъ слѣдовать, чтобы въ начальныхъ школахъ, какъ земскихъ и министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ обученіе чтенію, письму и Закону Божію преподавалось по-русски болѣе основательно“.

Всѣ доводы сторонниковъ преподаванія въ начальной школѣ въ теченіе всего курса на русскомъ языкѣ сводятся къ одному, несомнѣнно ошибочному, положенію: инородцу надлежитъ въ интересахъ какъ государственныхъ, такъ и его личныхъ возможно лучше знать русскій языкъ—слѣдовательно, изученіе русскаго языка надо начинать какъ можно раньше. Лишь немногіе изъ нихъ признаютъ даже допустимость инородческаго языка въ качествѣ вспомогательнаго на первыхъ порахъ обученія и считаютъ болѣе предпочтительнымъ прибѣгнуть къ натуральному методу, къ словарямъ или къ пріемамъ ланкастерскаго обученія.

„Ильминисты“ т. е. сторонники примѣненія инородческихъ языковъ при преподаваніи въ начальной школѣ (это все, что осталось отъ „системы Ильминскаго“), опровергая доводы своихъ противниковъ, мечтаютъ только объ одномъ: о вполнѣ искрен-

немъ и строгомъ примѣненіи Правилъ объ училищахъ для инородцевъ 1 ноября 1907 года, съ тѣмъ чтобы были отмѣнены нѣкоторыя статьи Правилъ 14 іюня 1913 года, изданныхъ въ отмѣну первыхъ.

О соблюденіи не только ихъ, но даже Правилъ 1913 г. дѣйствительно приходится только мечтать, такъ какъ Правила эти примѣняются слабо, отчасти за недостаткомъ подготовленныхъ учителей *), отчасти вслѣдствіе несочувствія этого рода учебнымъ заведеніямъ. Особенно безпокоитъ „ильминистовъ“ находящаяся въ ст. 4 „Правилъ“ 1913 года оговорка, что „обученіе производится на родномъ языкѣ учащихся въ первые два года обученія,... если до истеченія двѣхлѣтняго срока учащіеся *не окажутся* въ состояніи воспринимать преподаваемые имъ предметы на русскомъ языкѣ“. Такъ какъ учителя опасаются, что въ случаѣ, „если ученики *не окажутся* въ состояніи воспринимать предметы на русскомъ языкѣ“, то это обстоятельство будетъ объяснено ихъ нерадѣніемъ или неумѣніемъ, и они могутъ подвергнуться взысканію со стороны лицъ ревизующихъ, то они и стремятся какъ можно скорѣе перейти къ русскому языку даже не заботясь о томъ, достаточно ли къ тому подготовлены ученики **).

Эта оговорка, по мнѣнію „ильминистовъ“ въ корнѣ уничтожаетъ идею раціональнаго обученія инородцевъ, тѣмъ болѣе, что изъ „Правилъ“ 1907 г., по сравненію съ Правилами 1913 г., изъятъ весьма важный пунктъ 1, указывавшій, что „орудіемъ первоначальнаго обученія для инородцевъ служитъ родной языкъ учащихся“. Основываясь на томъ, что преподаваніе въ инородческихъ школахъ на родномъ языкѣ почти никогда не обнимаетъ собою двухлѣтняго періода, „ильминисты“ выражаютъ

---

*) Напр. въ начальныхъ училищахъ Оренбургскаго учебнаго округа, гдѣ обучаются инородцы, въ 203 нѣтъ православнаго законоучителя, въ 114—Законъ Божій преподаютъ свѣтскія лица и въ 89—415 православныхъ учащихся оставлены безъ обученія православной вѣрѣ. Владѣютъ инородческимъ языкомъ 126 изъ 205 законоучителей-священниковъ. Учителя владѣютъ инородческимъ языкомъ въ 727 случаяхъ, не знаютъ мѣстныхъ языковъ—129. Двухклассныхъ инородческихъ училищъ всего 7% общаго числа. Среди учителей 26—язычниковъ.

**) Нерѣдки также случаи, когда о. о. законоучители, имѣя въ виду, что на выпускномъ экзаменѣ молитвы будутъ спрашиваться на цер. слав. языкѣ, ведя преподаваніе на родномъ языкѣ, тихонько, тайкомъ отъ завѣдывающаго и лицъ ревизующихъ, заставляютъ учащихся, чуть ли не со 2 отдѣленія, заучивать безъ объясненій церковно-слав. тексты молитвъ, чтобы успѣть подготовить ихъ къ экзамену.

желаніе, чтобы этотъ срокъ былъ установленъ въ качествѣ обязательнаго и ни въ какомъ случаѣ не подвергался сокращенію, такъ какъ видимое усвоеніе учащимися русскаго языка является въ большинствѣ случаевъ только кажущимся, фиктивнымъ и учащіеся—инородцы, какъ показалъ опытъ, по крайней мѣрѣ до 4 года обученія, говоря по-русски, мыслятъ и формируютъ первоначальную форму предложенія на своемъ родномъ языкѣ.

Есть еще третья группа лицъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ начальной инородческой школѣ, которые говорятъ, что надлежитъ пользоваться роднымъ языкомъ учащихся въ цѣляхъ наилучшаго достиженія на первыхъ порахъ большей сознательности обученія, если учащіеся совершенно не владѣютъ русскимъ языкомъ. Но насильно задерживать на этой первоначальной ступени тѣхъ, которые уже до извѣстной степени владѣютъ русскимъ языкомъ, какъ это часто дѣлается, не только непедагогично, но и вообще неразумно. Наряду съ обычными предметами изученія въ курсъ инородческихъ училищъ вводится (§ 2) родной языкъ учащихся. Но если родной языкъ извѣстной инородческой группы не имѣетъ своей письменности даже въ самомъ зачаточномъ состояніи, то нѣтъ и матеріала для изученія его. Создавать же искусственно для такихъ инородцевъ жалкое подобіе письменной словесности не только не имѣетъ смысла, но даже и вредно. Въ виду этого, продолжительность обученія на родномъ языкѣ и размѣры, въ которыхъ имъ надлежитъ пользоваться для цѣлей лучшаго усвоенія русскаго языка, не могутъ быть регламентированы, какъ зависящіе отъ степени подготовленности учащихся, отъ степени знанія ими русскаго языка, въ свою очередь опредѣляемой многими причинами, лежащими за предѣлами школы.

Въ связи съ вопросомъ объ языкѣ преподаванія въ начальной школѣ стоитъ и другой, оказавшійся столь же спорнымъ, какъ первый—это вопросъ о методѣ преподаванія русскаго языка, „тяжелый, трудный споръ“ методовъ натуральнаго или, какъ его иронически называютъ, „метода обученія при помощи указательнаго перста“ съ методомъ переводнымъ. Рѣшеніе этого вопроса, по существу своему чисто дидактическаго характера, затрудняется, главнымъ образомъ, соображеніями иного свойства. Введеніе натуральнаго метода считается мѣрой, клонящейся къ устраненію родного языка изъ школы, защита же метода переводнаго—защитой системы Ильминскаго. Съ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія и разсматривается вопросъ о натуральномъ методѣ. Сторонники его указываютъ, что этотъ методъ съ

большимъ успѣхомъ употребляется въ школахъ Бретани и Алжира, куда назначаются исключительно учителя-французы, что 1) при этомъ методѣ ассоціативныя связи словъ и формъ изучаемаго языка наростаютъ при наличности живыхъ впечатлѣній, а это обстоятельство уже само по себѣ дѣлаетъ ихъ необычайно прочными и твердыми, при чемъ локализація усвояемыхъ такимъ образомъ свѣдѣній получается естественная, натуральная, какъ и у дѣтей при усвоеніи ими природнаго языка; 2) изучаемыя слова и формы входятъ въ непосредственную связь, вслѣдствіе чего пріобрѣтаемыхъ по языку свѣдѣній не нужно перестраивать, какъ при методѣ переводномъ; 3) до уразумѣнія общаго смысла формъ и усвоенія навыковъ въ правильномъ употребленіи ихъ учащіеся доводятся здѣсь путемъ многочисленныхъ частныхъ наблюденій и опытовъ, такимъ путемъ, достоинства котораго испытаны каждымъ при усвоеніи родного материнскаго языка; 4) изученіе языка при этомъ способѣ обращается въ рядъ частныхъ задачъ, такъ какъ отъ учащихся при изученіи каждаго новаго слова и формы требуется догадка и соображеніе, какой предметъ, признакъ и дѣйствіе и въ какомъ положеніи они изображаютъ, а это придаетъ занятіямъ довольно сильный специфическій интересъ, подобный математическому, и развиваетъ наблюдательность, которая является весьма цѣнной не только въ первой стадіи обученія языку, но и на послѣдующихъ ступеняхъ, особенно когда дѣти переходятъ къ занятіямъ грамотой и ариѳметикой на изучаемомъ языкѣ; 5) методъ этодъ находится въ полной гармоніи со всѣмъ строемъ преподаванія и методами современной начальной школы, гдѣ принципъ наглядности имѣетъ самое широкое примѣненіе и является главнѣйшей основой всякаго рода познаній учащихся; 6) изучающіе живой языкъ по патуральному методу принимаютъ самое живое активное участіе въ работѣ, какъ собесѣдники въ интересующемъ ихъ разговорѣ, слухъ ихъ находится подъ постоянными впечатлѣніями отъ словъ и звуковъ изучаемаго языка, дѣлающими послѣдній для нихъ привычнымъ, а прогрессивно развивающіеся навыки пользоваться чужой рѣчью доставляютъ такое большое удовольствіе, какъ ребенку умѣнье „стоять дыбкомъ“ или ходить *); 7) переводный методъ не въ состояніи дать учащимся сколько-

*) См. *Н. И. Милославскій.* Натуральный методъ въ примѣненіи его къ обученію русскому языку. Казань. 1911 г. *Леше.* Новые методы преподаванія иностранныхъ языковъ. Кіевъ. 1901 г.

нибудь основательнаго значенія чужого языка, блестящимъ доказательствомъ чего служатъ крайне слабые результаты изученія при помощи этого метода новыхъ языковъ въ средней школѣ; 8) въ переводномъ методѣ, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ его видѣ много такого, противъ чего вопіетъ вся природа и психологія; 9) практикующіяся при переводномъ методѣ бесѣды съ переводомъ заключаютъ въ себѣ много искусственнаго и дѣланнаго: сначала заставляютъ ученика выучить слова, нужныя для разговора, потомъ—переводить предложенія вопросительныя съ отвѣтами и только потомъ вступать въ разговоръ, чтобы затвердить уже выученное. Ученикъ невольно чувствуетъ всю механичность такой работы, чувствуетъ, что изъ нея выпута душа, мотивъ въ формѣ живого впечатлѣнія, побуждающій его къ бесѣдѣ и создающій своеобразный интересъ; 10) присоединять къ переводному методу наглядныя средства значитъ не болѣе не менѣе какъ предлагать двойное рѣшеніе одной и той же задачи, изъ боязни, что ученикъ не рѣшитъ ея.

Сторонники натуральнаго метода указываютъ на отличные результаты, достигнутые нѣкоторыми школами, въ которыхъ преподаваніе ведется по этому методу. Приходилось эти результаты видѣть и мнѣ. Въ одну изъ глухихъ башкирскихъ деревень (Килькабызово, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ.) былъ назначенъ русскій учитель. Инспекторъ потратилъ много труда на выясненіе учителю, оказавшемуся весьма толковымъ человѣкомъ, сущность натуральнаго метода. Сознательная часть населенія во главѣ съ муллой, встрѣтила учителя враждебно и даже не позволяла дѣтямъ ходить въ школу. Дѣти тѣмъ не менѣе ходили и въ концѣ учебнаго года жители и мулла просили инспектора не убирать отъ нихъ этого учителя: „больно хорошо русскому языку училъ“. И дѣйствительно, дѣти даже I отдѣленія говорили по-русски; всѣ малыши дошкольнаго возраста заговорили по-русски въ предѣлахъ лексикона ихъ старшихъ братишекъ..... Прекрасныхъ результатовъ достигалъ въ Троицкѣ также учитель Абдулгазизовъ. Видѣлъ я хорошіе результаты у учительницы П., ведущей преподаваніе по натуральному методу, но съ городскими дѣтьми (въ Уфѣ).

Противники натуральнаго метода, не видя въ послѣднемъ ничего другого, кромѣ пріема „насильственнаго обрусенія“, крѣпко стоятъ за переводный методъ; къ натуральному методу они питаютъ крайне недружелюбное отношеніе. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ даже школьное зданіе, „совсѣмъ новое недавно построенное“ производитъ „сухое и казенное впечатлѣніе“, разъ въ немъ

преподаваніе ведется по натуральному методу *). Не будучи, очевидно, въ состояніи привести сколько-нибудь серіозные доводы противъ идеи натуральнаго метода, они сводятъ свои возраженія къ разнаго рода куріозамъ въ области примѣненія этого метода; разсказываютъ о томъ, какъ одинъ почтенный педагогъ, директоръ училища, изображалъ предъ учащимися курицу, снесшую яйцо, какъ на вопросъ: „какія молитвы вы знаете“, дѣти въ одной школѣ отвѣтили: „Котъ и поваръ“ и т. п. **). По мнѣнію противниковъ натуральнаго метода, учитель при этомъ методѣ изображаетъ каменнаго истукана, лишеннаго естественныхъ средствъ общенія съ дѣтской аудиторіей; при этомъ забываютъ, что это и можетъ явиться весьма цѣннымъ педагогическимъ пріемомъ, воспроизводящимъ распространенную въ жизни необходимость, вынуждающую людей изыскивать и даже изобрѣтать способъ сношенія съ человѣкомъ, незнакомымъ съ ихъ природнымъ языкомъ.

Чтобы не возвращаться больше къ вопросу о методахъ преподаванія русскаго языка въ начальной инородческой школѣ, позволю себѣ высказать и свое мнѣніе относительно пригодности натуральнаго и естественнаго методовъ. Безспорныя преимущества имѣетъ за собою, по моему мнѣнію, методъ натуральный, но къ сожалѣнію методъ этотъ, превосходный по идеѣ и въ высокой степени цѣлесообразный по его соотвѣтствію духовной природѣ развивающейся личности, не нашелъ еще такой практической обработки, которая обезпечивала бы широкое примѣненіе его въ школьномъ быту. Учителя, сколько-нибудь удовлетворительно владѣющіе этимъ методомъ, требующимъ отъ нихъ для правильнаго своего примѣненія и сравнительно большой эрудиціи, вдумчивости, находчивости, встрѣчаются теперь въ качествѣ совершенно исключительныхъ явленій. Поэтому нельзя не признать этотъ методъ методомъ не настоящаго, а будущаго, который ждетъ своего Ушинскаго.... Методъ этотъ, при всѣхъ своихъ

---

*) Труды особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ, стр. 215.

**) П. А. Бобровниковъ говоритъ: „натуральный методъ—это полное изгнаніе изъ школы природнаго языка; это учитель, незнающій мѣстнаго языка, это—молитва на церковно-славянскомъ языкѣ; это священная исторія, заучиваемая наизусть по-русски; это—преподаваніе при помощи пальца; это—притупленіе дѣтей“ и недоумѣваетъ, какъ можно объяснить дѣтямъ при помощи натуральнаго метода разницу въ выраженіяхъ: „онъ умывался и открылъ окно“, „онъ, умываясь, открылъ окно“, „онъ, умываясь, открывалъ окно“, „онъ, умывшись, открывалъ окно“...

неоспоримыхъ достоинствахъ, не исключаетъ возможности и необходимости пользоваться при обученіи русскому языку и другими методами: у него своя спеціальная задача и сфера—организовать рѣчь дѣтей, научить употребленію формъ и построенію предложеній; разъ же цѣль эта достигнута, то дальнѣйшіе успѣхи въ языкѣ, въ смыслѣ расширенія лексикона и пониманія его различныхъ грамматическихъ и стилистическихъ особенностей будетъ достигаться уже путемъ чтенія, при чемъ отъ учителя будетъ зависѣть, какъ ему лучше истолковать встрѣтившееся при объяснительномъ чтеніи слово или выраженіе-путемъ ли перевода на природный языкъ, или съ помощью изучаемаго языка... Во всякомъ случаѣ натуральный методъ заслуживаетъ того, чтобы стать предметомъ особаго вниманія со стороны педагоговъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ...

Еще однимъ пунктомъ разногласія среди дѣятелей Казанскаго и Уфимскаго края является вопросъ о томъ, всѣ ли инородческіе языки допустимы въ школѣ. Когда въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что совѣщаніе Государственной Думы объ инородческихъ школахъ постановило: „въ качествѣ инородческихъ языковъ, на которыхъ можетъ вестись преподаваніе, совѣщаніе признаетъ языки: польскій, литовскій, нѣмецкій, эстонскій, латышскій, армянскій, грузинскій, татарскій, калмыцкій и бурятскій“, сообщеніе это вызвало большой переполохъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ школѣ. Въ одномъ изъ органовъ „ильминистовъ“ по этому поводу доказывалось, что русскій языкъ для народностей тюркскаго и финскаго племени представляетъ очень большія затрудненія и потому благодаря преподаванію сразу на русскомъ языкѣ дѣти инородцевъ не оказываютъ успѣховъ, что разрѣшеніе преподаванія на татарскомъ языкѣ можетъ быть объяснено лишь желаніемъ татаризовать чувашъ, киргизъ и башкиръ и др. Поэтому не только татары, а всѣ племена, обитающія въ Поволжьѣ, хотя бы и не имѣющія своей письменности и литературы, должны имѣть школу съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Въ виду этого предлагалось къ вышеприведенному перечню языковъ школьнаго преподаванія прибавить еще языки чувашскій, черемисскій, вотскій, киргизскій, башкирскій и сартскій. Противники этого взгляда, отчасти исходя изъ соображеній практическаго характера (невозможность имѣть для всѣхъ—по подсчету проф. Катанова—341 народностей, населяющихъ Россію, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ учителей, хорошо составленныхъ учебныхъ руководствъ и т. п.), отчасти не придавая особаго значенія инородческимъ языкамъ въ школѣ во-

обще*) и смотря на нихъ только какъ на подсобное средство, облегчающее изученіе русскаго языка, считали необходимымъ ограничить число допустимыхъ въ школѣ языковъ преподаванія лишь тѣми, на которыхъ говоритъ болѣе или менѣе значительное количество населенія и существуетъ достойная вниманія литература и письменность. Создавать же для народовъ, не имѣющихъ письменности, особую письменность искусственнаго характера, по мнѣнію представителей этого взгляда, и безцѣльно, и невозможно. Въ крайнемъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, можно допустить въ отношеніи инородцевъ, не имѣющихъ письменности, тотъ порядокъ, который былъ проектированъ „Междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ по вопросу о постановкѣ школьнаго образованія для инородческаго населенія“ 1910—1911 г.г., состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Л. А. Георгіевскаго („При введеніи всеобщаго обученія..... необходимо обратить вниманіе на тѣ народности, которыя не вошли въ составъ 10 и могли бы пострадать отъ окружающихъ народностей съ болѣе высокой культурой; для огражденія ихъ отъ ассимиляціи болѣе культурными народностями представлялось бы необходимымъ обезпеченіе ихъ правильно поставленной правительственной школой, съ допущеніемъ роднаго языка въ качествѣ *подсобнаго*“).

Не поддается окончательному и согласному разрѣшенію также вопросъ о томъ, кого предпочтительнѣе имѣть въ качествѣ учителя инородческой школы—инородца ли, знающаго русскій языкъ или русскаго, знающаго инородческій языкъ. Многіе предпочитаютъ русскаго учителя, такъ какъ „инородческіе просвѣтители (священники и учителя) дѣйствуютъ не такъ, какъ русскіе: въ то время какъ русскіе стремятся къ тому, чтобы поднять инородцевъ до себя, сравнять ихъ съ русскими, пользуясь для этого, какъ средствомъ, а не цѣлью инородческимъ языкомъ, инородцы-просвѣтители задерживаютъ инородцевъ въ ихъ инородческомъ состояніи и въ одинъ голосъ твердятъ своимъ сородичамъ: ни подъ какимъ видомъ не сливайтесь съ русской

---

*) „Полезность обученія инородцевъ русской грамотѣ и ариѳметикѣ на русскомъ языкѣ“, говоритъ П. И. Милославскій (бывшій директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи); „часто оспариваютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что преподаваніе названныхъ предметовъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть успѣшно, послужитъ въ ущербъ успѣхамъ дѣтей въ родномъ языкѣ и неблагопріятно отразится на ихъ общемъ развитіи. По изученіе русскаго письма и чтенія едва ли въ состояніи обогатить дѣтей сколько-нибудь цѣнными пріобрѣтеніями по части роднаго языка, а потому въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ итти только объ успѣшности и о вліяніи такого преподаванія на развитіе дѣтей, при чемъ послѣднее всецѣло будетъ зависѣть отъ перваго“...

семьей, непремѣнно оставайтесь инородцами, таковъ де завѣтъ даже Ильминскаго".

Здѣсь, повидимому, распространительно толкуется одно изъ правилъ системы Ильминскаго, требующее, чтобы школьники-инородцы, при всемъ своемъ обрусѣніи, отнюдь не забывали своего родного языка, ни инородческаго своего быта и не дѣлались чужими для своего племени, не терялись для него безъ пользы отъ ихъ образованія, какъ ученики прежнихъ русскихъ начальныхъ школъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ русскими учились и инородцы. „Первые выпуски этихъ русскихъ школъ, говоритъ Ильминскій, совсѣмъ уронили ихъ въ глазахъ народа. Ученики изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ распредѣлились на должности писарей". „Глупые, полуграмотные мальчишки стали брать взятки, пьянствовать, гнушаться своими грязноватыми единоплеменниками, даже родителями, и корчить изъ себя русскихъ чиновниковъ—словомъ обрусѣли въ самомъ дурномъ смыслѣ слова". Поэтому Ильминскій весь учебный и воспитательный строй своихъ учебныхъ заведеній, въ противоположность этимъ старымъ школамъ, старался организовать такъ, чтобы воспитанники могли возвращаться изъ нихъ въ свою среду, какъ свои къ своимъ, возвышаясь надъ ней только знаніемъ и своимъ христіанскимъ направленіемъ. Онъ смотрѣлъ на каждаго своего питомца, какъ на „евангельскую закваску Царствія Божія" въ его родной средѣ, какъ на своего рода миссіонера. Потеря каждаго изъ нихъ, уходъ на сторону, хотя бы даже „въ русскіе" въ этомъ отношеніи составляла прямой ущербъ для инородческаго просвѣщенія и для дѣла христіанской миссіи, отъ которыхъ онъ ожидалъ обрусѣнія инородцевъ и сліянія ихъ съ русскими въ единствѣ вѣры и единствѣ всего міросозерцанія, болѣе глубокаго, чѣмъ какого можно достигнуть чрезъ одно изученіе русскаго языка и вообще перениманіе разныхъ русскихъ внѣшнихъ формъ жизни *).

Другой побудительной причиной, заставляющей предпочитать учителя-русскаго учителю-инородцу является то, что инородцу трудно сохранить свою болѣе усовершенствованную индивидуальность среди своихъ соплеменниковъ, стоящихъ на гораздо низшей, сравнительно съ нимъ, степени культурности. Труднѣе ему приходится примѣнять требованія, вытекающія изъ необходимости соблюденія извѣстнаго порядка отношеній, вытекающаго

*) Проф. Знаменскій. О богослуженіи на инородческихъ языкахъ и о духовенствѣ изъ инородцевъ.

изъ требованій государственности: инородцы ждутъ отъ своего соплеменника большихъ поблажекъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ отъ русскаго и ставятъ его въ весьма тяжелое положеніе, разрѣшающееся въ концѣ концовъ или полнымъ паденіемъ педагога или крайнимъ очерствѣніемъ его...

Противники учителей-русскихъ доказываютъ, что только единоплеменный учащимся учитель можетъ установить къ дѣтямъ тѣ отношенія, какія необходимы для успѣшнаго хода просвѣтительной дѣятельности. По ихъ мнѣнію, не представляетъ особаго значенія, если учитель не будетъ особенно радѣть объ интересахъ русскаго языка, такъ какъ „изученіе русскаго языка и безъ того отнимаетъ у инородцевъ много дорогого времени, которое можно было бы употребить на что нибудь болѣе полезное“.

Изъ другихъ вопросовъ, вызывающихъ при томъ или иномъ разрѣшеніи своемъ споры и недоразумѣнія, нельзя не упомянуть вопроса о положеніи школъ братства св. Гурія, направленіи переводческой дѣятельности, Казанской крещено-татарской центральной школы, Казанской учительской семинаріи, Симбирской Чувашской школы и Бирской инородческой школы.

Школы братства св. Гурія.

Школы братства св. Гурія стали открываться съ 1867 года. Въ первые 20 лѣтъ своего существованія Братство имѣло свои школы не только въ Казанской, но и въ другихъ волжско-камскихъ губерніяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Въ настоящее время онѣ существуютъ въ предѣлахъ одной только Казанской губерніи. Въ 1905 г. общее число ихъ достигало 152, въ настоящее время, по свидѣтельству Предсѣдателя Совѣта Братства, преосвященнаго Анатолія, число ихъ съ трудомъ поддается учету, такъ какъ нѣкоторыя школы, считающіяся существующими, на самомъ дѣлѣ не функціонируютъ, за отсутствіемъ преподавателей. Во всякомъ случаѣ число братскихъ школъ въ настоящее время значительно меньше 100. Братскія школы открывались обыкновенно не тамъ, гдѣ жители-инородцы сами желали школы, а тамъ, гдѣ того требовали соображенія дѣятелей Братства, гдѣ по мотивамъ религіознымъ требовалось наиболѣе сильное воздѣйствіе на населеніе. Задачу братскихъ школъ составляетъ не только просвѣщеніе дѣтей, но и воздѣйствіе на взрослое населеніе черезъ учителей этихъ школъ. Школы Братства носятъ въ идеѣ не только общеобразовательный или церковно-просвѣти-

тельный, но и инородческо-миссіонерскій характеръ, являясь на дѣлѣ не болѣе, какъ простыми школами грамоты. Во всѣхъ братскихъ школахъ отведено большое мѣсто церковному пѣнію, привлекающему въ церкви большое количество молящихся инородцевъ. Кромѣ обычныхъ школъ, существуютъ еще такъ называемыя центральныя школы: въ Казани мужская и женская, въ селѣ Ишакахъ, Козьмодемьянскаго уѣзда—мужская и въ селѣ Унжѣ, Царевококшайскаго уѣзда—мужская. Эти центральныя школы подготовляютъ и учителей и учительницъ для братскихъ школъ и составляютъ настоящіе центры школьной братской дѣятельности. При всѣхъ центральныхъ школахъ существуютъ общежитія, носящія своеобразный колоритъ: строгая религіозность, точное соблюденіе уставовъ церкви, простота быта и чисто семейный укладъ жизни составляютъ ихъ характерную особенность. Въ настоящее время школы Братства св. Гурія хирѣютъ. Причина этого крайне ограниченный школьный бюджетъ, не позволяющій удѣлять вознагражденія учителямъ болѣе 80—90 рублей въ годъ. Это ничтожное жалованье дѣлаетъ то, что учителями въ братскихъ школахъ являются или лица неполноправныя или, конечно, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, своего рода подвижники. Всѣ остальные переходятъ при первой возможности на лучше оплачиваемыя мѣста учителей въ земскія и министерскія школы *). Въ 1910 г. Казанское уѣздное земство категорически отказало школамъ Братства въ субсидіи и предсѣдатель Земской Управы г. Боратынскій въ письмѣ къ предсѣдателю Братства епископу Андрею такъ мотивируетъ этотъ отказъ: „Если наши 80-рублевыя школы грамоты и научатъ читать и писать ребятишекъ въ дремучихъ инородческихъ мѣстностяхъ, то едва ли хоть сколько-нибудь освѣтятъ ихъ лучами Христова ученія. Онѣ не создадутъ среды, способной сопротивляться вліянію мусульманства, проводимаго гораздо больше бытовыми и экономическими, чѣмъ просвѣтительными способами... Пока тѣ, кто во Христа крестились, не облеклись во Христа, они не христіане. Ихъ формальная принадлежность къ православной церкви есть самообманъ для миссіи; первый натискъ со стороны мусульманъ всегда разобьетъ стадо, не имѣющее пастыря... Тотъ, кто вникъ въ правду и красоту ученія Христа, не можетъ жаждать во вѣкъ: всякое другое ученіе въ его глазахъ окажется несостоятельнымъ. Ильминскій понималъ, что понятное инородцамъ родное нарѣчіе въ законо-

*) Ассигнованіе Лаишевскимъ земствомъ 320 р. субсидіи въ 1910 году было особенно отмѣченнымъ въ жизни Братства событіемъ.

ученіи и богослуженіи приблизить ихъ къ Церкви и разгонить тьму язычества. И все-таки передача христіанскихъ истинъ и церковнаго ученія на мало знакомомъ языкѣ, но подготовленнымъ учителемъ — лучше, чѣмъ извращенныя объясненія или безсмыслешая передача невѣжественнымъ человѣкомъ, котораго едва ли можно рѣшиться назвать учителемъ. А вѣдь таково положеніе въ школахъ, гдѣ учитель получаетъ жалованья 6 р. въ мѣсяцъ. Если случайно попадутся плохо обученные учителя, но вдумчивые, или такіе, которыхъ нужда загнала въ такую школу, то и при этихъ условіяхъ отсутствіе пособій мѣшаетъ имъ работать. Священникамъ слѣдить за школой нѣтъ времени; ихъ вліяніе не только на церковную и братскую, но и на земскую школу недостаточно, неудовлетворительно. И здѣсь сказывается дешевая школа... Поэтому не слѣдуетъ говорить, что во исполненіе заповѣди: „шедше убо научите вся языцы“—мы *пошли* ихъ научить. Надо сказать себѣ: *мы ихъ учимъ*, надо уяснить себѣ, *научаемъ ли*, достигаемъ ли цѣли или только утѣшаемся *счетомъ школъ*. Школы должны быть хорошія или онѣ не должны быть“.

Настоящее положеніе школъ братства св. Гурія въ Казанской губерніи представлялось безвыходнымъ, школы должны были бы прекратить свое существованіе, но въ критическій моментъ на помощь Братству пришло Казанское губернское земство, которое нашло возможнымъ включить школы Братства въ общую школьную сѣть, давъ Министерству Народнаго Просвѣщенія соотвѣтственное обязательство при условіи подчиненія школъ Братства св. Гурія вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ. Теперь братскія школы стоятъ на порогѣ новой жизни, которая для ихъ дѣятельности, можно надѣяться, будетъ болѣе благопріятна, чѣмъ весь пятидесятилѣтній періодъ ихъ существованія, хотя, при новыхъ условіяхъ существованія, братскія школы рискуютъ потерять свой прежній своеобразный колоритъ.

Казанская центральная крещено-татарская школа.

„Первая въ нашемъ краѣ инородческая школа зачалась въ душной подвальной комнатѣ,—зачалась безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ, повидимому, задатковъ, потому что ученикъ былъ одинъ, и этого единственнаго ученика училъ простой старокрещеный татаринъ, которому самому надо было учиться многому... Это было поистинѣ зерно, брошенное на скудную, мало обѣщавшую почву. Но согрѣвалась эта почва горячей безграничной любовью къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и къ

дѣтямъ, поступавшимъ въ школу; поливалась и оплодотворялась эта почва неустаннымъ трудомъ, сердечнымъ религіознымъ чувствомъ и теплой молитвой. И Богъ благословилъ дѣятелей— и школа дала стократный плодъ". Такъ говорилъ о Крещено-татарской школѣ Попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковъ 9 лѣтъ спустя послѣ ея основанія. Начало школы относится къ 1863 г. Замѣнившій проф. Саблукова на кафедрѣ арабскаго и татарскаго языковъ Н. И. Ильминскій для практическаго упражненія студентовъ въ татарскомъ языкѣ пригласилъ старокрещенаго татарина Василія Тимоѳеева. Когда послѣдній поступилъ практикантомъ въ Академію, сначала одинъ, потомъ другой, а послѣ того и третій крещенинъ изъ его деревни привели къ нему дѣтей учить грамотѣ. Мальчики учились грамотѣ по переведенному Ильминскимъ съ помощью Тимоѳеева на татарскій языкъ букварю, книгѣ Бытія и Премудрости Соломоновой. Черезъ годъ Тимоѳеевъ вмѣстѣ со своими 3 учениками отправился на родину. Ихъ чтеніе и пѣніе православныхъ молитвъ на родномъ языкѣ понравилось крещенымъ татарамъ, которые стали просить Тимоѳеева учить и ихъ дѣтей. Къ Тимоѳееву они обращались смѣло: это былъ свой человѣкъ. Интересно curriculum vitae этого замѣчательнаго человѣка: сначала водовозъ въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, затѣмъ, къ негодованію многихъ, практикантъ Казанской Духовной Академіи, затѣмъ самостоятельно выработавшійся педагогъ-практикъ, создавшій „внутренній дѣтскій бытъ въ крещено-татарской школѣ и подготовившій рядъ превосходныхъ по духу учителей, закаленныхъ имъ вмѣстѣ съ Ильминскимъ", затѣмъ „возвышенно-служащій" миссіонеръ-священникъ, опытный переводчикъ и, послѣ смерти Ильминскаго, руководитель всего дѣла просвѣщенія крещеныхъ татаръ.

Узнавъ о желаніи крещеныхъ татаръ учить своихъ дѣтей, Ильминскій выхлопоталъ разрѣшеніе на открытіе въ Казани школы для крещеныхъ татаръ. Главное наблюденіе за школой было предоставлено Ильминскому и прот. Малову. Она была первой школой, гдѣ обученіе инородцевъ велось на ихъ родномъ языкѣ. Ильминскій разсчитывалъ видѣть въ своихъ воспитанникахъ проводниковъ христіанскаго просвѣщенія въ массу крещеныхъ татаръ, на сближеніе же инородцевъ путемъ просвѣщенія съ русскимъ народомъ смотрѣлъ не какъ на ближайшую, а какъ на отдаленную цѣль школы. Чтобы обезпечить школѣ большую самостоятельность Ильминскій учредилъ школу на правахъ частнаго учебнаго заведенія, которой, однако, въ 1876 г.

были предоставлены права по воинской повинности 3 разряда. 28 февраля 1878 года Высочайше было утверждено слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта:

1. Крещено-татарскую школу, оставивъ оную на правахъ частнаго учебнаго заведенія, преобразовать въ двухклассный составъ, съ объемомъ преподаванія не ниже опредѣленнаго для двухклассныхъ сельскихъ начальныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

2. Производство испытаній воспитанниковъ предоставить самому заведенію, съ тѣмъ, чтобы означенныя испытанія производились законоучителемъ и преподавателями, въ присутствіи учредителя школы и директора Казанской учительской семинаріи подъ руководствомъ сего послѣдняго, и

3. Съ 1 января 1878 г. назначить школѣ ежегодное на жалованье преподавателямъ пособіе въ размѣрѣ 600 р.

Руководство директора семинаріи на практикѣ не ограничивается личнымъ присутствіемъ на экзаменахъ. Установился обычай одновременно съ окончательными испытаніями производить педагогическимъ совѣтомъ учительской семинаріи экзаменъ оканчивающимъ курсъ Крещено-татарской школы на званіе учителя (учительницы) начальнаго инородческаго училища.

Въ 1883 году школа была расширена прибавленіемъ III класса и, наконецъ, съ 1901—2 учебнаго года, когда Министерство Народнаго Просвѣщенія стало отпускать школѣ ежегодное пособіе въ 6.000 р., явилась возможность прибавить IV классъ, съ объемомъ преподаванія не ниже программы второклассныхъ церковно-приходскихъ учительскихъ школъ, и курсъ ученія сдѣланъ въ ней четырехгодичнымъ, что вмѣстѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ начальныхъ инородческихъ школъ, изъ которыхъ поступаютъ въ нее учащіеся, составляетъ восьмилѣтній курсъ для обучающихся въ ней воспитанниковъ и воспитанницъ. Въ 1908—1909 г. при школѣ открыто начальное, смѣшанное для мальчиковъ и дѣвочекъ, образцовое училище на средства неизмѣннаго благодѣтеля школы, ея попечителя Павла Васильевича Щетинкина, много удѣлившаго и удѣляющаго и матеріальныхъ средствъ и заботливаго вниманія къ нуждамъ школы. Почти съ первыхъ лѣтъ своего существованія школа имѣетъ два отдѣленія: мужское и женское. За 50 лѣтъ существованія школы въ ней обучалось 4.697 мальчиковъ и 1.996 дѣвочекъ; окончило курсъ и выдержало экзаменъ на званіе учителя или учительницы начальной инородческой школы 649 юношей и 279 дѣвушекъ.

Въ прошломъ учебномъ году въ мужской школѣ, помѣщающейся въ главномъ каменномъ зданіи обучалось около 120 мальчиковъ. Всѣ учащіеся живутъ въ зданіи школы (есть своекоштные—50 человѣкъ,—платящіе 20—36 руб. за свое содержаніе въ годъ) и получаютъ отъ нея учебники, учебныя пособія, письменныя принадлежности, постель и простую, крестьянскую пищу.

Съ цѣлью дать воспитанникамъ IV класса школы свѣдѣнія по педагогикѣ и миссіонерству, необходимыя имъ для прохожденія учительскихъ должностей въ начальныхъ инородческихъ школахъ, имъ сообщаются свѣдѣнія по дидактикѣ и методикѣ преподаванія всѣхъ предметовъ курса начальной школы въ объемѣ программы Ильминскаго, а также дается подготовка по обличенію мусульманства. Съ этой цѣлью проф. Казанской Духовной Академіи М. А. Машановъ ведетъ особый курсъ, заключающійся въ сопоставленіи магометанскаго вѣроученія съ христіанскимъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ въ объемѣ катихизиса митрополита Филарета. Практическія занятія преподаваніемъ ученики выпускного класса вели въ образцовомъ начальномъ при школѣ училищѣ нерѣдко въ присутствіи Директора учительской семинаріи. Въ мужскомъ отдѣленіи школы въ прошломъ году окончило курсъ 14 человѣкъ.

Въ женской школѣ обучалось около 60 человѣкъ. Программа преподаванія въ женской школѣ такая же, какъ и въ мужской. Во внѣклассное время всѣ ученицы, по исполненіи обязательныхъ для нихъ работъ по школьному хозяйству, занимаются рукодѣліемъ: шитьемъ и починкой бѣлья для себя и учениковъ, вязаньемъ и т. п. Въ прошломъ году курсъ женской школы окончило 19 дѣвушекъ, изъ коихъ 18 поступили на учительскія мѣста, а одна—для продолженія образованія въ Казанское епархіальное училище.

Въ образцовомъ училищѣ, организованномъ по системѣ Ильминскаго, состоитъ 30 человѣкъ; мальчики живутъ въ самомъ зданіи училища, очень свѣтломъ и просторномъ, а дѣвочки—вмѣстѣ съ ученицами школы.

При школѣ имѣется общая для мужского и женскаго отдѣленій библіотека, заключающая въ себѣ 3245 названій, 4756 томовъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія.

Завѣдывающимъ школой состоитъ священникъ о. Тимоѳей Егоровъ, крещеный татаринъ, человѣкъ весьма энергичный и, повидимому, серіозно преданный интересамъ школы и дѣла. Остальной преподавательскій персоналъ обладаетъ болѣе чѣмъ

достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и отношенія его къ дѣлу явно не чужды безкорыстнаго, идейнаго характера.

Дѣти, даже недавно поступившія, вполнѣ удовлетворительно владѣютъ русскимъ языкомъ. Содержится школа въ образцовомъ порядкѣ. Свящ. Егоровъ жаловался, что изъ школъ Оренбургскаго округа поступаютъ въ крещено-татарскую школу дѣти съ хорошимъ знаніемъ русскаго языка, но безъ всякаго знанія Закона Божія; судя по тому, что дѣти могутъ говорить по церковно-славянски молитвы, не понимая совершенно ихъ содержанія, онъ заключаетъ, что преподаваніе Закона Божія въ школахъ этого Округа, очевидно, ведется не на родномъ языкѣ, въ чемъ онъ, какъ я уже имѣлъ случай сказать выше, не далекъ отъ истины. Въ виду того, что въ образцовую школу поступаютъ дѣти съ различнымъ уровнемъ знанія русскаго языка, не приходится, по заявленію о. Егорова, строго придерживаться установленныхъ для продолжительности обученія на родномъ языкѣ и для начала изученія русскаго языка сроковъ, въ чемъ о. Егоровъ не видитъ ущерба для дѣла, настаивая лишь на необходимости преподаванія Закона Божія на родномъ языкѣ въ теченіе всего курса.

Содержится школа, главнымъ образомъ, на субсидію отъ Государя Императора (250 р.), Императрицы Маріи Ѳеодоровны (250 р.), Министерства Народнаго Просвѣщенія (6.000 р.), Православнаго миссіонерскаго общества (3.450 р.) *), Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ (700 р.) *), отъ Казанскаго губернскаго земства (500 р.) и на щедрыя пожертвованія попечителя школы П. В. Щетинкина. Общій бюджетъ школы въ 1914 году достигалъ 18.926 р. 74 к.

Для школьнаго и внѣшкольнаго употребленія школа издала 77 названій книгъ, разошедшихся въ количествѣ 600.000 экземпляровъ. Многочисленными учениками и ученицами школы, обыкновенно работающими въ самыхъ глухихъ углахъ Казанскаго и Уфимскаго края, книги эти на понятномъ всѣмъ татарамъ языкѣ прочитываются не только татарамъ крещенымъ, но

*) Мнѣ говорили въ Казани, что ревизовавшій школу, по порученію Синода, ревизоръ Р., ошибочно показалъ вмѣсто этихъ цифръ — 34.500 р. и 7.000 р. и, благодаря этому оказалось, что школа содержится, главнымъ образомъ, на средства Синода. Это обстоятельство и имѣло рѣшающее значеніе въ разрѣшеніи вопроса о подчиненности школы: какъ содержащаяся почти исключительно на „духовныя средства" она и была признана подчиненной Синоду, о чемъ и состоялся соотвѣтственный указъ, не приведенный пока въ исполненіе, въ виду возникшей по его поводу переписки.

и магометанамъ (въ особенности киргизамъ). Значеніе этого факта не поддается учету, но въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія оно несомнѣнно велико.

Такимъ образомъ, культурныя заслуги школы нельзя не признать значительными, и это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при разрѣшеніи вопроса о примѣненіи того или иного мѣропріятія къ этой школѣ. Есть лица, которыя недовольны дѣятельностью школы, усматривающія даже стремленіе съ ея стороны къ отатариванію чувашъ, въ подтвержденіе чего приводятъ случаи назначенія въ среду чувашъ Цивильскаго и Тетюшскаго уѣздовъ священниковъ и учителей изъ татаръ, которые и занимаются отатариваніемъ; указываютъ далѣе на 9 деревень, населенныхъ чувашами, находящимися подъ сильнымъ вліяніемъ крещеныхъ татаръ; вслѣдствіе того, между прочимъ, что назначаемые къ нимъ учителя и священники пользуются исключительно татарскимъ, а не чувашскимъ языкомъ. Эти факты (?) отнюдь не могутъ служить доказательствомъ какой-либо противогосударственной дѣятельности со стороны крещеныхъ татаръ, такъ какъ чуваши указываемыхъ 9 деревень давно уже говорили по-татарски еще до назначенія къ нимъ учителей. То, что учителя и священники вели обученіе и богослуженіе для чувашъ на татарскомъ языкѣ, также не можетъ служить доказательствомъ стремленія къ отатариванію. Священники и учителя говорили съ чувашами на языкѣ, *понятномъ* для послѣднихъ, каковымъ являлся языкъ не чувашскій, а татарскій. Въ этомъ случаѣ обвинители (главнымъ образомъ чуваши же) умышленно или неумышленно допускаютъ смѣшеніе двухъ понятій: языкъ національный и языкъ родной—понятій далеко не тождественныхъ. Для армянъ національнымъ языкомъ является языкъ армянскій, но для армянъ нѣкоторой части Россіи, гдѣ армяне не говорятъ по-армянски, роднымъ языкомъ будетъ не армянскій, а тотъ, на которомъ они говорятъ. Равнымъ образомъ и для чувашъ, не говорившихъ по-чувашски, роднымъ языкомъ сталъ татарскій, хотя чувашскій и остался ихъ національнымъ языкомъ. Поэтому учителя и священники, говорившіе съ чувашами, не понимавшими другого языка, кромѣ татарскаго, по-татарски, поступали правильно и не только не проявили никакихъ націоналистическихъ тенденцій, но обвиненіе въ націонализмѣ могутъ съ большимъ правомъ предъявить своимъ обвинителямъ, требовавшимъ преподаванія, во что бы то ни стало, на языкѣ *національномъ*, хотя бы онъ и не являлся *роднымъ* для извѣстной части населенія. Не замѣтно никакой націоналистической окраски и въ характерѣ

переводческой дѣятельности крещеныхъ татаръ, чего нельзя сказать, напр., о чувашахъ (объ этомъ подробно будетъ сказано ниже).

Вопросъ о подчиненности оригинальной по своей организаціи Крещено-татарской школы уже въ теченіе болѣе чѣмъ 15 лѣтъ занимаетъ умы дѣятелей Казанскаго края. Въ 1900 году Попечитель Казанскаго учебнаго округа возбудилъ ходатайство о передачѣ школы въ полное вѣдѣніе св. Синода, основываясь на томъ, что юридически положеніе школы является весьма неопредѣленнымъ, представляя собою не то частное, не то казенное учебное заведеніе, подчиненное директору учительской семинаріи; ея безспорно миссіонерскій характеръ плохо вяжется съ задачами нашей министерской школы; школа не имѣетъ опредѣленной программы: объемъ преподаванія въ ней—нѣчто среднее между курсомъ двухклассныхъ училищъ и учительскихъ семинарій; выпускаемые школой учителя мало пригодны для Округа, такъ какъ всѣ крещено-татарскія школы находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи Братства св. Гурія, а не Министерства Народнаго Просвѣщенія; вообще школа по особенностямъ своего характера болѣе подходитъ къ духовному вѣдомству. Ходатайство это до сихъ поръ удовлетворительнаго разрѣшенія не получило, хотя вопросъ этотъ и до сихъ поръ занимаетъ вниманіе извѣстной части прессы и общества. Епископъ Андрей, не желая повторять „ошибки Ильминскаго — навязыванія миссіонерской дѣятельности тому вѣдомству, которое не хочетъ ея признавать и отъ нея отказывается“, „забывая, что русское просвѣщеніе ничѣмъ инымъ можетъ отличаться отъ татарскаго, какъ своимъ православіемъ, своей повышенной идейностью (*татарское* просвѣщеніе можетъ распространяться и на русскомъ языкѣ и самый языкъ еще не можетъ характеризовать того или иного просвѣщенія)“,—считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ подчинить Крещено-татарскую школу вѣдѣнію Церкви, превратить ее въ церковно-учительскую школу, съ непремѣннымъ, однако, условіемъ, чтобы она была обставлена такъ же, какъ Казанская учительская семинарія.

Братство св. Гурія, однако, находитъ болѣе предпочтительнымъ сохранить и впредь то положеніе, которое занимаетъ школа. Въ этомъ смыслѣ состоялось и постановленіе Совѣта Братства. „Съ полнымъ подчиненіемъ Синоду школѣ предстоитъ утратить не только свой характеръ, но и главный источникъ своего содержанія—пособіе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (6000 р.)“, говоритъ Предсѣдатель Совѣта Миссіонерскихъ курсовъ

въ Казани игуменъ Іоасафъ: „съ установленіемъ же полнаго подчиненія Министерству Народнаго Просвѣщенія послѣднее быстро уничтожитъ миссіонерскую подготовку учащихся, очень скоро уничтожится и татарскій языкъ въ преподаваніи и въ богослуженіи, школа обратится въ заурядную двухклассную или высшаго типа начальную школу съ интернатомъ. Весьма, поэтому нежелательно разрушать эту связь школы съ Братствомъ св. Гурія. Необходимо оставить все по старому".

Позволю себѣ высказать и свое мнѣніе по данному вопросу. Мнѣ кажется, что сохраненіе нынѣшняго положенія школы, хотя оно и отличается значительной неопредѣленностью, было бы наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса, удовлетворило бы наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ лицъ и явилось бы актомъ справедливаго вниманія къ заслугамъ школы въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Сохраненіе въ вѣдѣніи *Министерства* Народнаго Просвѣщенія школы съ миссіонерскимъ характеромъ было бы своего рода эмблемой того направленія, которое должны проводить въ краѣ насадители въ немъ просвѣщенія, своего рода предуказаніемъ для нихъ, что, хотя министерская школа и не призвана на нашей восточной окраинѣ дѣлать миссіонерское дѣло, однако она должна оттѣнять въ своей дѣятельности религіозно-нравственное направленіе въ виду особенности культурной обстановки края, столь отличной отъ обстановки окраины западной. Школа должна своимъ существованіемъ напоминать, что нельзя въ Казанскомъ краѣ примѣнять въ просвѣтительныхъ цѣляхъ тѣ же пріемы, какіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ примѣняются въ Прибалтійскомъ и Привислинскомъ краѣ.

Казанская учительская (инородческая) семинарія.

Въ тѣсной связи съ Крещено-татарской школой находится Казанская учительская семинарія *). Основана она была 26 октября 1872 г. и первымъ ея директоромъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 27 декабря 1891 года, былъ Н. И. Ильминскій. Видя причину розни или отчужденности инородцевъ отъ русскаго народа не въ воспоминаніи о кровавыхъ столкновеніяхъ съ русскими въ былое время, не въ религіозной исключительности, не въ сознательномъ стремленіи къ поддержанію своей національ-

*) По мнѣнію Епископа Андрея, Казанская учительская семинарія создана Н. И. Ильминскимъ для учениковъ Крещено-татарской школы и школъ подобнаго типа („О церковно-учительскихъ школахъ въ Приволжьи"—Сотрудникъ, 818).

вости, такъ какъ для этого необходима извѣстная развитость, чего наши инородцы не имѣютъ,—а въ неподвижности своеобразнаго инородческаго быта, привычекъ и понятій, въ косности совершенно, такъ сказать, пассивнаго свойства, Ильминскій видѣлъ и средство къ устраненію этой розни въ христіанскомъ воспитаніи. Въ виду этого и на семинарію онъ смотрѣлъ какъ на разсадникъ, главнымъ образомъ, нравственно-религіозныхъ идей и понятій. Поэтому къ педагогикѣ, со всѣми ея теоріями о воспитаніи онъ относился отрицательно, полагая, что „душу образованія, основаніе всего должна составлять религіозность", что „религіозно-нравственное одушевленіе придаетъ энергію и живость даже научнымъ занятіямъ". „Чтобы многолюдное собраніе учащихся удержать въ порядкѣ", говорилъ онъ: „нужно одушевить молодые умы высшей идеей будущаго ихъ служенія, поддерживать въ нихъ христіанское, религіозное одушевленіе, любовь къ труду, гуманный идеализмъ, словомъ держать ихъ въ постоянномъ умственномъ и нравственномъ напряженіи". Это было его глубокое убѣжденіе, которое онъ проводилъ на дѣлѣ, чему доказательствомъ служитъ особый характеръ, которымъ отличаются еще теперь бывшіе воспитанники семинаріи его времени, какъ мнѣ удалось въ томъ убѣдиться непосредственно. Изъ этихъ его взглядовъ вытекъ и весь строй семинаріи, всѣ распорядки жизни учебнаго заведенія, вся постановка въ ней учебно-воспитательнаго дѣла. Съ его смертью умеръ и духъ, пропикавшій всѣ стороны семинарской жизни. Его преемники сами должны были быть Ильминскими для того, чтобы вести дѣло въ намѣченномъ имъ направленіи. Но Ильминскими они не были. . . . . И постепенно формы жизни, установленныя Ильминскимъ, теряли свое содержаніе, сохраняя лишь внѣшнюю оболочку, превратились въ своего рода обрядъ, лишенный одухотворяющей его идеи... Дошло дѣло до того, что даже молитва, игравшая при Ильминскомъ величайшую воспитательную роль, и имѣвшая большое значеніе какъ въ общей, такъ и въ индивидуальной жизни ея воспитанниковъ, — стала вдругъ поводомъ для проявленія кощунственнаго настроенія семинаристовъ... Появились подметныя письма возмутительнаго содержанія... Произошелъ, словомъ, полный крахъ системы Ильминскаго, лишенной самого Ильминскаго.

Во главѣ семинаріи стоитъ въ настоящее время лицо, ранѣе служившее въ Литвѣ и Таврической губерніи, въ обстановкѣ совершенно отличной отъ той, въ которой ему приходится работать. Весьма тактичный и осторожный, дѣятель этотъ, видя недостатки существующаго въ семинаріи порядка, осторожно при-

ступаетъ къ ихъ устраненію, чтобы слишкомъ рѣзкимъ переломомъ не обострить, безъ всякой пользы для дѣла, отношеній съ лицами, такъ или иначе заинтересованными въ сохраненіи прежняго. Педагогическій персоналъ производитъ вполнѣ удовлетворительное впечатлѣніе, хотя общее самочувствіе его, подъ вліяніемъ пережитыхъ въ послѣднее время треволненій въ жизни семинаріи, и нельзя признать нормальнымъ. Чувствуется, что педагоги считаютъ за лучшее „уйти въ себя", не будучи увѣрены, что то или иное высказанное ими мнѣніе будетъ одобрено начальствомъ и не поставлено имъ въ вину. Преподаватель русскаго языка на урокѣ, на которомъ мнѣ удалось присутствовать, обнаружилъ достаточное знаніе предмета, но не удовлетворилъ меня, такъ какъ его урокъ не былъ безупречнымъ въ методическомъ отношеніи, каковы должны быть всѣ уроки, даваемые будущимъ учителямъ, склоннымъ впослѣдствіи учить такъ, какъ учили ихъ и на дѣлѣ рѣзко отграничивающихъ практику преподаванія отъ ея теоріи.

Въ семинаріи обучается 168 воспитанниковъ, въ томъ числѣ 145 стипендіатовъ. Среди учащихся преобладающее мѣсто занимаютъ инородцы; русскихъ—68. По моимъ наблюденіямъ и по отзыву преподавателей и директора, ученики вполнѣ свободно владѣютъ русскимъ языкомъ, что въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что и во внѣурочное время они говорятъ между собой по-русски. Отношенія между русскими и инородцами самыя нормальныя. Ожиданія Ильминскаго, что „такъ какъ семинарія представляетъ собою родъ семьи, въ которой всѣ воспитанники, несмотря на разность племенную, живутъ мирно, трудятся для одной цѣли, взаимно помогаютъ другъ другу въ занятіяхъ, здѣсь должны завязаться и созрѣть симпатіи не абстрактныя, а дѣйствительныя"—оправдываются въ значительной мѣрѣ. Поведеніе учениковъ по отзыву директора, равно какъ и отношеніе ихъ къ дѣлу не вызываютъ никакихъ особыхъ нареканій. Изъ инородцевъ лучше другихъ успѣваютъ чуваши, хуже всего вотяки *) и крещеные татары.

При семинаріи состоятъ 4 начальныхъ училища (вотское, черемисское, чувашское и мордовское). Училища эти ко времени моего посѣщенія семинаріи еще не начинали своей дѣятельности. Представилось затрудненіе подыскать для мордовскаго училища

*) По мнѣнію компетентныхъ лицъ, вотяки, вообще, народность вырождающаяся подъ вліяніемъ неумѣреннаго потребленія водки собственнаго производства („кумышка").

дѣтей, совершенно незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, такъ какъ мордва уже весьма значительно обрусѣла. Во всѣхъ училищахъ положено по штату 60 учениковъ, но рѣдко достигаетъ этой цифры. При наличности четырехъ инородческихъ училищъ *) (всѣ училища съ четырехгодичнымъ курсомъ) при семинаріи не имѣется русскаго училища: для практики преподаванія въ русскомъ училищѣ, семинаристы изрѣдка даютъ уроки въ одномъ изъ приходскихъ училищъ, что представляетъ весьма значительныя неудобства. При 4 училищахъ состоятъ по штату и 4 учителя, занимающіеся одновременно съ двумя отдѣленіями (пріемъ въ училища происходитъ черезъ годъ).

Вопросъ объ инородческихъ училищахъ при семинаріи также являлся однимъ изъ такихъ, которые вызывали большія тренія между учебной администраціей и соприкасающимися съ семинаріей дѣятелями. Въ свое время было возбуждено ходатайство о преобразованіи 4 инородческихъ училищъ при семинаріи въ двухклассныя, но Попечитель Округа ходатайства этого не поддержалъ. Онъ считалъ болѣе цѣлесообразнымъ ограничиться пріемомъ только русскихъ, черемисъ и мордвы, такъ какъ татары могли учиться въ крещено-татарской школѣ, а чуваши въ Симбирской, вотяки же настолько обрусѣли, что въ отдѣльныхъ школахъ не нуждаются.

Покойный Министръ Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо во время посѣщенія Казанской семинаріи, какъ мнѣ говорили, приказалъ упразднить существующія при семинаріи 4 инородческихъ училища и замѣнить ихъ однимъ двухклассныхъ училищемъ общаго типа. Приказаніе это, однако, не было приведено въ исполненіе.

Мнѣ кажется непонятнымъ существованіе при семинаріи 4 инородческихъ училищъ какъ во времена директорства Ильминскаго, такъ и послѣ него. Необходимость учрежденія этихъ училищъ, вѣроятно, мотивировалась въ свое время желаніемъ дать будущимъ учителямъ необходимую практическую подготовку для занятій въ инородческой школѣ. Желаніе вполнѣ законное и понятное, но едва ли слѣдовало вносить такую дифференціацію въ подготовку: слѣдуетъ ознакомить будущихъ учителей съ пріемами преподаванія въ инородческой школѣ вообще, съ пріемами обученія дѣтей, незнающихъ русскаго языка, но едва ли вызывается необходимостью ознакомленіе семинаристовъ съ пріемами

*) Кромѣ того, семинаристы имѣютъ для практики преподаванія въ своемъ распоряженіи и Крещено-татарскую школу.

обученія отдѣльно дѣтей чувашъ, дѣтей черемисъ, дѣтей вотяковъ, дѣтей крещеныхъ татаръ, дѣтей мордвы и т. д. Пріемы обученія во всѣхъ этихъ случаяхъ остаются одни и тѣ же, разница лишь въ языкѣ преподаванія. Съ этой точки зрѣнія существованіе при семинаріи 4 инородческихъ училищъ, съ весьма притомъ ограниченнымъ составомъ учащихся въ каждомъ (10—12 въ отдѣленіи) представляется мнѣ излишнимъ. Еще болѣе страннымъ представляется мнѣ существованіе ихъ при Ильминскомъ, который, отрицательно, вообще, относясь къ практической подготовкѣ къ преподаванію и не считая нужнымъ допускать семинаристовъ къ занятіямъ въ училищѣ, все же имѣлъ цѣлыхъ 4 училища. Единственное объясненіе этого обстоятельства заключается въ томъ, что Ильминскій смотрѣлъ на эти училища, какъ на подготовительныя учрежденія къ семинаріи, дававшія въ распоряженіе послѣдней нѣкоторый контингентъ учащихся инородцевъ. Поэтому преобразованіе 4 инородческихъ училищъ въ двухклассное училище, но не общаго типа, а по Правиламъ 14 іюня 1913 г. представляется мнѣ мѣрой вполнѣ цѣлесообразной. Было бы также желательно, чтобы русскіе, обучающіеся въ семинаріи, изучали въ ней какой-либо изъ мѣстныхъ языковъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Казанской женской учительской семинаріи и въ Оренбургской киргизской учительской школѣ. Особенно желательно изученіе языковъ черемисскаго и татарскаго въ виду наличности большей, сравнительно съ другими, нужды въ знаніи этихъ языковъ для нуждъ школы, вслѣдствіе меньшей обрусѣлости населенія, говорящаго на этихъ языкахъ.

При семинаріи имѣется прекрасная церковь, въ которой въ установленномъ порядкѣ происходитъ богослуженіе при участіи воспитанниковъ. Прежде въ церкви примѣнялось по извѣстной очереди пѣніе на всѣхъ инородческихъ языкахъ. Теперь оно отмѣнено.

Въ начальныхъ школахъ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ не долѣе конца перваго полугодія; практиковавшійся прежде обычай, во что бы то ни стало, вести обученіе на родномъ языкѣ въ теченіе 2 лѣтъ нынѣ также отмѣненъ.

Симбирская чувашская учительская школа.

Въ отношеніи распространенія образованія въ массѣ населенія изъ всѣхъ инородцевъ Казанскаго края въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ оказались чуваши, благодаря энергіи и фа-

натической преданности дѣлу просвѣщенія своихъ соплеменниковъ нынѣшняго инспектора Симбирской чувашской школы И. Я. Яковлева, который и явился основателемъ Симбирской школы. И. Я. происходитъ изъ крестьянъ чувашъ деревни Копки-Новотимбаевой, Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Прежде чѣмъ выбиться изъ темной крестьянской семьи, гдѣ вѣровали не то по-языčески, не то по-магометански и говорили смѣшаннымъ чувашско-татарскимъ языкомъ, И. Я. прошелъ длинный путь всякаго рода лишеній и испытаній. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ служилъ, между прочимъ, удѣльнымъ мѣрщикомъ. Еще будучи ученикомъ VI класса Симбирской гимназіи и задавшись цѣлью дать возможность своимъ соплеменникамъ „пробиться къ Божьему свѣту“, И. Я. въ концѣ 1868 года выписалъ изъ родной деревни троихъ мальчиковъ, помѣстилъ ихъ въ своей собственной ученической квартиркѣ, содержалъ ихъ на тѣ ничтожные гроши, которые зарабатывалъ уроками и самъ же, съ помощью своихъ товарищей, съ ними занимался. Мальчики оказались способными и поступили въ уѣздное училище. Предъ отправленіемъ въ 1870 г. въ Казанскій Университетъ, И. Я., разставаясь со своей школой, въ которой въ то время было 4 ученика, просилъ директора народныхъ училищъ Вишневскаго помочь существованію его школы. „Богу угодно было“, писалъ онъ Вишневскому: „направить меня по болѣе правильному пути, чѣмъ моихъ собратій и настоящее безотрадное положеніе ихъ заставило меня задуматься надъ положеніемъ моихъ сородичей. Сельская школа научила и воспитала меня въ христіанской религіи, а послѣдующія обстоятельства сдѣлали меня русскимъ, и я горжусь этимъ именемъ, нисколько не гнушаясь, однако, именемъ чувашенина и не забывая своего происхожденія. Будучи христіаниномъ, любя Россію и вѣруя въ ея великую будущность, я отъ души желалъ бы, чтобы чуваши были просвѣщены свѣтомъ Евангелія и слились въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ. То и другое, какъ важное и необходимое для счастья и блага чувашъ, составляетъ предметъ моихъ сердечныхъ мечтаній и желаній“.

Буинское земство дало школѣ необходимое пособіе и когда въ 1876 г. И. Я., познакомившійся въ Казани съ Ильминскимъ и съ созданной послѣднимъ системой просвѣщенія восточныхъ инородцевъ, вернулся въ Симбирскъ въ качествѣ окружнаго инспектора чувашскихъ школъ, его школа была передана въ его непосредственное вѣдѣніе и въ 1877 г. получила наименованіе Центральной чувашской школы.

Въ основу жизни и дѣятельности школы положены тѣ самыя идеи, на которыхъ строилась система Ильминскаго: идея просвѣщенія чувашъ, хотя и крещеныхъ 200 лѣтъ тому назадъ, свѣтомъ Евангелія, идея національнаго сліянія чувашъ съ русскимъ народомъ путемъ сохраненія индивидуальности народной въ языкѣ и объединеніемъ ея русской графикой и религіознымъ міровоззрѣніемъ и идея примѣненія роднаго языка въ начальномъ обученіи и за богослуженіемъ въ чувашскихъ приходахъ. Важнымъ моментомъ въ исторіи Симбирской школы былъ 1890 годъ, когда она была переименована въ „Симбирскую чувашскую учительскую школу“ и получила Высочайше утвержденные Положеніе и штатъ, при чемъ сумма отпускавшихся Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ 1880 г. средствъ увеличилась съ 3.950 р. до 10.940 р. въ годъ. Впослѣдствіи разными распоряженіями сумма эта была увеличена до 16.000 р.

Школа быстро завоевала себѣ всеобщее довѣріе. Чувашское населеніе оцѣнило ее, какъ разсадникъ просвѣщенія, естественный путь для движенія впередъ лучшихъ своихъ элементовъ. Помимо подготовки учителей, школа взяла на себя и другую спеціальную задачу—подготовку священниковъ. Особое вниманіе обращается въ школѣ на русскій языкъ. Благодаря этому оканчивающіе курсъ (шестигодичный) школы въ достаточной степени усваиваютъ русскій языкъ. Все дѣло обученія въ школѣ ведется на русскомъ языкѣ; чувашскій же языкъ остается только для начальныхъ школъ и для практическихъ занятій въ образцовыхъ при школѣ училищахъ. Въ особо широкихъ размѣрахъ преподавались въ школѣ пѣніе и музыка, къ которой чуваши чувствуютъ особую склонность и обнаруживаютъ большія способности. Кромѣ того, ученики подъ руководствомъ мастера-спеціалиста обучаются токарно-столярному ремеслу, для чего при школѣ имѣется хорошо обставленная мастерская. Теоретически и практически проходится въ школѣ и сельское хозяйство. Въ 1894 году Симбирскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ была предоставлена школѣ во временное пользованіе ферма, на которой ученики въ лѣтнее время производили всякаго рода работы по сельскому хозяйству. Въ настоящее время школа арендуетъ для такихъ работъ у удѣльнаго вѣдомства 200 десятинъ земли.

Съ 1878 г. къ мужской чувашской школѣ присоединилось женское училище для образованія чувашскихъ дѣвушекъ и для подготовки ихъ къ преподаванію въ начальныхъ женскихъ чувашскихъ школахъ. У чувашъ, живущихъ исключительно семейно-бытовой жизнью, женщина имѣетъ такое же значеніе, какъ

и мужчина. Тѣмъ нужнѣе было для нея образованіе. Вопросъ объ открытіи женскаго чувашскаго училища былъ поднятъ въ 1876 г. гр. Д. А. Толстымъ. Родители не пускали дѣвочекъ въ новую школу, открытую притомъ въ городѣ, а не въ деревнѣ, какъ предполагалъ гр. Д. А. Толстой. Дѣвочки стали убѣгать въ Симбирскъ. „Доселѣ неслыханное дѣло“, говорили матери: „чтобы чувашскія дѣвочки убѣгали въ городъ. Подумайте о томъ, за кого вы послѣ выйдете замужъ“. Въ ноябрѣ 1878 г. всѣхъ дѣвушекъ набралось уже 19. 1 іюля 1890 г. отдѣленіе при чувашской школѣ было переименовано въ женское чувашское училище. Ближайшій надзоръ приняла супруга И. Я. Яковлева, выросшая и воспитавшаяся въ семьѣ Ильминскаго.

Курсъ обученія въ женской школѣ пятилѣтній. Исходя изъ того положенія, что женщины не должны въ своемъ просвѣщеніи воспроизводить формы мужского образованія, а должны развивать преимущественно тѣ стороны народной и общественной жизни, которыя свойственны женскому полу, И. Я. Яковлевъ образованіе и воспитаніе чувашскихъ дѣвицъ сосредоточилъ преимущественно на христіанскомъ воспитаніи и на пріученіи къ правильному домоводству.

Со стороны внутренняго распорядка жизни Симбирская школа представляетъ много оригинальнаго и своеобразнаго. По мысли учредителя, ученики школы, готовясь къ скромному служенію въ убогой деревенской обстановкѣ, въ условіяхъ патріархальнаго народнаго быта, должны воспитывать себя въ простотѣ и скромности и ни въ чемъ не позволять себѣ отступленій отъ бытовыхъ традицій роднаго народа. Въ школѣ все удобно, здорово, просто, сытно, тепло, сухо, но отнюдь не роскошно, ничуть не комфортабельно. Ученики въ школѣ не пьютъ чаю и по утрамъ получали только горячій завтракъ, а по вечерамъ тоже, что и на обѣдѣ. Бѣлый хлѣбъ разсматривается какъ излишнее и неподходящее лакомство. Койки въ школѣ появились недавно; ранѣе ученики спали на нарахъ или просто на полу на войлочныхъ подстилкахъ. Одѣваются ученики и ученицы въ такіе же кафтаны, поддевки, простые сапоги, валенки и лапти, какъ и въ деревнѣ. Обращается вниманіе лишь на чистоту и опрятность костюма. Всѣ работы въ школѣ по уборкѣ классовъ, столовой и другихъ комнатъ, по отопленію и освѣщенію ихъ, по уходу за садомъ и огородомъ, по изготовленію и починкѣ партъ и т. п. выполняются самими учениками, а иногда и являющимися на свиданье съ дѣтьми ихъ родителями, для которыхъ, какъ и вообще для всѣхъ чувашъ, школа является и мѣстомъ ночлега

и мѣстомъ, гдѣ онъ найдетъ и добрый совѣтъ, а иногда и матеріальную поддержку. Эта близость школы къ чувашскому населенію создала то граничащее съ благоговѣніемъ уваженіе къ ней, которое является залогомъ дальнѣйшаго процвѣтанія школы. Если въ началѣ дѣятельности школы учредителю приходилось самому ѣздить по деревнямъ и самому убѣждать чувашъ отдавать дѣтей въ школу, то ужъ послѣдніе лѣтъ 15—20 школа вынуждена бываетъ отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ мѣсть. Въ началѣ 80-хъ годовъ общее число учащихся превышало 100 человѣкъ, а къ 1900 году это число возросло до 300. Въ настоящемъ году на 30 вакансій явилось экзаменоваться въ мужскую школу 109, въ женскую—89 человѣкъ.

При школѣ имѣется два (мужское и женское) приходскихъ двухклассныхъ училища, на содержаніе которыхъ Министерство Народнаго Просвѣщенія отпускаетъ 7.075 р.

Кромѣ того, при школѣ существуютъ женскіе педагогическіе двухгодичные курсы, получающіе казенную субсидію въ размѣрѣ 1.000 р. въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ все больше и больше опредѣлялся серіозный и солидный характеръ постановки дѣла въ Симбирской чувашской школѣ, различныя земства Симбирской, Казанской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерній учреждали при ней свои стипендіи, общая сумма которыхъ достигаетъ 6.000 р. Большія услуги дѣлу процвѣтанія школы оказалъ ея почетный попечитель И. Я. Шатровъ, въ различное время пожертвовавшій на постройку зданій для школы свыше 20.000 руб.

Симбирская чувашская школа оказала огромное вліяніе на развитіе просвѣщенія среди чувашъ. Выпуская вполнѣ, по общему отзыву, подготовленныхъ учителей и учительницъ, она содѣйствовала тому, что грамотныхъ чувашъ можно считать теперь десятками тысячъ, тогда какъ прежде грамотный чувашенинъ представлялъ собой „явленіе удивительное и маловѣроятное“.

Во многихъ приходахъ священническія мѣста занимаютъ чуваши, по выходѣ изъ школы продолжавшіе свое образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ. За время своего существованія школа дала краю болѣе 1000 учителей, учительницъ и священниковъ изъ чувашъ. Чувашская школа дала толчокъ и среднему образованію: теперь среди чувашъ можно насчитать обучающихся въ средней школѣ до 500—600, получившихъ высшее образованіе 50—60 человѣкъ.

Учредитель школы И. Я. Яковлевъ выработалъ для чувашъ особую транскрипцію, русскую, но нѣсколько отличающуюся отъ

транскрипціи, принятой Ильминскимъ для крещеныхъ татаръ. При помощи этой транскрипціи имъ и его сотрудниками переведены на чувашскій языкъ книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, почти всѣ книги богослужебныя, а также многія руководства по сельскому хозяйству, по медицинѣ, книги историческія, кое-что изъ классической русской литературы (напр. „Аленькій цвѣточекъ"—Аксакова, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича" —Лермонтова, „Дикіе лебеди"—Андерсена и др.). Книги эти разошлись въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ.

Выработанная транскрипція для чувашъ значительно отличается отъ существующей транскрипціи для киргизъ. Въ ней слишкомъ много условныхъ знаковъ и условностей произношенія, которыхъ при желаніи легко можно было бы избѣжать. Такъ напр. чувашское: „Лаша хыта утат" нужно читать: „Ложа хыда удадь", такъ какъ ш между 2 гласными произносится какъ ж., а т—за д условность, которой можно было избѣжать, и которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что перейдя къ русскому чтенію, дѣти произносятъ д вмѣсто т, ж вмѣсто ш, б вмѣсто п и т д.

Со стороны педагогической администраціи была сдѣлана попытка путемъ ссылки на ст. 762 т. IX св. Зак. изд. 1899 г., гдѣ въ перечнѣ „обитающихъ въ Россійской имперіи инородцевъ" не упомянуты чуваши, не считать послѣднихъ инородцами и тѣмъ лишить ихъ права имѣть школы, организованныя по Правиламъ 1 ноября 1907 г. Для чувашскихъ школъ Буинскаго уѣзда былъ, кромѣ того, рекомендованъ новый способъ обученія родному языку: постановленіемъ уѣзднаго училищнаго совѣта было поручено инспектору народныхъ училищъ „предложить учащимъ чувашскихъ школъ начать обученіе вновь принятыхъ учащихся не съ чувашской азбуки, какъ было до сихъ поръ, а съ русской, подготовивъ, къ этому дѣтей усиленными занятіями разговорнымъ языкомъ; съ отличительными буквами чувашской азбуки и съ чувашскимъ чтеніемъ рекомендовалось ознакомить по изученіи русскаго алфавита".

Симбирская чувашская школа и ея основатель имѣютъ огромное значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія края, создавъ цѣлый кадръ дѣятелей, имѣвшихъ то неоцѣнимое достоинство, что, получивъ образованіе, они не прерывали связи съ народомъ и не забывали интересовъ того крестьянскаго общества, изъ котораго вышли сами и дѣтей котораго являлись обучать и воспитывать.

Бирская инородческая учительская школа.

Для подготовки учителей въ начальныя училища существуетъ еще въ краѣ Бирская инородческая учительская школа въ городѣ Бирскѣ, Уфимской губерніи.

Школа учреждена въ 1882 году для мѣстныхъ инородцевъ язычниковъ финскаго племени особенно черемисъ и вотяковъ.

Школу я засталъ въ періодъ безначалія: еще не состоялось назначеніе новаго инспектора и управленіе ею находилось въ рукахъ законоучителя о. Сперанскаго, занятаго уроками въ женской гимназіи. Нѣкоторые изъ преподавателей и сейчасъ допускаютъ на урокахъ такіе методическіе пріемы, которые отзываются глубокой стариной и не рекомендуютъ съ выгодной стороны ихъ педагогической освѣдомленности. Вообще, въ Оренбургскомъ округѣ меня заставляла задумываться наличность очень серіозной работы по вопросамъ начальнаго образованія, выразившейся въ организаціи съѣздовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и изданіи трудовъ этихъ съѣздовъ (напр. Журналы съѣзда 1912 г.), и отсутствіе примѣненія этой работы и постановленій съѣздовъ непосредственно въ практикѣ учебнаго дѣла. Школа состоитъ изъ 4 классовъ. При ней имѣется начальное училище, но оно обращено въ приготовительный классъ, подготовляющій контингентъ учащихся для школы. Такое странное измѣненіе цѣли начальнаго училища должно оказывать вредное вліяніе на практическую подготовку воспитанниковъ школы, которые вынуждены заниматься практикой преподаванія въ другихъ начальныхъ училищахъ города.

Учащихся въ школѣ состоитъ 60 человѣкъ, а вмѣстѣ съ „начальнымъ училищемъ“ -70; изъ нихъ русскихъ—10, черемисъ—18, чувашъ—12, вотяковъ—13, крещеныхъ татаръ—12, мордвовъ—4, пермякъ 1. Инородцевъ язычниковъ—26.

За все время существованія школы инородцевъ-язычниковъ, прошедшихъ полный курсъ ея, было 94; изъ нихъ приняли крещеніе, будучи въ школѣ или по выходѣ изъ нея, 37 человѣкъ, или 39%. Такимъ образомъ, болѣе половины инородцевъ-язычниковъ, остались и по выходѣ изъ школы язычниками, несмотря на то, что будучи въ школѣ, они изучали Законъ Божій, ходили вмѣстѣ съ другими воспитанниками въ церковь и даже принимали непосредственное участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи (многіе даже съ успѣхомъ руководили церковнымъ хоромъ). Причина такого явленія заключается, какъ говорятъ, во вліяніи ро-

дителей и родственниковъ, въ боязни съ переходомъ въ христіанство утратить права на наслѣдственное имущество. Не безъ вліянія въ этомъ отношеніи была и тактика бывшаго инспектора школы, который, желая избѣгать всего, что могло бы отшатнуть отъ школы инородцевъ-язычниковъ, не разрѣшалъ принимать крещеніе до выхода изъ школы (въ настоящее время этотъ принципъ нарушенъ: въ 1915 г. крещены 2 ученика III класса). Тактику инспектора, по моему мнѣнію, нельзя не признать правильной. Черемисы-язычники не сторонятся русскихъ и, вообще, христіанъ, но требуютъ, тѣмъ не менѣе, въ вопросахъ религіозныхъ осторожнаго къ себѣ отношенія. Характернымъ въ этомъ смыслѣ является слѣдующій случай. Одинъ епископъ, объѣзжая селенія, населенныя черемисами-язычниками, весьма радушно его встрѣтившими, сталъ давать учащимся христіанскія имена *). Въ одной школѣ онъ предложилъ учительницамъ замѣнить ученикамъ языческія и магометанскія имена христіанскими съ согласія ихъ родителей. И учительницы въ классномъ журналѣ переименовали учащихся. Въ другой школѣ епископъ замѣнилъ имена самъ. По отъѣздѣ епископа, черемисы собрали всѣ учебники по Закону Божію, принесли въ школу и заявили учительницамъ, что больше посылать дѣтей въ школу не будутъ. Въ одной школѣ изъ 43 человѣкъ осталось только 15 учащихся.

Помѣщается Бирская школа въ старомъ зданіи, когда-то составлявшемъ помѣщеніе женскаго монастыря. Зданіе неудовлетворительно. Отдѣльно отъ школы въ 1898 г. построена очень хорошая церковь; въ этой церкви на богослуженіяхъ присутствуютъ учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній г. Бирска.

Было бы весьма желательно преобразовать Бирскую школу въ учительскую семинарію, въ виду того, что она должна обслуживать значительный районъ Бирскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, населенныхъ между другими и язычниками.

Постановка начальнаго образованія у отдѣльныхъ инородческихъ племенъ.

Общую постановку начальнаго образованія на нашей восточной окраинѣ нельзя признать удовлетворительной. Въ дѣлѣ просвѣщенія инородцы наши, находящіеся въ періодѣ приспособленія къ новымъ для нихъ условіямъ русской жизни, не находятъ надлежащей поддержки въ правильно поставленномъ образова-

*) У язычниковъ имена или татарскія, въ родѣ Султангирей, Исхакъ Абдулла или русскія клички: Вася, Васютка.

нiи. Лишь нѣкоторые изъ нихъ (башкиры, мордва и чуваши) уже пережили собственными силами критическій моментъ приспособленія и теперь успѣшно развиваются, остальные—не будучи въ состояніи приспособиться, близки къ вымиранію.

Лучше другихъ поставлено дѣло начальнаго образованія у чувашъ.

Мордва совершенно обрусѣла (за исключеніемъ женской половины населенія нѣкоторыхъ мѣстностей). Этотъ стойкій, энергичный народъ сумѣлъ воспринять русскую культуру безъ всякихъ подсобныхъ средствъ въ видѣ первоначальнаго преподаванія на родномъ языкѣ. Обрусѣніе мордвы настолько сильно, что многіе представители этого племени не желаютъ считать себя мордвой и просятъ считать и называть ихъ русскими.

Среди черемисъ образованіе поставлено весьма слабо. О положеніи образованія въ Бирскомъ уѣздѣ инспектора народныхъ училищъ говорятъ *): „Большинство о.о. законоучителей частью по сложности своихъ приходскихъ обязанностей, дальности разстоянія отъ школъ и затруднительности путей сообщенія, а частью по недостатку любви къ школьно-пастырскому дѣлу, проникновеннаго сознанія глубокой важности этой отрасли пастырскаго служенія, по отсутствію личнаго воодушевленія, или религіознаго „горѣнія“,—не могутъ внѣдрить въ умы и сердца своихъ питомцевъ основныхъ положеній вѣры и нравственности, развить въ нихъ религіозное чувство и христіанскія настроенія“. „Начальная школа при наблюдаемой постановкѣ дѣла не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее надеждъ. Убогая обстановка, душная атмосфера, скудость школьныхъ пособій, отсутствіе единенія въ персоналѣ, слабая обезпеченность, граничащая иногда съ нуждой—все это налагаетъ на школу тяжелый отпечатокъ“.

Изъ осмотрѣнныхъ мною школъ останавливаютъ на себѣ вниманіе:

1. Мужское русско-черемисское двухклассное училище съ интернатомъ въ г. Бирскѣ. Въ училищѣ только 1 классъ (2-ой) 4, 5 и 6 отд. Персоналъ состоитъ изъ 2 учителей. Учащихся—72, въ томъ числѣ пансіонеровъ 30. Русскіе живутъ въ интернатѣ вмѣстѣ съ черемисами. Интернатъ обставленъ удовлетворительно. Ученики говорятъ по-русски удовлетворительно. При произведенномъ мною опросѣ вновь поступившихъ учениковъ оказалось, что большинство ихъ въ начальной школѣ учились прямо по-русски безъ помощи родного языка (есть учешки изъ Вятской

*) Доклады Бирскому уѣздному земскому собранію за 1914 годъ.

и Казанской губерній), Учитель, самъ родомъ черемисинъ, воспитанникъ этого же училища, свидѣтельствуетъ о наблюдаемомъ имъ развитіи среди черемисъ стремленія къ русскому образованію.

2. Женское черемисское училище въ г. Бирскѣ—съ пансіономъ и педагогическими курсами. Въ училищѣ обучаются 149 ученицъ; изъ нихъ 38 черемисинокъ, 2 башкирки и 109 русскихъ. На педагогическихъ курсахъ (трехлѣтнихъ) 57 ученицъ: 21 инородка и 36 русскихъ. Въ прошломъ году окончило курсы 14 ученицъ, изъ нихъ 3 черемисинки. Въ пансіонѣ, очень хорошо содержимомъ, несмотря на незначительность средствъ, находятся 32 ученицы. Язычницъ 12, изъ нихъ 5—на педагогическихъ курсахъ. Завѣдывающая училищемъ производитъ впечатлѣніе преданнаго дѣлу человѣка. Преподавательскій персоналъ, судя по урокамъ, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, удовлетворителенъ, хотя для ученицъ педагогическихъ курсовъ надлежащей подготовки дать и не можетъ.

Такъ же неудовлетворительно поставлено и начальное образованіе среди вотяковъ.

Въ заключеніе, резюмируя изложенное во второй части настоящаго доклада, я и здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволю себѣ отмѣтить тѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, могли бы способствовать улучшенію постановки начальнаго образованія въ Казанскомъ и Уфимскомъ краѣ.

1. Школъ, организованныхъ въ точномъ соотвѣтствіи съ идеями Ильминскаго, т. е. съ сохраненіемъ внутренняго содержанія системы послѣдняго и внѣшней ея стороны, очень мало и сосредоточиваются онѣ исключительно въ вѣдѣніи Братства св. Гурія, разбросаны въ самыхъ глухихъ углахъ края, крайне убого во всѣхъ отношеніяхъ обставлены и должны прекратить свое существованіе за отсутствіемъ средствъ, если не осуществится включеніе ихъ соотвѣтствующими земствами въ школьную сѣть, съ подчиненіемъ вѣдѣнію Училищныхъ Совѣтовъ, что, однако, лишитъ эти школы того миссіонерскаго характера, который онѣ въ данное время еще продолжаютъ сохранять.

2. Число школъ, организованныхъ по Правиламъ 14 іюня 1913 года, также должно быть признано совершенно недостаточнымъ. Развиваются онѣ крайне медленно, что объясняется съ одной стороны матеріальными соображеніями (болѣе значительный расходъ на содержаніе, чѣмъ на школу обычнаго типа съ трехгодичнымъ курсомъ, недостаткомъ помѣщенія и т. п.), такъ от-

части и отсутствіемъ подготовленныхъ учителей, а, главное, скрытымъ несочувствіемъ педагогической администраціи къ школамъ съ преподаваніемъ на инородческихъ языкахъ.

3. Вопросъ о допустимости преподаванія въ теченіе извѣстной части курса начальной школы на инородческомъ языкѣ долженъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ какъ по соображеніямъ практическаго, такъ и педагогическаго характера (политическихъ соображеній я не касаюсь), такъ какъ давно уже стало аксіомой, что „начало всякой дисциплины должно происходить на материнскомъ языкѣ, потому что мыслить на чужомъ языкѣ, безъ массоваго употребленія его въ семьѣ и обществѣ, невозможно; необходимо сначала обогатить учащихся понятіями, что возможно сдѣлать на родномъ языкѣ, а потомъ, когда умъ сформируется, можно переходить къ преподаванію на языкѣ государственномъ". „Такая школа", говоритъ Ушинскій: „гдѣ орудіемъ обученія служитъ не родной языкъ, съ перваго же дня, и весьма неласково, напоминаетъ ребенку, что онъ не дома и безъ сомнѣнія покажется ему букой. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ то чему же здѣсь удивляться. Иначе и быть не можетъ. Что значитъ она со своей сотней плохо заученныхъ словъ передъ той безконечно глубокой, живой и полной рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтья; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной, душевной почвѣ,—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, она безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣютъ его душой и зальютъ, загладятъ всякое впечатлѣніе школы".

4. Всѣ безъ исключенія языки населяющихъ Россію народностей, въ случаѣ надобности, могутъ быть *подсобными* въ школѣ.

5. Предметомъ изученія въ школѣ въ качествѣ особаго предмета преподаванія могутъ служить только языки, имѣющіе свою письменность и литературу, какъ бы ничтожна послѣдняя ни была.

6. Инородцы Поволжскіе и Приуральскіе (за исключеніемъ *татарской* интеллигенціи) нигдѣ, насколько мнѣ стало извѣстно, и не мечтаютъ о томъ, чтобы преподаваніе въ теченіе всего курса начальной школы происходило на родномъ языкѣ: они слишкомъ высоко цѣнятъ значеніе русскаго языка въ практической жизни,

чтобы добровольно отказаться отъ изученія его въ школѣ. Единственно чего они желаютъ—это осуществленія на практикѣ Правилъ 1913 года, допущенія въ начальной школѣ преподаванія въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ на родномъ языкѣ и уничтоженія въ ст. 4 „Правилъ“ словъ:“... если до истеченія двухлѣтняго срока учащіеся не окажутся въ состояніи воспринимать преподаваемые имъ предметы на русскомъ языкѣ“ *). Эти желанія, повидимому, легко исполнимы безъ всякаго ущерба русской государственности.

7. Для веденія правильной, достойной величія и чести Россіи, школьной политики по отношенію къ инородцамъ педагогической администраціи необходимо имѣть больше искренности, меньше боязни разныхъ сепаратистскихъ проявленій, болѣе глубокое усвоеніе взгляда, что, работая надъ поднятіемъ культурнаго уровня инородцевъ, она работаетъ для блага и величія Россіи, и рѣшительное опроверженіе господствующаго нынѣ въ значительной части педагогическихъ дѣятелей взгляда, что „Русскому Государству не слѣдуетъ, за свой счетъ, развивать языки отдѣльныхъ народностей и тѣмъ содѣйствовать ослабленію государственной идеи“. Русскій языкъ, какъ языкъ великаго народа, сами инородцы сумѣютъ сдѣлать для себя орудіемъ передачи накопленныхъ вѣками исторической жизни богатствъ духовной культуры русскаго народа и средствомъ для взаимнаго пониманія и общенія.

8. Въ качествѣ учителей въ инородческія школы слѣдуетъ привлекать въ возможно большемъ числѣ русскихъ, знающихъ тотъ или другой инородческій языкъ. Контингентъ такихъ лицъ можно, при добромъ и настойчивомъ желаніи, найти среди русскихъ, живущихъ по сосѣдству съ инородцами. Въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ на ряду съ инородцами должны обучаться и русскіе воспитанники **). Для учителей русскихъ, знающихъ инородческій языкъ той группы населенія, для которой существуетъ школа, надлежало бы повысить оклады жалованья путемъ, хотя бы, удвоенія установленныхъ пятилѣтнихъ прибавокъ

---

*) Ст. 4-ая Правилъ: „. . . преподаваніе другихъ предметовъ производится также на родномъ языкѣ учащихся въ первые два года обученія въ одноклассныхъ и въ первыхъ классахъ двухклассныхъ училищъ, если до истеченія двухлѣтняго срока учащіеся не окажутся въ состояніи воспринимать преподаваемые имъ предметы на русскомъ языкѣ“.

**) Проф. Залѣсскій считаетъ необходимымъ имѣть въ каждой семинаріи находящейся среди инородческаго населенія, не болѣе $^1/_4$ инородцевъ для того, чтобы русскіе могли обучаться у нихъ инородческому языку.

къ содержанію. При совмѣстномъ обученіи въ учительскихъ семинаріяхъ съ русскими, инородцы, какъ показываетъ опытъ Казанской учительской семинаріи, могли бы настолько хорошо усвоить русскій языкъ, что безъ особыхъ затрудненій были бы въ состояніи вести начальное обученіе и въ школахъ общаго типа.

9. Особенное вниманіе долженъ вызвать вопросъ объ организаціи надлежащаго надзора за инородческими школами. Необходимо устроить надзоръ этотъ на такихъ началахъ, чтобы въ организаціи его яснѣе и опредѣленнѣе былъ выраженъ элементъ руководительства, чѣмъ контроля и чтобы онъ, такимъ образомъ, существенно отличался отъ нынѣ дѣйствующаго. Слѣдуетъ надзоръ за инородческими школами и руководственное наблюденіе за постановкой преподаванія въ нихъ вообще и родного языка въ частности поручить лицамъ, владѣющимъ соотвѣтственнымъ инородческимъ языкомъ, для чего, можетъ быть, придется измѣнить дѣйствующее нынѣ прикрѣпленіе инспекторовъ къ уѣздамъ, независимо отъ состава ихъ населенія. Практиковавшійся до сихъ поръ способъ замѣщенія инспекторскихъ должностей лицами, окончившими курсъ Казанской Духовной Академіи, Лазаревскаго института и Восточнаго факультета, оказался и въ Казанскомъ краѣ, какъ и на Кавказѣ, совершенно неудачнымъ. Будучи болѣе или менѣе знакомы съ однимъ изъ восточныхъ языковъ, лица эти оказывались совершенно незнакомыми съ педагогическимъ дѣломъ и всѣмъ, что необходимо знать руководителю начальной школы. Поэтому, во многихъ случаяхъ дѣятельность ихъ оказывалась мало полезной, а иногда и вредной. Въ виду этого представляется болѣе цѣлесообразнымъ подготовить такихъ инспекторовъ изъ русскихъ инспекторовъ высшихъ начальныхъ училищъ и наставниковъ учительскихъ семинарій. Для подготовки ихъ къ дѣятельности въ качествѣ руководителей начальной инородческой школы имъ надлежитъ дать возможность изучить соотвѣтственный инородческій языкъ и литературу, открывъ съ этой цѣлью курсы, по крайней мѣрѣ двухгодичные, при Лазаревскомъ институтѣ, факультетѣ восточныхъ языковъ и вообще тамъ, гдѣ къ тому представится возможность. Курсистамъ необходимо назначить стипендіи въ полуторномъ, сравнительно съ другими стипендіатами, размѣрѣ. Лицо, получившее образованіе на этихъ курсахъ, по назначеніи на должность инспектора инородческихъ школъ должно получать увеличенное, сравнительно съ другими, содержаніе, которое по истеченіи 20 лѣтъ службы могло бы быть доведено до размѣровъ содержанія, установленныхъ штатами для директоровъ народныхъ училищъ. Если бы было признано не-

возможнымъ организовать курсы при Лазаревскомъ институтѣ и факультетѣ восточныхъ языковъ, то можно было бы открыть и самостоятельные спеціальные курсы, подобно тому, какъ это дѣлается въ Министерствахъ Юстиціи и Военномъ.

10. Особенно же надлежитъ всѣмъ дѣятелямъ на педагогическомъ поприщѣ среди инородцевъ усвоить себѣ тотъ взглядъ, что „правительственная школа не должна быть враждебной ко всему инородческому, а, наоборотъ, должна располагать къ себѣ инородческіе элементы и воздѣйствовать на нихъ гуманными и культурными средствами", „привлекая къ совмѣстной съ нею и въ ней культурной работѣ въ возможно широкой мѣрѣ тѣ общественныя силы, которыя близко соприкасаются съ народной школой".

11. Лишь при указанныхъ выше условіяхъ родные языки—эти лучшіе проводники новаго рода понятій—сыграютъ великую роль въ дѣлѣ пріобщенія инородцевъ къ русской культурѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ подъемѣ и усиленіи мощи и величія Россіи.

2007041696